

Ахмад Дехган

**АЛМАЗ
ХАМУНА**

**Воспоминания
Миргасем Мирхосейни**

Ростов-на-Дону

2020

УДК 82-94

ББК 84

A11

Ахмад Дехган

**A11 Алмаз Хамуна. Воспоминания Миргасем Мирхосейни -
Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2020. - 172 с.**

Данная книга посвящена воспоминаниям о жизни легендарного иранского командира времён ирано-иракской войны Мир-Касема Мир-Хусейни. Поступив добровольцем на фронт, он дослужился до ранга командующего дивизией и погиб в одной из битв.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6044725-4-5

УДК 82-94

ББК 84

© Помни Хусейна

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	5
Глава вторая.....	20
Глава третья.....	32
Глава четвертая.....	57
Глава пятая.....	72
Глава шестая.....	90
Глава седьмая.....	115
Глава восьмая.....	127
Глава девятая.....	142
Глава десятая.....	162

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Передо мною лежали три картонных коробки кофейного цвета, и одна единственная записка, на которой было написано: «Приветствую Вас. Мы предоставляем в Ваше распоряжение всю собранную нами информацию о жизни мученика Мир-Касема Мир-Хусейни для того, чтобы Вы, основываясь на этих данных, написали книгу о нём. Вас уже определили в командировку в Систан. Там Вы сможете добыть больше сведений об этом человеке, а также встретиться и поговорить с его боевыми товарищами и просто знакомыми. Спланируйте всю поездку до конца этой недели».

Я пребывал в состоянии лёгкого замешательства – это был человек, о котором, равным счётом, не знал ничего, кроме имени, а теперь передо мной лежат три увесистых коробки с подробной информацией о нём, которую я должен тщательно изучить.

Я открыл коробку, которая лежала ближе остальных. Она была заполнена копиями документов и различными выдержками. Я достал их и, перевернув, положил на стол, повернул лицом к себе последнюю страницу и посмотрел на её номер – 1834. Это число я автоматически умножил на 3, и, примерно поняв, сколько там было материала, у меня началось лёгкое головокружение.

Не было даже малейшего представления о том, с какого конца мне стоит начать своё исследование. Однако же, я не теряюсь. План был такой – штудировать весь материал, и уже после этого начать составлять план своей книги.

В голове тут же возникают мысли о предстоящей поездке. Никогда прежде я не был в Систане. Относительно него у меня имеются два представления – одно сформировалось из вычитанных мною эпических историй древности и легенд, а другое – представление о Систане и Белуджестане, которое, на сегодняшний день, сформировалось в сознании каждого современного иранца на основе слухов и предрассудков.

Из всей массы я взял несколько скрепленных вместе бумаг. На титульном листе было написано имя автора: «Реза Мансур». Читаю:

«Впервые я познакомился с ним, когда мы были вблизи цистерны, в которой хранилась питьевая вода. В то время я проходил службу в 148-м батальоне 77-й дивизии в Хорасане. Для меня тогда всё было чужим и странным; иног-

да вечерами я начинал сильно тосковать и предаваться ностальгии по Систану...

Так вот, мы тогда стояли около цистерны с питьевой водой. Он, параллельно с кем-то разговаривая, подошёл к нам. Вдруг, прислушавшись к его речи, я различил в ней забольский¹ диалект. Я уже и не надеялся услышать здесь этот родной для меня диалект, и поэтому был несказанно рад такому обстоятельству. Завидев его, я тут же подошёл к нему.

– Извините, Вы не из Заболя, случаем? – спросил я его.

– Да, – ответил он, и мы с ним, тут же перейдя на «ты», начали оживлённо говорить на общие для нас темы. В тот момент у меня появилось такое чувство, будто мне подарили весь мир – до такой степени я был рад этой встрече! Окончив разговор, я принялся прощаться с ним.

– Мы располагаемся недалёко отсюда, а значит – соседи, – сообщил он перед тем, как уйти. – Я ещё как-нибудь зайду, чтобы навестить тебя, дружище, – добавил он.

Спустя некоторое время, он пришёл вновь. Этот человек всегда держал своё слово.

Только потом я узнал, что он командир 41-й дивизии под названием "Сарулла". Когда я узнал об этом, то меня тут же охватил жгучий стыд. Я ведь был обычным солдатом, а он – одним из командующих войсками».

Я пролистал несколько страниц и наткнулся на повествование некоего человека по имени Хусейн Сахранавард:

«Впервые я отправился на фронт в 1982 году. Был ноябрь. Слухи о Мир-Хусейне уже доходили до меня, но я ещё ни разу не видел его своими глазами. На основании всего того, что я слышал о нём, в голове у меня нарисовался образ огромного и могучего человека, окружённого несколькими телохранителями. Там, где мы находились, ребята постоянно рассказывали разные истории, связанные с ним. Не редко я садился в круг уже бывалых бойцов и начинал слушать рассказы о том, что с ними приключалось в той или иной операции.

Как-то раз, мы с несколькими бойцами из нашего отряда отправились осматривать окрестности места нашей дислокации. Сформированный отряд состоял из нескольких ветеранов и одного новичка, к которым присоединился и я.

¹ **Заболь** – город на юго-востоке Ирана, находящийся на отдалении 25 км от границы с Афганистаном. Южнее него находится озеро Хамун.

– Недалеко отсюда есть минное поле, на котором наши сапёры и диверсанты обучаются своему делу. – сказал новичок, когда мы преодолели некоторый путь. – Давайте пойдём и посмотрим!

И мы пошли. Первым препятствием на нашем пути оказался речной канал, после которого была колючая проволока – за ней находилось поле, усеянное минами самых разных типов и видов. Мы перебрались через канал, когда новичок вдруг подал голос:

– Пусть никто не выходит из канала, а то можем попасть напрямиком на поле.

Неужели и на преодоленном нами пути могли быть мины? Как ни странно, когда мы возвращались, то заметили, что да – они там были, практически начиная с того момента, когда мы, на свою голову, отправились посмотреть на минное поле. Лишь чудом мы сумели избежать их. Нас там было четверо или пятеро.

– Никому не двигаться! – сказал новобранец, когда мы пришли на место, и, выступив вперёд, начал обезвреживать мины. По ходу этого процесса он обучал нас тонкостям этого искусства.

Мины этот новичок, который, однако же, был не из робкого десятка, находил даже в непосредственной близости от дороги. Некоторые из них были световыми.

– Что будем делать с этим? – спросил новобранец, когда мы вновь вышли из канала. С собою у него было уже несколько мин

– Может, посмотрим, что будет, если их бросить в огонь? – предложил он очередную авантюру.

Мы разожгли огонь и бросили в него одну из световых мин. Через несколько секунд столб голубого пламени устремился высоко в небо, освещая всё вокруг. В какой-то момент, мы все испугались и начали убегать оттуда. В этот самый миг кто-то крикнул:

– Мир-Хусейни пришёл, Мир-Хусейни! – им оказался молодой солдат из Систана. Он ехал к нам на джипе...

На следующее утро мы отправились на построение. В три ряда стояли отряды разных назначений – «Хизбулла», «Джундулла» и «Рухулла». После

прочтения священного Корана² и совершения других официальных процедур, на трибуну вышел Мир-Хусейни. Если бы меня тогда спросили, то я бы не догадался, о чём он будет говорить. Выступить с речью было одно из его призваний – всё наше внимание было полностью приковано к нему, и мы смотрели на него, как зачарованные.

– Братья! – обратился ко всем в целом и, как выяснилось сразу после этого, к нашему авантюристскому отряду в частности, – Почему вы позволяете себе без спроса идти на минное поле и заниматься обезвреживанием этих мин? Что если, не дай Бог, они бы сработали?

Только в этот момент мы осознали, насколько безрассудным и опасным было наше решение. Объективная и последовательная критика Мир-Хусейни и его упрёки в наш адрес сильно расстроили меня. Несколько дней вдали от дома, этот командующий войсками, в корне отличавшийся от того представления, которое я имел о нём, наша безрассудная вылазка и, конечно же, эта мучающая совесть и чувство вины, подобных которым я никогда в жизни не испытывал – всё это в совокупности навалилось на меня с новой силой. Здесь, на фронте, всё было другим».

Я полностью был погружён в чтение. Между мною и этими людьми есть одна схожая особенность – мы с ними находимся в самом начале знакомства с Мир-Хусейни. Каждый знакомится с какой-то конкретной чертой его характера, которая проявилась в той или иной ситуации.

Мой взгляд падает на сложенные два раза листы бумаги, находящиеся в самом низу коробки. Я беру и раскрываю их – на нескольких копии каких-то документов, и только на одном что-то написано синей ручкой:

«Эти воспоминания я записываю по просьбе одного своего знакомого спустя пятнадцать лет после описываемых в моём письме событий. Моё знакомство с ним прошло следующим образом...».

Весьма любопытно. Этот очевидец также начинает свой рассказ с того, как произошла его первая встреча с Мир-Хусейни. Чтение занимает меня всё больше и больше, и теперь мне не терпится узнать, как другие люди

² Со чтения Корана начинается каждое значительное мероприятие в Иране.

познакомились с Мир-Хусейни. Я продолжаю чтение:

«Я служил в ударном отряде. Мы тогда возвращались после выполнения операции. Сев в машину, я доехал до развилки, после которой пути наши расходились в разные стороны, и я спешил. Когда машина уезжала, я вдруг увидел в боковом её зеркале своё лицо, которое не сразу смог узнать – настолько оно было грязным. Перейдя дорогу, я встал в ожидании транспорта. Вдали виднелась одна машина, стоявшая недалеко от передовой линии. Её водитель увидел меня и двинулся мне навстречу.

– Брат, я так понимаю, ты только что вернулся с операции на той стороне границы? – поравнявшись со мной, спросил он.

– Да, – ответил я.

Тогда он спросил меня о положении в этой точке боевых действий, а также о том, в каком именно отряде я состою.

– Мы были в окрестностях деревни Кушк. Ситуация на границе была неплохой. Состоял я в группе Шахида Садуки в батальоне Фатимы Захры, – ответил я.

– Откуда ты родом? – пристально посмотрев на меня, спросил он.

– Из Систана, окрестностей города Заболь, – ответил я.

В один момент его лицо сразу же озарилось радостью. Он подошёл и начал расспрашивать меня о том, кто мой отец, где конкретно мы жили и всё тому подобное. Пока мы стояли и разговаривали, подъехала машина, из которой выскочил водитель и второпях подбежал к нам. По нему было видно, что он очень взволнован:

– Мир-Хусейни! – воскликнул он, – Батальон имени имама Хасана, который выполнял боевую задачу на границе между постами "Зейд" и "Хусейнийе" потерпел неудачу! Вам было приказано отправиться туда и лично посмотреть на то, что там творится! Мне велели передать, что Вы должны добраться туда как можно быстрее!

После этих слов я понял, что моего собеседника звали Мир-Хусейни. Он начал настаивать на том, чтобы я вернулся на базу, но водитель просил, чтобы вместе с ним мы отправились на передовую. На самом деле, я и сам хотел идти с ним. После того, как я начал настаивать на том, что не позволю ему идти одному, Мир-Хусейни отступил и взял меня в качестве спутника. Мы сели в машину и поехали вперёд.

Доехав до развилки Кушк-пост Зейд, Мир-Хусейни сказал водителю свернуть с дороги в сторону той самой части на передовой, на участке которой, по его словам, имелись проблемы. Когда водитель опять начал говорить о том, что положение очень сложное, то Мир-Хусейни лишь весело рассмеялся.

– Ну, всё не совсем так, как ты говоришь, – сказал он. – Наши ребята отлично держат линию обороны. У нас там имеется отчаянная моторизованная пехотная бригада из шести человек.

Сначала я подумал, что он шутит, но когда мы добрались, то стало понятно, что это правда. На той линии действительно были наши, и их было ровно шесть человек. Один из них был сейидом.³ На нём была шапка зелёного цвета и все звали его не иначе, как «Сейид». Ещё один был родом из города Сирджан, и звали его Рауси. Давайте я опишу для вас то, при каких обстоятельствах прошло моё с ними знакомство.

Добравшись до линии, Мир-Хусейни велел мне выпрыгнуть из машины и укрыться, как только он остановится. Местность чуть поодаль от нас была в зоне видимости врага. Иракцы начали миномётный обстрел. Всё настолько было окутано песком и пылью, что на расстоянии десяти метров уже нельзя было ничего разглядеть.

Машина резко остановилась, и я выпрыгнул из неё, не успев даже сообразить, куда после этого делся сам Мир-Хусейни, как, впрочем, и сам водитель вместе с машиной. Иракцы вели сильный обстрел. Я прижал голову к земле и всё ждал, что какая-нибудь из пуль или осколков угодит в меня.

Спустя три или четыре минуты огонь иракцев стал менее массированным. Тогда я приподнял голову и огляделся, но ничего, кроме дыма и пыли, вокруг себя я не увидел. Несколько раз я окликнул Мир-Хусейни, однако ответа не последовало. Тут я подумал, что их, быть может, уже нет в живых.

Через несколько минут, когда пыль, наконец, осела, я опять оглянулся – машины по-прежнему нигде не было видно. По всей видимости, её не подбили, а значит, они сумели выйти из-под огня. Это обстоятельство не могло не радовать меня. В тот самый момент я услышал голос Мир-Хусейни. Он бежал в мою сторону справа от меня и, что есть силы, звал меня. В этот же миг я увидел, что с другой стороны, в ста метрах от меня, находился

³ Сейид (араб. — вождь, господин, глава) — почётный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммада от его дочери Фатимы.

иракский часовой, которого я прекрасно видел. Я побоялся, что, если я откликнусь, то он поймёт, что я жив, и начнёт обстреливать нас из пулемёта. Я ничего не отвечал Мир-Хусейни лежал, стараясь не шевелиться. Когда Мир-Хусейни увидел, что я не издаю ни звука, он подумал, что я ранен или убит. Боковым зрением я видел, с какой большой скоростью он бежит ко мне. Когда он, наконец, приблизился на расстоянии нескольких метров, то прыгнул в ближайшую яму и тихо окликнул меня. Отозвавшись, я сразу сказал ему, что нужно быть осторожными и лучше не двигаться, так как мы находимся в зоне наблюдения иракского дозорного.

После этого мы притихли и больше ничего не говорили. Я продолжал притворяться мёртвым, а Мир-Хусейни, находясь в своем укрытии, следил за дозорным. Спустя несколько минут он сказал:

– Когда я побегу, сразу же вскакивай и беги за мной.

Я начал ожидать старта. Мир-Хусейни вдруг резко вскочил и побежал со скоростью стрелы, пущенной из хорошо натянутого лука, и я, вскочив, рванул за ним. До следующего окопа, что был в ста метрах от нас, я бежал так быстро, как никогда прежде за всю свою жизнь. Вопрос жизни и смерти зависел от скорости ног и их силы.

Наконец, мы добежали до земляного укрепления и скрылись за ним от вражеских пуль. Мы оба пытались восстановить дыхание. Конечно, мы были рады тому, что нам удалось ускользнуть от иракского дозорного, но, с другой стороны, на расстоянии 30-40 метров был и другой иракский наблюдательный пункт. Если бы не огневые очереди, которые раздавались с разных сторон, то мы смогли бы прекрасно различить речь иракских солдат, которые непрерывно что-то кричали друг другу. Мы были вынуждены обождать, пока их боевой пыл не утихнет.

– Ты оставайся здесь, а я пойду и скажу нашим, чтобы ровно в восемь часов они начали отступать, – сказал мне Мир-Хусейни.

Я тогда не понял, что он конкретно имел в виду. Мир-Хусейни ушёл, и через несколько минут я увидел, как один из наших бежал в мою сторону. Это был Раиси – тогда я с ним и познакомился. С тяжёлым дыханием, но не без улыбки, он протянул мне руку.

– Звать меня Раиси, родом из Сирджана, – переводя дыхание, сказал он.

Его манера речи мне показалась довольно-таки забавной. Мы пожали друг другу руки. Затем к нам начали подтягиваться и остальные, и с каждым из

них я общался по несколько минут. С сейидом я познакомился там же. Он был ранен. Мир-Хусейни разделил нас на несколько отрядов для организованного отступления. Двое должны были идти впереди, трое – нести сейида, я – идти за ними, ну а Мир-Хусейни должен был замыкать наше шествие и идти позади всех. Он указал нам маршрут.

– Мы должны держаться друг от друга на расстоянии 100-150 метров, – инструктировал нас Мир-Хусейни. – Идите, пока не достигните двух подбитых танков. Когда придёте, то ждите, пока я не подоспею.

Первый отряд тронулся в путь. Второй, взяв сейида, двинулся вслед за первым. Когда они отошли на достаточное расстояние, я тоже встал и побежал за ними. Перед тем, как мы начали движение, Мир-Хусейни в очередной раз напомнил нам, что мы должны двигаться так быстро, как только можем.

Через 700 или 800 метров я вдруг увидел справа от себя движущихся колонной солдат. Несколько человек вышли из этой цепи и начали целенаправленно двигаться в мою сторону. Сначала я подумал, что это иракцы, и поэтому начал убежать в противоположную сторону, пока не добежал до укрытия. Там, произнеся слова свидетельства (шахаду),⁴ я начал ждать их приближения, чтобы дать бой. Внимательно прислушавшись, я понял, что они что-то говорят на персидском языке. Весь мой страх тут же улетучился.

– Ребята, я свой, иранец! Не стреляйте! – высунувшись из укрытия, крикнул я им.

Они подошли ко мне. Я вышел, и мы радостно поприветствовали и обняли друг друга.

– Откуда же ты идёшь? – спросили они.

Я им рассказал всю историю того, как я сюда попал.

– Эти три человека, которые несли раненного, были с вами? – спросил меня один из них.

– Да, – ответил я, и вслед за этим указал им на точное расположение иракских наблюдательных пунктов и места их дислокации.

Когда мы уже должны были прощаться, один из них сказал мне:

⁴ Два свидетельства в исламской религии – свидетельство о единстве Бога и посланничестве пророка Мухаммада. Если мусульманин узнаёт о своей возможной скорой смерти, то настоятельно рекомендуется произнести эти два свидетельства перед смертью.

иракский часовой, которого я прекрасно видел. Я побоялся, что, если я откликнусь, то он поймёт, что я жив, и начнёт обстреливать нас из пулемёта. Я ничего не отвечал Мир-Хусейни лежал, стараясь не шевелиться. Когда Мир-Хусейни увидел, что я не издаю ни звука, он подумал, что я ранен или убит. Боковым зрением я видел, с какой большой скоростью он бежит ко мне. Когда он, наконец, приблизился на расстоянии нескольких метров, то прыгнул в ближайшую яму и тихо окликнул меня. Отозвавшись, я сразу сказал ему, что нужно быть осторожными и лучше не двигаться, так как мы находимся в зоне наблюдения иракского дозорного.

После этого мы притихли и больше ничего не говорили. Я продолжал притворяться мёртвым, а Мир-Хусейни, находясь в своем укрытии, следил за дозорным. Спустя несколько минут он сказал:

– Когда я побегу, сразу же вскакивай и беги за мной.

Я начал ожидать старта. Мир-Хусейни вдруг резко вскочил и побежал со скоростью стрелы, пущенной из хорошо натянутого лука, и я, вскочив, рванулся за ним. До следующего окопа, что был в ста метрах от нас, я бежал так быстро, как никогда прежде за всю свою жизнь. Вопрос жизни и смерти зависел от скорости ног и их силы.

Наконец, мы добежали до земляного укрепления и скрылись за ним от вражеских пуль. Мы оба пытались восстановить дыхание. Конечно, мы были рады тому, что нам удалось ускользнуть от иракского дозорного, но, с другой стороны, на расстоянии 30-40 метров был и другой иракский наблюдательный пункт. Если бы не огневые очереди, которые раздавались с разных сторон, то мы смогли бы прекрасно различить речь иракских солдат, которые непрерывно что-то кричали друг другу. Мы были вынуждены обожждать, пока их боевой пыл не утихнет.

– Ты оставайся здесь, а я пойду и скажу нашим, чтобы ровно в восемь часов они начали отступать, – сказал мне Мир-Хусейни.

Я тогда не понял, что он конкретно имел в виду. Мир-Хусейни ушёл, и через несколько минут я увидел, как один из наших бежал в мою сторону. Это был Раиси – тогда я с ним и познакомился. С тяжёлым дыханием, но не без улыбки, он протянул мне руку.

– Звать меня Раиси, родом из Сирджана, – переводя дыхание, сказал он.

Его манера речи мне показалась довольно-таки забавной. Мы пожали друг другу руки. Затем к нам начали подтягиваться и остальные, и с каждым из них я общался по несколько минут. С сейидом я познакомился там же. Он был ранен. Мир-Хусейни разделил нас на несколько отрядов для организо-

ванного отступления. Двое должны были идти впереди, трое – нести сейида, я – идти за ними, ну а Мир-Хусейни должен был замыкать наше шествие и идти позади всех. Он указал нам маршрут.

– Мы должны держаться друг от друга на расстоянии 100-150 метров, – инструктировал нас Мир-Хусейни. – Идите, пока не достигните двух подбитых танков. Когда придёте, то ждите, пока я не подоспею.

Первый отряд тронулся в путь. Второй, взяв сейида, двинулся вслед за первым. Когда они отошли на достаточное расстояние, я тоже встал и побежал за ними. Перед тем, как мы начали движение, Мир-Хусейни в очередной раз напомнил нам, что мы должны двигаться так быстро, как только можем.

Через 700 или 800 метров я вдруг увидел справа от себя движущихся колонной солдат. Несколько человек вышли из этой цепи и начали целенаправленно двигаться в мою сторону. Сначала я подумал, что это иракцы, и поэтому начал убежать в противоположную сторону, пока не добежал до укрытия. Там, произнеся слова свидетельства (шахаду), я начал ждать их приближения, чтобы дать бой. Внимательно прислушавшись, я понял, что они что-то говорят на персидском языке. Весь мой страх тут же улетучился.

– Ребята, я свой, иранец! Не стреляйте! – высунувшись из укрытия, крикнул я им.

Они подошли ко мне. Я вышел, и мы радостно поприветствовали и обняли друг друга.

– Откуда же ты идёшь? – спросили они.

Я им рассказал всю историю того, как я сюда попал.

– Эти три человека, которые несли раненного, были с вами? – спросил меня один из них.

– Да, – ответил я, и вслед за этим указал им на точное расположение иракских наблюдательных пунктов и места их дислокации.

Когда мы уже должны были прощаться, один из них сказал мне:

– Если ты один и боишься сам идти в наш тыл, то мы можем отправить с тобой одного из нас.

– Нет, что вы, не стоит, – ответил я, – к тому же вслед за мной идёт Мир-Хусейни.

По их реакции на произнесённое мною имя сразу было видно, что они хорошо знакомы с ним.

– Это ведь тот, который приходится двоюродным братом богатырю Рустаму?⁵ – в шутку спросил самый молодой из них.

Мы распрощались, и я направился назад, к нашим позициям.

Но что же происходило по другую сторону всего этого? Мир-Хусейни издали увидел, что вокруг меня стоят какие-то солдаты и о чём-то спрашивают. Естественно, первое, что пришло ему в голову, это то, что мои случайные собеседники являлись иракскими солдатами, которые взяли меня в плен и уже вели на допрос. Он незаметно обошёл нас стороной и, догнав тех, кто шёл впереди, быстро сообщил, что меня взяли в плен, и что меня необходимо в срочном порядке вырвать. Он взял с собой трёх человек и двинулся в мою сторону, намереваясь освободить из вражеского плена. Когда я отошёл от той колонны и двинулся назад, то уже ни о чём не беспокоился, потому как чувствовал себя в безопасности, и шёл весьма свободно и непринуждённо. Пройдя примерно 300 или 400 метров, я наткнулся на Мир-Хусейни с его людьми, которые шли мне на выручку. Мы радостно обнялись.

– Разве тебя не взяли в плен? – тут же с удивлением спросил он меня.

– Нет же, Мир-Хусейни! – ответил я, смеясь в недоумении, – Это были ребята из ширазского отряда "Аль-Махди". Один из них, с которым я проговорил больше всех, просил передать привет от племянника Саади⁶ двоюродному брату Рустама.

Мир-Хусейни хорошо знал их всех.

– Они как раз направляются к точке сбора для выполнения одной операции. В планах вышестоящего начальства отбить один участок у врага, – сказал он.

Все мы двинулись в обратную сторону и дошли до двух человек, которые стояли, ожидая нас. Спустя несколько минут подошёл ещё один батальон, служивший подкреплением и поддержкой первого. До этой точки имелось транспортное сообщение с нашим тылом. Мы сели в одну из подъехавших машин и двинулись в сторону нашего места назначения.

Тех шести человек из отряда, которых мы вызволяли, я больше никогда не видел, но Мир-Хусейни – знамя сопротивления из нашего родного Систана – я видел ещё много раз. Он, поистине, был гордостью Хамуна...».

⁵ **Рустам** – герой из персидского эпоса, ставший синонимом богатырства и силы.

⁶ Имеется в виду – житель Шираза. Именно оттуда был родом известный персидский поэт Саади.

Я вновь полностью погрузился в чтение, и оно захватывало меня с новой силой. Я взял другую коробку и пододвинул её поближе к себе. Она была закрыта жёлтой пластиковой лентой, и как бы я ни старался её порвать, у меня никак не получалось. Тогда я попробовал разорвать злополучную ленту зубами, и мне это удалось. Я снял с коробки крышку. На самом верху лежала одна фотография. Повернув её, я увидел на ней стоящего мужчину с громкоговорителем в руках. Он стоял напротив толпы людей, одетых в военную форму, которые очень внимательно слушали его. Я начал вглядываться в этого оратора – у него узкое лицо и продолговатый нос. Этого человека я видел впервые. Вдруг, прочитав корявую надпись на другой стороне фотографии, я обнаружил, что это Мир-Касим Мир-Хусейни.

Вновь повернув фотографию, я уже совсем по-новому начинаю всматриваться в неё. Надо же, я и не представлял, что этот молодой человек, находящийся в самом рассвете сил, может быть тем, ради написания истории о котором я должен провести в изучении всего этого материала и не один день и ночь. Моё знакомство с ним произошло неожиданно...

Я вновь начинаю листать бумаги и выбираю одну из них – это рассказ Резы Нуруллы:

«Возможно, вы мне не поверите, но за всю жизнь я только два раза встретился с Мир-Хусейни. Первая встреча произошла в 1981 году. Я тогда прибыл в Тегеран, чтобы навестить одного из своих родственников, лежавшего в больнице. Меня высадили на площади «Азади» и я, так как для меня все здесь было ново, полувосторженно и полупотерянно просто смотрел по сторонам. Естественно, ориентироваться в столице я тоже не умел. Пребывая в такой растерянности, я увидел молодого человека, стоящего недалеко от меня, и обратился к нему. Мне он показался довольно-таки приятным малым. Поздоровавшись с ним, я виновато сказал ему, что не знаком с городом, и что мне нужна помощь. Как только он начал говорить, тут же стало понятно, что он тоже из Заболя, а значит мы с ним были земляками.

– Ничего страшного, – сказал он, – пойдём вместе, я провожу тебя туда, куда тебе надо.

Как я позже узнал с его слов, в то время он проходил обучение в гарнизоне имени имама Али. Уже после полудня мы с ним посетили один из торговых центров в Тегеране под названием «Таджириш», где он приобрёл несколько книг.

После этого, мои знакомые и родственники, отправлявшиеся на фронт,

сообщали мне о разных подробностях его (ставшей известной уже всем) деятельности – о его храбрости и отваге, о вдохновляющих и пылких речах, о его скромности и усердии в богослужении и т.д. Иногда, таким же способом, то есть, через знакомых и родственников, мы с ним передавали друг другу приветствия и всяческие благие пожелания.

Второй раз я видел его уже в 1985 году в священном городе Кум. Я и ещё несколько человек решили посетить дом мученика Махмуда Сауди. Мир-Хусейни, как ни странно, в этот же момент находился там. Мы увидели друг друга, и между нами завязался тёплый и дружеский разговор. В руках у меня была книга, на обложке которой было написано «Уроки по философии».

– Надо же, у тебя есть эта книга? Она очень хороша! – сказал он, увидев её. Тогда я понял, что этот человек любит много читать... И после этой встречи я всегда сверялся о нём у знакомых, пока однажды мне не сообщили, что в ходе выполнения операции под названием "Кербела-5" его убили».

Али Наджибзаде написал очень много. Его повествования касаются в основном тех операций, в которых он лично принимал участие. Я прекрасно понимаю, что подобный материал нужно будет использовать в другом месте, а не в начале моего исследования, и поэтому начинаю читать историю их знакомства:

«Во время операции "Аль-фаджр-3" мы держали позиции вдоль одного канала, тогда как иракцы бросили все имеющиеся на этой территории силы для того, чтобы отбить город Мехран. Бомбы и снаряды без конца взрывались рядом с нами, заполняя воздух дымом и пустынной пылью, которой мы изрядно наглотались.

Враг хотел начать контрнаступление. Нас было всего 70 человек, и мы, под предводительством мученика Ахмада Амини, обороняли линию вдоль этого канала. Одних только танков, доставленных туда врагом, было 80 штук. Судя по всему, они хотели нас окружить.

Тогда я и увидел, как какой-то молодой парень стоял немного дальше по течению и с кем-то вёл переговоры по рации. Я был удивлён его хладнокровию, которое отчётливо было видно во всей его сущности. Даже когда снаряды разрывались не так далеко от него, он никак на них не реагировал.

– Кто это? – спросил я Шахида Ахмада Амини, – Вон тот, что стоит дальше по каналу.

– Ты что, не узнаёшь его? – спросил он в ответ, – Это же Мир-Хусейни, руководящий военными операциями.

К тому времени я был уже наслышан о нём, но до этого дня ещё ни разу не видел его.

Иракцы уже заметно приблизились. Я подошёл к Мир-Хусейни.

– Мир-Хусейни!– обратился я к нему. – Иракцы подступили ближе, а у нас нет ни боеприпасов, ни гранатомётных снарядов, ни живой силы. Все наши ребята, если не пали в бою, то ранены...

Не дав мне продолжить, он перебил меня:

– Они находятся в окружении. Не переживай, мы их слёгкостью одолеем.

После этого, проведя своей рукой по моей руке и лицу, он сказал:

– Дальше по каналу имеются боеприпасы, возьми с собою несколько человек, отправляйтесь туда и принесите их. По воле Бога, мы уничтожим их всех прямо здесь!

В этот день я впервые и познакомился с ним».

Я собрал все бумаги, чтобы положить их обратно в коробки. Надо было подготовить все необходимые документы, после чего следовало завершить все дела здесь и отправляться в путь, туда, на землю, которая взрастила Мир-Хусейни.

Бумаги я сложил точно так же, как они и лежали, но разыгравшийся во мне интерес настоятельно требовал от меня, чтобы я прочитал ещё хоть что-нибудь из всего этого. Меня привлёк один лист. Автором написанного был Хусейн Джахантаб:

«Это было в тот день, когда Мир-Хусейни должен был приехать в нашу школу, чтобы выступить с речью. Говорили, что он является одним из командующих нашими войсками. Насколько я помню, к тому моменту, когда он явился, шёл второй урок. Нас всех рассадили по рядам. По нему никак нельзя было сказать, что он командующий войсками: худощавый, физически слабый и невысокого роста. В толпе сидящих начинали всё сильнее перешёптываться, нагнетая уже приличный басовый гул, как вдруг он, поприветствовав всех, начал говорить. В течение первых же минут ему удалось сделать так, что все замолкли и слушали только его. Тысячи человек сидели и, как замороженные, внимали его речам. Я прекрасно помню, как с этой же кафедры он сказал следующее:

– Если сегодня вы, молодые люди, не проявите сознательность и не отправитесь на фронт, то уже в недалёком будущем, когда война закончится, вы будете испытывать тяжелейшую досаду и сожаление, а также стыд перед всеми павшими и своей нацией! Если вы, молодые люди...

В каждом произнесенном им слове чувствовалась заложенная в них сила, которая как будто отключала наше сознание и закладывала смысл его слов в подсознание и в саму нашу сущность. На следующий день большинство ребят нашей школы, что присутствовали во время его речи, отправились воевать на фронт».

Наконец, закончив собирать бумаги, я положил их все в картонную коробку, после чего плотно завязал её жёлтой лентой. Я встал. Все мои мысли в этот момент были сосредоточены на предстоящей поездке, в ходе которой я должен познакомиться с Мир-Хусейни. Каким человеком Мир-Хусейни был на самом деле? На одной из страниц я вычитал, что он пал смертью мученика, когда ему было всего лишь 23 года... Разве такое возможно? Как такое может быть, что человек в столь юном возрасте смог достичь такого величия и любви среди обитателей этой земли?

У меня ещё тысячи вопросов по поводу его личности, и я обязательно найду на них ответы, когда вступлю на землю Систана. А раз так, то откладывать больше нельзя – надо ехать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Был уже вечер. Тягучий рёв нашего автобуса заполнил собою всю долину и неустанно двигался всё дальше, вперёд. Такое чувство, будто бы воздух застлан густым туманом. Обжигающий ветер задувает через щели закрытых окон внутрь. От сильной духоты и жара в автобусе тела окутываются липкой пеленой пота. Снаружи хозяйничает знойный ветер, поднимая мельчайшие частицы грунта в воздух и рассеивая их во все стороны. Потому-то мне и показалось, что в воздухе туман – настолько густою была поднятая в воздух пыль.

Я проехал уже тысячу километров, а может и больше. Мой путь к тому моменту уже длился целые сутки. Такое чувство, что тысяча жителей Систана, как повествуется в различных рассказах, связанных с этой местностью, схватили меня, и все дружно принялись избивать. Всё моё тело изнывало от тупой боли. Наш автобус был полон людей самых разных видов и сортов. Были там, в том числе, мужчины и женщины с завязанными на голове платками и в одеждах, которые выдавали в них жителей Систана. Положительным моментом того, что путешествие длилось так долго, было то, что целые сутки я мог расспрашивать этих людей о той местности, в которую мы направлялись, и о том, что же из себя представляет Систан.

– Мы уже почти прибыли, – повернувшись, сказал один мужчина, который сидел впереди меня.

Я пытался немного отвлечься от этого незнакомого мне мира, к которому приближался с каждой секундой. Вслушиваясь в шёпот ветра, я достал фотографию, сделанную в полный рост, на которой изображён тот, ради кого я и отправился в этот путь, и внимательно начал рассматривать её. На ней всё тот же худощавый молодой человек, перед которым стоит всё та же толпа военных.

Мой взор обратился наружу. Всё, что видели глаза через окно автобуса – это пустыня, конца и края которой они не способны различить. Пассажир, что сидел передо мною, вновь повернулся ко мне.

– Я же говорил тебе, что это ещё не Систан, – с энтузиазмом заметил мой сосед. – Систан вообще не похож на всё то, что ты видишь за окном. Систан весь буквально утопает в зелени и в растительности, а жители его по большей части занимаются сельским хозяйством и скотоводством. Также и отец того человека, из-за которого ты едешь в Систан, занимается

сельским хозяйством. Я скажу, где тебе точно надо будет выйти.

Так он же, право, говорит об отце Мир-Хусейни! Этот парень попытался взглянуть на фотографию в моей руке, и я повернул её так, чтобы он мог разглядеть её. Когда он увидел главного героя фотографии, на лице его появилась улыбка.

– Так почему же ты мне не сказал, что знаешь его лично? – тут же, без каких-либо вступлений, спросил я его.

Улыбка тут же исчезла с его лица, и появилось такое чувство, будто бы я задал неуместный вопрос.

– Я ведь не утверждал, что знаю его лично, – ответил он. – О его подвигах я знаю по слухам, а фотографию его можно увидеть в начале шоссе, что ведёт до сельского округа Джазинак. Я покажу, куда тебе надо идти, как только мы доберёмся.

Впереди виднелось несколько низких холмов. Наш ревущий автобус проехал через них и спустился в долину, которая была полностью покрыта зеленью и посевными полями. Мне казалось, что я во сне, будто в мгновение ока я перешёл из одного мира в другой. Здесь уже ничто не напоминало о той пустынной картине, которая осталась там, позади этих маленьких холмов.

До самых тех пределов, до которых способны видеть глаза, всё было покрыто растительностью и полями пшеницы, ячменя и люцерны. В некоторых местах уже успели собрать урожай. Вдали в этой ночи виднелись светящиеся лампы – это пастухи, что через пастбища, подгоняя свои стада, возвращаются к себе в дома. Вдалеке были видны дома с куполообразными крышами, из труб которых густой дым поднимался в ночное небо.

Из оконных щелей легко веяло приятным ароматом свежего ячменя. В воздухе носились частицы золотистой пшеницы. На самом деле, всё это не было похоже на то, что я себе представлял, когда решил отправиться сюда – Систан был совершенно иным.

– Ты должен сойти вон там, – опять повернувшись ко мне, сказал мой друг спереди, прервав мои размышления.

Рукою он показывал вперёд, туда, где уже был виден поворот. Быстро встав, я собрался.

– Остановите на повороте к шоссе Джазинак, пожалуйста! – громко обратился я к водителю.

Распрощавшись со всеми, с кем я успел познакомиться за время дороги, я

прошёл в переднюю сторону автобуса. Издалека был виден большой щит, и в тот момент я не совсем мог различить, что на нём было изображено, но чем ближе мы подбирались к нему, тем отчётливее было видно, что на нём изображён Мир-Хусейни. Автобус остановился прямо напротив столба с этим щитом. Помощник водителя быстро выскочил наружу и достал мою поклажу из бокового багажника автобуса. Наконец-то я прибыл в Систан, тот самый Систан.

Пройдя до остановки, я встал в ожидании ближайшего транспорта и через какое-то время увидел пикап, едущий в мою сторону. Как это было обычно принято у нас, я протянул руку в знак того, что мне нужно уехать с этого места, и прокричал приблизившемуся водителю место своего назначения. Он отреагировал и остановил автомобиль, после чего я благополучно продолжил свой путь с ним. Водитель, который узнал цель моей поездки и точный адрес моего пути, в знак уважения к этому молодому герою Систана довёз меня бесплатно. Он доехал до самого дома и остановился прямо перед ним. Я вылез из машины, подошёл к воротам и постучался. Пикап поехал дальше. Когда я, слегка сконфуженный, стоял в поднявшемся от проехавшей машины столбе пыли, ворота отворились. На пороге стоял седовласый старик, который неволей тут же напомнил мне Заля.⁷ Я знал, что они уже были оповещены о моём приезде. Я представился, а старик сказал, что он отец Мир-Хусейни, и что зовут его Хадж Мурад-Али. Старик проводил меня внутрь. В углу дворика стояла корова и о чём-то мычала. Мы прошли мимо неё, и тогда прямо напротив входа в дом мне предстала старая женщина...

Я много раз сталкивался с таким лексическим оборотом в литературе, когда стан старого человека сравнивают с луком из-за его сильной скрюченности. Но эта женщина была не такова. Если бы я сравнил её с простым луком, то был бы несправедлив по отношению к ней. Стан её напоминал лук, который натянули до самого предела перед тем, как пустить стрелу. Это была мать Мир-Касима Мир-Хусейни.

Мы зашли внутрь дома и прошли в комнату. Все ближайшие родственники Мир-Хусейни были в сборе. Я поздоровался со всеми и уселся, как и все присутствующие. Меня потчевали со всей душою, как дорогого гостя. Вначале мы поговорили о том, как прошёл мой путь и о прочих мелочах.

⁷ Заль – отец богатыря Рустама в поэме «Шахнаме».

Затем речь естественным образом перешла на личность Мир-Хусейни. Первое слово взял Мир-Аббас, старший брат Мир-Касима Мир-Хусейни.

– Земля Систана всегда была известна доблестью и героизмом своих жителей. Наши предки были смелыми и набожными людьми, поклоняющимися одному лишь истинному и единому Богу. В те далёкие времена, ещё в самом начале исламской истории, когда по приказу халифов имама Али начали всячески поносить и проклинать, единственным народом, который открыто и бесстрашно воспротивился этому и начал сражаться за доброе имя его светлости, был народ Систана. В книге «Бихар аль-анвар» имеется такое предание, в котором говорится о том, что только две группы людей не отступили от своей религии – это жители Медины и жители Систана. Халифы всегда терроризировали местных жителей, угнетали и мучили их самыми изощрёнными и разными способами, и всё это ради одной цели – чтобы они приняли это унижительное положение, когда, в угоду действующей власти, они должны были оскорблять великого человека имама Али. Однако народ Систана не согласился на это.

В эти самые времена семь братьев и их двоюродный брат по отцу, которые являлись потомками имама Али, переселились из земель Хиджаза в Иран, чтобы дать потомство и разрастись здесь, на иранской земле.

Когда в халифате проводилась первая в истории ислама перепись населения, при которой каждому опрошенному выдавали документы, идентифицирующие его личность, переписчики записывали ровно то, что им говорили, и никто тогда не проверял и не исправлял получаемую информацию. К примеру, кто-то говорил: «Мы принадлежим к племени под названием Мир и живём на территории городка Наруи в Белуджестане».

Такого впоследствии называли Мир-Наруи. Так и формировались названия фамилий и родов. С начальной вставкой «Мир» ещё много фамилий, и мы, с фамилией Мир-Хусейни, в том числе.

В памяти у людей сохранилось немало историй, связанных с нашим отцом, Хадж Мурад-Али. В сельскохозяйственной деятельности недобросовестные конкуренты чинили ему препятствия и притесняли его, оспаривая право отца как на его собственном участке земли, так и на общих пастбищах. Говорят, что однажды он в одиночку справился с семью такими притеснителями. В плане ловкости и силы во всей округе ему не было равных. Согласно его собственным словам, на зиярате⁸ его светлости

⁸ **Зиярат** – паломничество к святым местам

Аббаса он дал завет, что жизнь его ни в коем случае не пройдёт в попытке увеличить своё благосостояние или приобрести известность и славу. Также он добавил, что ни в коем случае не будет притеснять людей и совершать зла по отношению к ним. Всё это Али закладывал и в нас с самого нашего детства. Он всегда был очень богобоязненным. Если его скот пересекал чужую территорию и пасся на ней, то он приносил их в жертву и раздавал их мясо нуждающимся, близким и знакомым. Любовью всей жизни моего отца всегда были только представители семейства Пророка.

Мир-Касим был последним родившимся ребёнком в семье Мир-Хусейни, и потому, как это обычно и бывает, был самым любимым ребёнком для наших родителей. Когда он пошёл, и ему пора было начать ходить в школу, то он наотрез отказывался по причине того, что не хотел отдаляться от родителей. В то время я был в пятом классе, а младший брат Мир-Хасан, родившийся после меня, ходил в четвёртый класс. От деревни Сафдар-Мирбек, в которой мы родились и жили, до ближайшей школы было один или два километра пути. Так как Мир-Касим ни за что не соглашался добровольно идти в школу, то ежедневной нашей традицией было следующее – один из нас, старших братьев, брал все книги и тетради, а второй нёс на плечах Мир-Касима до самой школы. В учебном заведении Мир-Касим то и дело наведывался в мой класс или в класс Мир-Хасана, причём не только во время перемены. Нам пришлось договориться с нашим завучем о том, чтобы они отнеслись к нашему младшему брату более снисходительно и сделали для него исключение из правил, пока он не подрастёт и не привыкнет к тому, чтобы хоть на какое-то время отдаляться от своих родных.

Так мы вместе с семьёй возились с ним целый год. Иногда и другие ребята помогали нам, но в основном эта работа в прямом смысле лежала на наших плечах.

Уже во втором классе он проявил свои способности – Мир-Касим стал самым лучшим учеником в классе, из-за чего его назначили старостой. Окончив начальную школу, мы, три брата, отправились в город, чтобы продолжить обучение в средней школе. Там мы сняли дом, в котором и жили. Девять месяцев в году мы с Мир-Хасаном и Мир-Касимом учились, а остальные три месяца помогали отцу по хозяйству.

С самого нашего детства наша мать сильно заботилась о том, чтобы мы выросли с правильной идеологией и пониманием религии. Несмотря на

то, что всё её образование сводилось к элементарным навыкам письма и чтения, а на арабском она умела только читать, мать обучала нас различным молитвам и говорила нам, в какой день и в какое время следует читать ту или иную молитву.

Отец наш строжайшим образом следил за тем, чтобы мы вовремя совершали намаз. Наше воспитание прошло в таком духе, что, когда мы переехали в город, Мир-Касима называли маленьким шейхом.

Ещё в 1978 году он был принят в армию в качестве почётного члена, а в 1981 уже поступил на службу. Первой военной операцией, в которой он принял участие, была операция под названием «Бейт аль-мукаддас». В то время я тоже служил в армии. Когда я вернулся оттуда и узнал о том, что Мир-Касим служит и выполняет военные операции, то я, представив себе мягкость Мир-Касима с одной стороны, и всю жестокость войны, с которой ему суждено было столкнуться, с другой, не смог сдержать слёз. Тогда я был готов тысячу раз отправиться служить, лишь бы Мир-Касиму не пришлось идти даже одного раза».

После него начала говорить их Сестра Масума Мир-Хусейни. Она тоже начала рассказывать о своём брате:

«В то время я как раз достигла возраста, когда мне надо было идти в школу. В нашей деревне не было начальной школы, и поэтому наш отец отправил меня в деревню Джазинак, в которой таковая имелась. По причине того, что она находилась от нашей деревни на приличном расстоянии, мне приходилось ночевать в доме у своего дяди, который жил там. В первую же неделю своего обучения я целую неделю оставалась у дяди и лишь на выходные возвращалась домой. Помню, как сильно я тосковала по всей семье, в особенности по младшему брату. Когда я была уже недалеко от дома, то увидела издали радостно бегущего в мою сторону Мир-Касима. Я сильно обняла его и расцеловала. О, какое счастье можно было наблюдать на его лице в этот момент! Посадив его на плечи, мы двинулись в сторону дома.

После этого я больше не пошла в ту школу. Я просто не могла вынести разлуку со своей семьёй, как и мой любимый брат.

Спустя несколько лет после этого я пошла в начальную духовную школу, чтобы научиться чтению Корана. Мир-Касиму тогда было 12 лет. – Какая польза и какой смысл в том, чтобы я умела читать, если не умею писать? – спросила я как-то раз у отца.

Только я успела сказать эти слова, как Мир-Касим тут же продекламировал

следующее стихотворение:

«Перо в руке, но нынче потерял я – не знаю, что же мне написать? // Из-за дела своего пребываю в смятении... Ну что же мне написать?»

Меня поразила скорость его реакции и находчивость – он как будто был готов ответить заранее, просто видя моё состояние.

В начале 1978 года, несмотря на то, что деревня наша была очень мала, жители её восстали против шахского режима.

Это был день, когда люди под предводительством сейида Мухаммада Табатабаи вышли на улицы и устроили демонстрации, в ходе которых скандировали антишахские лозунги. Большая часть собравшихся состояла из молодёжи. Мир-Касим и двое моих старших братьев находились в авангарде этого шествия.

Люди подошли к самому зданию правоохранительных органов и сожгли фотографии шаха и его жены Фарах. Всё это происходило прямо перед полицейскими и военными, глаза которых чуть ли не вышли из орбит от удивления – тогда ведь никто и представить себе не мог, что против сложившейся системы можно что-то сделать. В тот же день наш отец зарезал барана в качестве милостыни.

На следующий день люди опять вышли на улицы. Тогда все пришли в наш дом в деревне Сафдар-Мирбек. Из мяса, закланного накануне барана, мы приготовили угощения для всех. В то время мои братья Мир-Касим и Мир-Хасан много трудились. Их сердца были полностью преданы назревавшей исламской революции, которая с тех пор стала смыслом всей их жизни.

К сожалению, не обходилось и без предателей – некоторые даже передали в органы данные моих братьев, чтобы те арестовали их при первом же удобном случае. Я потом долго переживала за них, мол, не дай Бог мои братья попадут в их руки, но Господь свёл весь расчёт притеснителей на нет».

Очередь повествования перешла к младшей сестре Мир-Касима – Фатиме Мир-Хусейни:

«Всякий раз, когда я читаю аят священного Корана: "А те, которые вместе с ним, суровы к неверующим и милостивы между собой"⁹, то вспоминаю своего брата Мир-Касима. Для божьих людей он был самым близким другом, а с теми, кто враждовал с религией Бога, он враждовал самым

⁹ Священный Коран, сура «Победа», аят 29.

суровым образом. Он не мог оставаться спокойным, если кто-либо плохо высказывался об исламской революции или о тех, кто пал мученической смертью во имя неё.

В 1983 году зять Бахман Хосрови погиб – его убили при выполнении операции. Мир-Касим был тогда на фронте. Во время погребальных церемоний один из присутствующих сказал:

– Я не понимаю – зачем они уходят воевать? Вот, этот же Бахман ушёл на войну. Что теперь с ним стало? Теперь он под землёю, и вот весь результат, не более того!

Эти слова отдались болью в сердцах всех собравшихся. Я с терпением ждала того момента, когда вернётся Мир-Касим. В день, когда он вернулся, я собиралась выйти, чтобы встретить его на пути, как вдруг мы с ним неожиданно столкнулись у дверей дома, когда я только выходила. Мы зашли с ним внутрь. С самого начала нашего разговора я рассказала ему обо всех главных событиях, которые произошли за время его отсутствия, и в том числе о той нелепости, которую сказал тот человек на собрании. Когда он услышал об этом случае, то сразу же изменился в лице, и по нему можно было сразу догадаться, что он в гневе. Он тут же встал и вышел из дома. Его гнев, на самом деле, был вполне оправдан. На следующий день отец того человека явился к Мир-Касиму и со слезами на глазах начал умолять его о том, чтобы он отозвал своё прошение о наказании его сына. Наш отец тоже заступился за них, и после этого Мир-Касим сделал так, как они того хотели.

Мой младший брат был живым воплощением этих слов Всевышнего.

Помню и другой случай, когда ночью 11 января¹⁰ по радио объявили, что все жители Ирана, болеющие за исламскую революцию, в 9 часов вечера должны подняться на крыши своих домов и кричать «Аллаху акбар».¹¹

С самого наступления ночи небо будто разверзлось, и начался сильный ливень. Все улицы нашей деревни Сафдар-Мирбек были в глубоких лужах. До девяти ночи оставалось совсем немного времени, как Мир-Касим объявил:

– Собирайтесь, мы должны идти.

В такую погоду никому даже в голову не пришло бы хоть на шаг высовываться из дома. Мир-Касим был непреклонен и твердил:

¹⁰ 11 января (или 22 число месяца Бахман по иранскому календарю) – это день победы исламской революции в Иране.

¹¹ На сегодняшний день это также является традицией в Иране, и именно в это время на каждой улице можно слышать слова прославления Бога.

– Сегодня ночью все должны произнести такбир!¹²

Раньше всех собралась наша мать. Мы двинулись в путь. Дождь на нас лил как из ведра. Мать просто физически не могла идти в такую погоду. Тут Мир-Касим, повернувшись к ней спиной, сел на корточки и сказал: – Мама, садись на спину. Я тебя понесу.

Мать не успела даже ничего толком понять, как уже оказалась подхваченной Мир-Касимом, и мы снова пошли, но уже с большей скоростью.

В ту ночь первым такбир произнёс именно Мир-Касим, после которого голоса, кричавшие такбир, начали постепенно набирать силу и звучать уже повсеместно. Это была ночь победы исламской революции над шахским режимом...».

Каждый рассказывал то, что помнил о Мир-Касиме. Когда они рассказывали, было такое чувство, будто бы эти люди опять, заново переживают это всё – настолько они погружались в те события во время рассказа. Старик, который напомнил мне отца богатыря Рустама Залю, оперевшись на саманную стену, сидел и смотрел куда-то вперёд. Он как будто был в состоянии недоумения, словно в комнате, кроме нас, находился ещё кто-то другой. Видно, что и его душа целиком ушла в те минувшие дни, когда последний ребёнок семьи Мир-Хусейни ещё был среди них.

Пришло время и мне идти дальше. Я встал и сказал, что мне пора, и что я обязательно навещу их ещё раз. Они начали упрашивать меня остановиться у них, но я объяснил им, что мне необходимо ещё изрядно поработать с материалом, который находился у меня в дорожной сумке.

Попрощавшись со всеми до следующей встречи, я вышел на улицу. Впереди виднелась асфальтированная дорога, по которой, по всей видимости, и должен проезжать общественный транспорт. В скором времени я уже оказываюсь в пикапе, держащем путь до Заболя. Адрес у меня с собой. Благополучно добравшись до места назначения, я принимаюсь осматривать свою тихую комнату, в которой мне надо провести не один день.

Ещё толком не обосновавшись, я уже начинаю раскладывать свои бумаги. Хочу снова погрузиться в события его молодости. Усталость как рукой сняло, как это и бывает всякий раз, когда человек занимается тем, что ему действительно интересно. Первый рассказ, на который я натыкаюсь, принадлежит Султан-Али Ахмади:

¹² Такбир – это слова «Аллаху акбар».

«Я познакомился с ним ещё до начала войны с Ираком. Каждый день он проезжал на мотоцикле 24 километра от деревни Джазинак до Заболя. Мы были одноклассниками и учились вместе.

Был у нас тогда один учитель, который на каждом уроке спрашивал по материалу предыдущего дня. Однажды, когда мы с Мир-Хусейни находились во дворе нашей школы, он сказал мне, что не сделал домашнее задание и не подготовился по предмету этого учителя.

– И чем же ты собираешься заняться сегодня? – спросил я его, имея в виду, что на урок-то по понятным причинам он, видимо, не пойдёт.

– Ну, хоть я и не выучил этот урок, но и учителя я не боюсь и бегать от него не буду. Так и скажу ему, что не подготовился, – ответил он.

На эти слова я тогда не обратил особого внимания, но после, когда Мир-Хусейни стал тем, кого мы все знаем на сегодняшний день, тогда для меня всё стало ясно...».

Я достаю другие бумаги из сумки и по порядку раскладываю их в комнате по всему периметру. Весь пол был застлан бумагами, за исключением маленькой дорожки посередине, которую я оставил, чтобы можно было как-то выйти. Я поднял следующий лист, в заголовке которого было написано имя автора – Махди-Мир:

«Мы приехали в Заболь, чтобы учиться. В нашей деревне тогда не было средней школы. Во всём городе Заболь было только 2 кинотеатра, и мы каждый день ходили с ребятами в кино, но Мир-Касим и его брат Мир-Хасан не составляли нам компанию. Что бы мы ни говорили, и к какой бы хитрости мы ни прибегали – всё было бесполезно. Они не только сами не ходили, но и нам не давали порою.

В один прекрасный день мы с друзьями начали разрабатывать план и даже поспорили на деньги, что, несмотря ни на что, мы обязаны затащить этих двух в кинотеатр. Нас тогда было 15 человек. Мы прибежали к его дому.

– В кинотеатре драка! Там наших ребят бьют! – тяжело дыша, прокричали мы им

Мир-Касим относился к таким вопросам очень ревностно. Он тут же взял откуда-то палку, засунул её под свою белуджскую рубаху, и мы все вместе отправились в сторону кинотеатра. По дороге мы всё больше распяляли их, рассказывая подробности того, чего на самом деле не было:

– Они поступили очень подло! – начали возмущаться мы, – Их было больше, и, помимо этого, они напали на нас прямо в кинотеатре!

Наконец, добравшись до места назначения, мы зашли в зал ожидания. Мы

Мы были на взводе из-за сильного волнения.

– Так в чём дело-то? Где они? – спросил нас Мир-Касим.

– Давайте пойдём в зал, они, должно быть, там – предложили мы. Заметив, что они начали сомневаться во всей этой ситуации, мы начали настаивать:

– Давайте зайдём! Они все там, в зрительном зале.

Мир-Касим стоял, крепко держа за пазухой своей белуджской рубахи надёжную палку.

– Приведите их всех сюда. Будем драться с ними здесь, а не в зрительном зале! – сказал он.

Мы вновь начали настаивать, но он был неумолим. Через несколько минут ему окончательно стало ясно, что мы замыслили, и тогда он вышел прочь из кинотеатра. Мы, потерпев сокрушительное поражение, бросились вслед за ним...».

Из-за непреодолимой жажды любопытства, чувство усталости полностью покинуло меня. Я, сидя посреди комнаты, вместе с тем находился прямо напротив молодёжи из Систана, у которых имелись свои забавы и интересы, привычки и увлечения, споры и озорные поступки... Но как же заметно выделялся Мир-Касим среди них!

Я беру следующий лист, на котором запечатлена история Гулам-Али Сахиби:

«Я работал на мельнице. Каждый день я наблюдал за тем, как пшеница, находясь под жерновами вековой мельницы, превращалась в муку. Да, это была наша жизнь.

Однажды утром я неожиданно увидел, что нашу мельницу окружили военные. Один из них вышел вперёд и сказал нам, что мельница отныне конфискована. Мы ничего не могли понять – кем были эти люди? Что значило, что конкретно означало то, что мельница конфискована? Мы, я и мои коллеги, находясь внутри, пребывали в полном недоумении. От страха все спрятались по разным углам. Кто-то подошёл к нам. И только лишь потом я узнал, кто это был. Это был сам Мир-Хусейни. Когда он зашел и увидел, что мы напуганы, то начал нас приветствовать и обнимать. Наш страх как рукой сняло. Он взглянул на нас и начал добро смеяться, пока и мы, заразившись его смехом, не подхватили его и тоже не начали смеяться. Тогда он достал фотографии имама Хомейни и приклеил их на нашу грудь.

– Не переживайте. Имам вернулся, чтобы освободить всех нас из-под ярма гнёта тиранов. Идите, занимайтесь своим делом, с миром, – сказал нам

Мир-Касим.

Как мы узнали позже, под конфискацией подразумевалось то, что мельница ныне не принадлежит прежнему монархическому государству и отходит к вновь созданной исламской республике.

Вот так и прошла наша первая встреча с этим великим человеком...».

Уже наступила ночь, а я всё ещё пребывал в изысканиях среди всех этих бумаг. Усталость, наконец, дала о себе знать и с лихвой покрыла всё то время, в которое она совсем перестала существовать. Я свалился с ног прямо посреди комнаты. В полузабытьи, между сном и явью, в голове промелькнула мысль о том, что завтра я обязательно должен начать изучать материалы о том первом дне, когда он отправился на фронт. Сон берёт надо мною верх, я проваливаюсь и улетаю далеко-далеко, в мир грёз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Несмотря на то, что была середина весны, здесь уже вовсю разыгралось знойное и душное лето.

– Сейчас нет ветра, но когда он придёт, то погода должна заметно улучшиться, – всё говорили люди.

Я читал в книгах, что ветер властвует в Систане 120 дней в году, и его наступления я отчаянно ждал. Всякий раз, когда я спрашивал соседей о том, когда же наступит сезон ветров, они говорили мне:

– Ещё рано. Он начнётся примерно через 10-15 дней.

Что ж, мне оставалось только ждать. Вся моя деятельность кружилась вокруг изучения всё той же личности – Мир-Касима Мир-Хусейни. Новый день своего изучения я начал с истории Амир-Аббаса Сахранешина:

«Нас расквартировали в гарнизоне, что находится на горе Докух. В комнате нас было трое – я, Есфандиари и Мир-Хусейни. Было холодно, и поэтому мы разожгли керосиновую лампу прямо посреди помещения. Наши с Есфандиари койки находились рядом с лампой. Жители близлежащего селения под названием Зангиабад прислали нам в качестве гостинца сырые фисташки. Мы положили их в железную тарелку, расположенную над лампой так, чтобы она подогревала её вместе с орехами, которые становились только вкуснее от этого, и начали их грызть. В этой тарелке была доля всех троих – моя и двух моих соседей по комнате. Работая, я поёдал их один за другим. Они были горячими и очень вкусными. Я так увлёкся, что совсем запамятовал о том, что это наша общая доля.

Ко мне подошёл Мир-Хусейни, но я даже не заметил этого. Он взял с тарелки ложку, которой мы мешали орехи, и приложил её к моей руке. Я тут же вскочил со своего места – она была очень горячей.

– Мир-Касим, что это ты делаешь? – тут же с возмущением спросил я.

– Слушай внимательно, – проговорил он спокойным голосом так, чтобы я успокоился, – Немало грехов, которые человек совершает в этом мире, совершаются таким же образом – по забывчивости и невнимательности, или, если сказать точнее, по халатности. Эти грехи, пусть и небольшие, сами по себе, в конечном счёте, скапливаются в огромную гору и превращают загробную жизнь человека в сплошной огонь. И потому, брат, каждый из нас должен внимательнее относиться к своим поступкам и к своему поведению в этом мире.

Эти слова, сказанные Мир-Хусейни, были настоящим уроком, причём на всю жизнь.

Был также и другой памятный для меня случай, связанный с ним, произошедший тогда, когда мы находились в тренировочном военном лагере имени мученика Хамида Чарика. Погода стояла очень жаркая, и мы совсем спеклись и обессилели. Как-то раз нам сообщили, что Мир-Хусейни будет выступать перед нами с речью. Мы стояли в назначенном месте в обговорённый час, но он ещё не явился. Мы испытывали сильную жажду, и единственным нашим желанием было то, чтобы он быстрее пришёл, высказался и ушёл. Наконец, мы увидели его за трибуной, всё такого же худого и истощённого Мир-Хусейни. Начав с поминания Бога, он непосредственно приступил к своей речи, касавшейся имама Хусейна и того терпения и стойкости, которые он и его сторонники проявили в ту страшную жару в день Ашура.¹³ Он говорил о том, что мы, хотя бы ради любви к Хусейну в своих сердцах, должны достойно перенести эту жару. – Это тоже является своего рода уроком и назиданием для нас, – говорил он.

Он всё говорил и говорил, а мы совершенно потеряли счёт времени и перестали замечать, как оно проходит. Наконец, он завершил свою речь благословением Пророка и его семейства, и только тогда мы пришли в себя и были просто поражены тем, что с момента начала его речи прошло аж два часа, а мы ведь стояли под открытым солнцем! Как такое было возможно, чтобы мы этого не заметили и никак не ощутили?

Я даже не знаю, что было бы более справедливым – сравнение языка Мир-Хусейни с мечом Малика Аштара, или же сравнение меча Малика Аштара с языком Мир-Хусейни. Оба они сражали на пути Истины...».

Вновь я перебираю бумаги и натываюсь на рассказ уже знакомого мне Махди-Мира. Судя по его словам, он довольно-таки задорный человек. Это я понял ещё по первому его рассказу, когда он с друзьями пытался заташить Мир-Хусейни и его брата в кинотеатр. Эта история, на самом деле, мне пришлась весьма по душе. Начинаю читать его второй рассказ:

«Перед подготовкой к операции "Аль-фаджр", нам прислали группу новичков, которые ещё недавно были обычными офисными работниками. Я также находился в главном отряде. Члены нашей команды по большому

¹³ **Ашура** – это десятый день лунного месяца Мухаррам, в который был жестоко убит внук Пророка ислама вместе с его родственниками и близкими. Случай известен как проявление стойкости и самопожертвования в высшей возможно для людей степени.

счёту вообще ничего не мыслили ни в оружии, ни в боеприпасах – или же просто военных действиях. Это можно было понять уже по первому взгляду. Когда к нам пришёл Мир-Хусейни, я был очень рад его видеть и сразу обнял своего давнего друга и товарища. Тут же вспомнились случаи из нашей жизни, что происходили во времена нашей молодости в Заболе. Когда эти новички увидели, что у меня с ним довольно близкие отношения, то сразу же отвели меня в сторону и начали просить о том, чтобы я замолвил за них слово перед Мир-Хусейни.

– Ей-богу, мы вообще не умеем воевать!

– Скажи ему, чтобы он отослал нас в тыл, здесь же в Ахваз!

Каждый из них говорил что-то своё. Я, смеясь, вернулся к Мир-Хусейни.

– Слушай, – говорю я ему, – у нас тут все такие прямолинейные! Говорили, что никто из них ничего не смыслит в военном деле. Все так и умоляли меня о том, чтобы я попросил тебя отослать их в тыл.

Смеясь, мы оба подошли к ним. Мир-Хусейни начал с ними шутить о чем-то. В конце концов, он сделал так, как они того хотели – все были отправлены назад, за черту фронтовой линии.

– Эта война – война народа, – сказал он мне после этого, – за линию фронта должен идти только тот, кто сам того хочет. Мы никого не должны принуждать к этому.

С того дня прошло уже немало лет. Все эти люди, о которых я писал чуть выше, на сегодняшний день имеют высокие чины и посты. Когда мы видимся друг с другом, то всегда предаёмся воспоминаниям о событиях минувших дней. Мир-Хусейни всегда отличался от нас. Было такое чувство, что он, как говорится, сделан из другого теста...».

Пришли люди, которых я как раз ждал: Султан Али-Мир – один из близких Мир-Хусейни, который был с ним до самой кончины последнего, Мир-Аббас и Муса – два брата Мир-Касема. Муса был полностью седым. Позже он сообщил, что был на 20 лет старше Мир-Касема.

Вместе мы отправились в путь. Между нами была договорённость, что они познакомят меня с несколькими людьми, также связанными с Мир-Касемом. Все сели в пикап. И только тогда я обратил на это внимание – здесь, почему-то, не наблюдается иного транспорта, кроме как этих пикапов. Я сказал своим спутникам, что, исходя из плана, сегодня я должен был разузнать о первых боевых операциях Мир-Хусейни. Все в один голос заявили, что операция под названием “Бадр” была уникальной в своём роде, и у них осталось много воспоминаний, связанных с ней – и их они уже

никогда не смогут забыть. Тут же они сообщили, что могут познакомить меня завтра с двумя людьми, которые на той операции были вместе с Мир-Касемом. Конечно же, я с радостью принимаю их предложение. Муса начал рассказывать о своих воспоминаниях уже в дороге:

«После того, как Мир-Касем прошёл курс подготовки, его призвали на фронт. Первая военная операция, в которой он принял участие, называлась «Бейт аль-мукаддас». Во время её исполнения был убит его сослуживец, с которым они вместе проходили военную подготовку. У него была кличка Волк. Ввиду его смерти Мир-Касем был сильно расстроен. Он говорил: «Волк купил для своих детей игрушки, которые он так и не смог им отдать. Когда его убивали, эти игрушки были у него. Снаряд взорвался очень далеко от него. Осколок, который угодил в него, уже успел остыть из-за длительного полёта. Даже его скорость настолько уменьшилась, что он просто застрял в его черепе между зубными корнями. После его гибели я стал по-настоящему одиноким».

Он также говорил: «После того, как убили Волка, единственным моим хорошим знакомым осталась моя сумка для одежды. Я не знал вообще никого. Эта сумка содержала в себе часть моих воспоминаний – воспоминаний о Заболе, Сафдар-Беке, Джазинаке... Я даже сказал нашему снабженцу, чтобы, куда бы нас ни передислоцировали, он обязательно переправил эту сумку ко мне».

Тогда Мир-Касем был 18 летним солдатом боевого фронта.

После этого мы с Мир-Касемом виделись на фронте ещё множество раз. Я служил в добровольческих отрядах, а он – в армии.

Операция "Бейт аль-мукаддас" завершилась. Некоторые из числа регулярной армии выражали свой протест против продолжения войны. Было время, когда Саддам Хусейн начал активную пропаганду того, что они, мол, не хотят войны, готовы к перемирию и всего в этом духе. Мир-Касем часто навещал меня в том время, и каждый раз он разъяснял, что мы обязаны защищаться и сражаться, и вся наша честь и достоинство заложены в этой войне, в том, как мы проявим себя в ней.

Я хорошо помню, как перед началом операции "Рамадан", когда мы находились в пригороде города Ахваз, ко мне в очередной пришёл Мир-Касем, но в этот раз он принёс с собою завещание, которое передал мне. Как он сам сказал, он пришёл, чтобы попрощаться со мной. Его решение и уверенность в его исполнении поразили всех тех, с кем я тогда работал. Это был один из самых тяжёлых дней для меня на протяжении всей войны.

Поступь Мир-Касема была настолько твёрдой, а прощание столь искренним и глубоким, что я неволей подумал – это была моя последняя с ним встреча. Я пребывал в очень странном и тяжёлом состоянии. Как же я горько плакал, и это прямо перед своими коллегами... Особенно горько мне стало тогда, когда я прочитал его завещание...».

Султан Али-Мир молчал всё это время. Когда разговор дошёл до этой точки, то он, будто резко что-то вспомнив, сказал:

«Это было во время выполнения операции "Рамадан". Наши войска отступали назад, потому как закрепиться на линии не удалось. Стоя прямо посреди того места, по которому проходили солдаты, Мир-Хусейни в гнев кричал им: «Куда вы все идёте? Почему вы оставили свои позиции? Клянусь Богом, что воскрешение обязательно будет, и судный день обязательно наступит. Так, почему же вы повернулись к врагу спиной?!».

Конечно же, он не смог удержать их и убедить вернуться на исходную позицию. Когда он понял, что они уже не передумают, то, повернувшись ко мне, сказал: «Покуда уж эти добровольцы решили ретироваться, то остановить их уже не представляется возможным. Уходим отсюда».

Остаться самим было бессмысленным. Мир-Хусейни дал мне радиоприёмник, а сам взял несколько автоматов, закинул их за плечи и сказал: «Пропадёт ведь. Давай отнесём это всё назад, к своим».

И мы с ним пошли. Наши шли вдоль насыпи, прижавшись ближе к краю, и мы также присоединились к их колонне.

Впереди, прямо посреди поля, мы увидели джип, на котором была противотанковая установка. Рядом с ним не было никого. Мир-Хусейни сказал: «Слушай, жаль ведь, если это пропадёт или, хуже того, попадёт в руки врага. Нельзя его здесь оставлять».

И мы направились к джипу. Танковые снаряды всё рыли воронки вокруг нас. Мир-Хусейни подошёл к машине сбоку. Было видно, что она цела и на ходу. Мы сели в неё, но никто из нас двоих не умел водить её. Мир-Хусейни включил мотор и сказал: «Едем. В конце-то концов, что тут сложного? Поставим на первую скорость и как-нибудь уж поедем».

Он включил первую передачу, и машина, тронувшись с места резким толчком, поехала. Мир-Хусейни ехал медленно, но, тем не менее, он не пропустил ни одной кочки. Как будто зарёкся проехать по всем.

Дорога в таком темпе сильно измотала нас. Завидев издали наших бронейщиков, мы подъехали к ним. Эти молодцы занимались тем, что били по вражеским танкам. Мир-Хусейни передал им на пользование

джип и пожелал им удачной охоты. После этого он повернулся ко мне и сказал: «Если бы мы не привезли бы этот джип, то он попал бы в руки иракцев. Этого нельзя было допустить...».

Был сезон жатвы урожая. Мужчины и женщины всё ходили по полям и разносили собранный урожай по амбарам.

Мир-Аббас участвовал во многих военных операциях, и несмотря на то, что он был старше Мир-Касема, он воевал под началом последнего. Я вспомнил тот случай, о котором он рассказывал недавно, как он плакал, когда узнал о том, что Мир-Касем впервые ушёл на фронт. Он продолжил свой рассказ:

«Когда объявили о начале операции "Аль-фаджр", я вновь отправился на линию фронта. К месту назначения мы прибыли, когда шла уже вторая ночь с момента начала операции. Тут же я начал сверяться о состоянии Мир-Касема. Ребята сказали мне, что он был в горячей точке, где получил ранение, и на следующий день с перебинтованной рукой, которая висела привязанной на шее, он опять ушёл на позицию.

Мухаммад Хусейн Пудине говорил: «Он вступил в эту операцию в качестве командира специального штурмового батальона. Несмотря на то, что переход Лу был сдан иракцам, которые уже успели укрепиться на нём для надёжной обороны позиции от наших атак, он всё равно пошёл туда. Мир-Хусейни замыкал колонну. Когда они все уже были на территории перехода, иракцы вдруг запустили световые ракеты и начали массированный обстрел по нашим ребятам из автоматов и гранатомётов. Все тут же легли на землю. Мухиб-Али Фарси был командиром одного из отрядов. Он рассказывал, что в тот момент доложил Мир-Хусейни, что наши не смогут идти в наступление – все они лежат, плотно прижавшись к земле. Мир-Хусейни ответил ему, что, если никто не пойдёт, то он атакует в одиночку. В этот момент он крикнул: «За мной, все, кто готов атаковать!». Сказав это, он резко вскочил и быстро побежал по переходу в сторону врага. Иракцы вновь осветили всю территорию и начали стрелять по нему из всего, что у них имелось. Мир-Хусейни добежал до насыпи иракцев и тут же бросил гранату в ближайший окоп. Сразу подоспели те, кто бежал за ним. Они быстро сделали своё дело и захватили этот рубеж.

Ближе к утру я узнал о том, что нам приказали отступить. Мы покинули переход, который к тому моменту полностью находился под огнём неприятеля. Мир-Хусейни стоял в конце перехода и ждал, пока все его подчинённые пройдут, после чего ушёл вслед за ними. Через некоторое

время он выступил перед нами с речью. В его словах было столько силы и душевного пламени, что солдаты, которые было потеряли боевой дух, вновь начали рваться в бой и настаивать на том, чтобы операцию не прерывали и довели её до конца...».

Мир-Аббас, подхватив затронутую тему, тоже начал рассказывать о тех случаях, в которых проявился дух Мир-Касема и его столь заразная отвага: «За две или три ночи перед операцией "Аль-фаджр-5" мы уже были на позициях. С нами тогда было всего 5 связистов. Нас ещё не успели распределить по группам. Каждому было велено находиться рядом с командиром своего отряда.

По сравнению с остальными я имел намного больше опыта и боевой закалки. Я был определён в отряд человека, которого звали Пудине. Он был назначен командиром бригады. Мне не понравилось, что меня отделили от моего брата, и я начал возражать против такого решения, на что мне ответили: «На войне всякое бывает, и если вы будете в одном отряде, который, не дай Бог, попадёт под огонь врага, то ничего хорошего нет в том, чтобы оба брата были убиты за раз».

Под началом Пудине мы двинулись вперёд. Мир-Касем был назначен командиром водолазов, которые должны были продвигаться по реке Арванд. Вместе с Пудине мы тоже прибыли к берегу. Операция началась. Мир-Касем с первыми отрядами перешёл на другую сторону реки.

По плану, на следующее утро для выполнения задачи к нам должен был присоединиться один батальон. Говорили, что лодки не могут плыть по реке, потому как они просто садятся на дно. По Мир-Касему было видно, что он недоволен. Только после того, как он начал настаивать, батальон в конце концов присоединился к выполнению операции. Один из связистов говорил: «Мы все испытывали страх, в той или иной степени, но Мир-Хусейни, с двумя гранатами наперевес, без каких-либо колебаний шёл в атаку. С двух концов от нас были пальмовые рощи, и всюду – иракские солдаты. Они могли в любую секунду обнаружить нас и открыть по нам огонь, но Мир-Хусейни до самого утра перемещался по участку по тому или иному вопросу, в том числе и для ознакомления с местностью».

Утром из радиоприёмника я услышал голос Мир-Хусейни: «Хвала Всевышнему, мы достигли всех поставленных перед нами целей». Своею уверенностью и твёрдостью в голосе он сильно воодушевил нас. В этот же момент Пудине, смеясь, заметил: «Даже если бы он там отступал, этот Мир-Хусейни имеет привычку говорить так, что никак нельзя определить –

победу ли они одержали, или бегут от врага! И сейчас вообще непонятно что происходит там, впереди. Вполне возможно, что ребята отступают, а Мир-Хусейни говорит всё также, в своей манере!».

Пудине смеялся и рассказывал нам о смелости и отваге Мир-Касема и о том, что он сейчас, наверняка, сражается в состоянии крайней остервенелости...».

Первый визит мы решили нанести Хамиду Шафи. Родом он был из Кермана. Это была моя первая с ним встреча. Сошлись на том, что завтра я встречусь с ним для детального интервью. Хамид Шафи был вместе с Мир-Хусейни во время выполнения операции "Бадр". Он говорил о боевом духе Мир-Хусейни и о своей дружбе с ним. Несмотря на то, что подробный разговор наш был назначен на следующий день, всё же, за эти несколько минут, что мы с ним провели, он рассказал следующее:

«Это было, когда мы были на операции "Аль-фаджр-2". До начала штурма я встретил Мир-Хусейни. Он взял меня за руку и сказал: «У меня есть один вопрос, который я хотел бы обсудить с тобой».

Тут я осознал, что он догадался о том, что творилось у меня в душе. У меня с ним всегда так было. Относительно операции "Аль-фаджр-2" моя точка зрения заключалась в том, что мы, во что бы то ни стало, должны прорвать линию врага, потому как иначе, думал я, нас всех просто полностью уничтожат. Все мои мысли тогда были только о том, как это можно было бы осуществить. Да и можно ли было в принципе? Мир-Хусейни с улыбкой сказал мне: «Когда ты будешь находиться по другую сторону фронта, то если тебя одолеет мысль о безнадежности твоего положения, то, будь добр, прояви стойкость ещё хотя бы в течение нескольких минут».

Ночью наступила пора начинать операцию. Мы двинулись в сторону врага и залегли за иракским минным полем. Когда я убедился, что следует начинать, я отдал приказ вести огонь. Бой начался. Иракцы установили перед собою сетку из колючей проволоки, высота которой достигала трёх метров. Помимо этого, после этой сетки нам надо было ещё преодолеть один водяной канал. Это был один из самых сложных моментов в моей жизни.

Мои разведчики доложили мне, что мы сначала должны преодолеть эту сетку.

Только в этот момент я понял, что Мир-Хусейни прекрасно ознакомился с местностью, а также знал, под каким тяжёлым душевным прессингом я нахожусь, вследствие которого он и сделал вывод о том, что в какой-то

момент меня может одолеть отчаяние. Я живо вспомнил всё то, что он мне сказал накануне. Территория передо мною просто кишела минами. Один осколок разорвавшейся недалеко мины угодил в мою ногу. Парень по имени Махани наткнулся на неё, и ему оторвало ногу.¹⁴ Иракцы были за сеткой и по одному отстреливали наших ребят.

Мы вели ответный огонь, покуда несколько наших, в числе которых был также и мученик Муртазави, не достигли сетки и не начали вести огонь, будучи уже на верхней части канала. Через один час нам удалось разбить врага и отнять позицию. Тогда значение слов Мир-Хусейни раскрылось для меня...

Был ещё такой случай. Нам поступил приказ о том, чтобы атаковать мост Гузайля, который ведёт к иракскому городу Эль-Амара. Если учесть, что преодолевать путь нам надо было пешком, то он получался очень длинным – 45 километров. То есть, в общей сложности мы должны были пройти около 90 километров пешком. Приблизившись к позициям врага, мы вдруг поняли, что это тупик. Мы вместе с Бахрамом Саиди и Шахидом Мустафави пошли поговорить с Мир-Хусейни. Мустафави тогда сказал: «Если план таков, что мы обязательно должны идти вперёд, в атаку, то нам в любом случае нужна поддержка артиллерией».

Мир-Хусейни ответил: «У нас нет артиллерии».

Мы с удивлением посмотрели на него, и он начал говорить... Он процитировал аят из священного Корана, сказал, что у нас вообще нет никаких возможностей и силы, а уповаем мы только и только на Всевышнего. Он сказал, что мы обязаны идти, что это наш долг, но если вдруг мы решим сидеть и ждать чего-то, то ведь это не имеет никакого смысла – ни танки не будут доставлены, ни поддержки артиллерией ждать не придётся.

В тот день он говорил так, что все наши прежние мысли и видение претерпели полное преобразование. Как день было ясно одно – это наш долг, а значит, мы обязаны выполнить операцию несмотря ни на что. Отважный дух Мир-Хусейни в тот день передался каждому из нас – доблесть и чувство долга были единственными вещами, которые остались для нас значимыми на тот момент...».

На этой ноте мы, поблагодарив за оказанное время и рассказанную историю, распрощались с ним и уехали обратно к себе. Рассказ этого

¹⁴ Махани вскоре после этого скончался.

человека оживил в моей памяти другой рассказ, который я прочитал давеча и который был поведан Али Наджибзаде:

«Я видел его на возвышенной местности недалеко от иракского города Панджвин. Мы поздоровались и справились о здоровье и делах друг друга. Как оказалось, он искал Аббаса Хусейни. Я сказал, что он находится чуть выше, и я пошёл вместе с ним, чтобы проводить к Аббасу Хусейни. Всего нас было четыре человека. Участок был захвачен нами совсем недавно, и поэтому неприятель бомбил и расстреливал территорию из всего, что было возможно. Все мы шли наклонившись, но, как ни странно, именно Мир-Хусейни шёл во весь рост. Буквально на одну секунду он вдруг немного наклонился, и в следующий же миг сзади я услышал чей-то голос, который звал на помощь для раненного. Пуля летела прямо в Мир-Хусейни, но из-за того, что он нагнулся, она угодила в того, кто шёл позади. В тот момент я подумал – он что, видел эту пулю, что летела на него? Как это можно объяснить? Неужели просто случайность?

Эти вопросы так и оставались в моей голове без ответов, пока через три года после этого я вновь не встретил его. Это было на операции "Альфадр-8". Иракские солдаты предпринимали контрнаступление. В это самое время Мир-Хусейни стоял на насыпи и спокойно осматривал расположение вражеских войск. Мне это не понравилось, потому как я переживал за него, ведь он был в зоне видимости врага, даже невооружённым глазом. С нотой возмущения в голосе я сказал ему: «Слушай, ты решил совершить самоубийство? Спускайся оттуда!».

Он подошёл ко мне, взглянул в глаза и сказал: «Не переживай, ничего со мной не будет».

Когда же я начал настаивать на своём, то он добавил: «Я прекрасно знаю, где и когда меня убьют. А потому, мне не нужно прятаться».

Я ничего не ответил ему на эти слова, но то, что он сказал, навсегда засело в моей голове: «Совершение нежелательного поступка командующим войсками равнозначно совершению греховного поступка обычным солдатом».

Его слова всегда соответствовали его поступкам, и если он что-то говорил, то обязательно делал то, что сказал...».

Я увидел Мухаммада Карбахша рядом с плотиной в Систане. Систан, как мы это уже отмечали, просто заполнен полями и садами, а воды реки Гильменд поят эту землю. Когда я в первый раз проезжал Систан, то везде была одна лишь растительность, абсолютно везде. На этой реке была

выстроена плотина, чтобы направлять важнейший элемент для всего живого в нужное для земледелия русло. Мухаммад Карбахш был человеком весьма улыбочивым и дружелюбным. Он начинает своё повествование о Мир-Хусейни:

«Я тогда участвовал в военной операции впервые в жизни. Военного опыта у меня было очень мало, а в военном искусстве я вообще ничего не понимал. Главкомандующим нашего батальона был Али Бина, а Мир-Хусейни был главным на нашем участке.

Мы проделали путь в четыре часа, пока не достигли места дислокации иракских солдат. Когда мы подошли к ним поближе, то они открыли по нам огонь. Расстояние между нами было не большим. Они располагались за небольшим холмом и обстреливали нас. Мы никак не могли продвинуться вперёд, и потому просто ждали новой команды. Мы уже даже не сидели, а лежали – осколки пролетали очень близко от нас.

Вдруг один из нас встал. Была ночь, но под освещением световых ракет я узнал его – это был Мир-Хусейни. Он взял в руки громкоговоритель и начал свою пылкую речь. Его дыхание было жарче огня взрывающихся над нашими головами снарядов, и даже если не ушами своими, но интуицией мы понимали всё, что он хотел до нас донести. Он сказал тогда: «Братья! Знайте, что здесь – поле битвы при Кербеле! Когда я скажу "Йа Хусейн!",¹⁵ то вставайте и двигайтесь вслед за мной!».

Кровь в наших жилах так и начала кипеть. В какой-то момент раздался крик "Йа Хусейн!", и мы все ринулись в атаку вслед за ним. Над головами стоял свист от пуль, но мы не обращали на это никакого внимания. Это уже не имело значения, потому как нашим предводителем в этот момент был Мир-Хусейни. Если бы перед нами были все семь препятствий Рустама,¹⁶ то и тогда мы преодолели бы их. Мы добрались до неприятеля и обрушились на него всем праведным гневом, что бил ключом в наших сердцах. Рубеж был прорван.

После этого ещё долгое время я оставался на фронте. Я набирался опыта и делился им с другими. До начала операций мы обычно устраивали своим ребятам подготовительные курсы по различным направлениям военного ремесла. На одних из таких курсов я проводил обучение азов пользования

¹⁵ Буквально «О, Хусейн!». Всё, что связано с именем внука Пророка ислама Хусейном ибн Али в шиитской традиции символизирует героизм, самопожертвование ради высших ценностей и бесконечную скорбь.

¹⁶ По преданию, перед легендарным героем «Шахнаме» Рустамом существовало семь препятствий. Выражение является аллегорией к большим трудностям.

ручным противотанковым гранатомётом и теории, связанной с ним. Одним из разбираемых вопросов было то, с какого расстояния следует открывать огонь по танку и т.д.

В конце урока в класс зашёл Мир-Хусейни и сел позади всех. Когда я закончил говорить, то Мир-Хусейни сказал: «С Вашего позволения, я хотел бы кое-что добавить».

Я ответил: «Конечно же, прошу Вас».

Взглянув на повернувшихся к нему ребят, он сказал им: «Братья мои, вам не стоит бояться иракских танков. Если танк находится на нужном для огня расстоянии, то бейте по нему, однако же, если он приблизился к линии вашей насыпи, то в него не надо производить вообще никаких выстрелов».

Собравшиеся было подумали, что он так шутит, и потому засмеялись. Кто-то возразил: «В конце-то концов, его ведь надо подбить».

Мир-Хусейни сказал: «Как вы думаете, что этот горемычный танк сможет сделать, находясь вблизи от вашей линии насыпи? Для эффективной работы танк должен находиться в поле, чтобы иметь возможность совершить манёвр и иметь хороший обзор, дабы была возможность прицелиться. Однако если он находится непосредственно перед линией насыпи, то он становится беспомощным. Как ни странно, именно в тот момент, когда эта машина более всего внушает вам ужас, представляя перед вами во всём своём грозном величии, он является наименее опасным для вас, потому как полностью находится в вашей власти».

К тому моменту я уже много раз имел дело с танками, и у меня был немалый опыт, связанный с ними, но то, что говорил Мир-Хусейни, было что-то совершенно иное. После этого я не один раз смог воспользоваться его бесценным уроком.

Другой случай, связанный с ним, произошёл в то время, когда наши войска отправились на запад. Мы были в городе Камьяран.¹⁷ В тот день были задействованы большие силы. В наш лагерь прибыл Мухсин Резаи, генерал армии, и мы все страстно желали увидеть его лично, своими глазами. Мы все собрались перед генеральным штабом, около которого стояли бдительные охранники, пресекавшие, как они думали, своим важным видом даже всякую надежду на то, чтобы попасть внутрь. Мы подглядыва-

¹⁷ **Камьяран** — город на западе Ирана, что находится в провинции Курдистан. Административный центр шахрестана Камьяран. Шестой по численности населения город в этой провинции.

Герой Систана был командующим той операцией. Я слушал переговоры наших через рацию, и в том числе голос Мир-Хусейни. Он всё подбадривал и воодушевлял наших ребят, отдавал приказы к наступлению и заставлял меня горько плакать от осознания того, что я не сражаюсь бок о бок с ними. Он отважно бился с врагом за один из наших городов. Прошёл один час с начала операции. Иракцы оказывали отчаянное сопротивление, и потому силы наши не могли продвинуться вперёд. Где-то ближе к утру Мир-Хусейни связался с командующим армией и сказал ему: «Мы не в состоянии выполнить поставленную перед нами задачу».

Я начал очень горько плакать. Затем я сел и начал молиться за всех тех, кто находился в этом бою. У меня было такое чувство, что я посрамлён, но я не понимал причину этого состояния.

Примерно через час я увидел его. Я не выдержал и, обняв его, начал плакать. Он начал успокаивать меня. Как я понял, он подумал, что моя печаль связана со смертью Бахмана Хосрови и других ребят, что пали мучениками в эту ночь. Он сказал: «Не печалься. Все мы, рано или поздно, должны покинуть этот мир. Если Бахман был твоим другом, то ведь и нашей семье он приходился зятем».

Я ничего не ответил ему, но слёз своих остановить не смог. Мир-Хусейни был командующим войсками на наших родных землях, и его поражение было равнозначно поражению всего Систана, Хамуна и героев нашего эпоса...».

Я встретился с Хамидом Саргази. Он тоже участвовал с Мир-Хусейни в операции "Бадр". Я предложил ему встретиться на следующий день, чтобы он рассказал обо всех событиях, связанных с Мир-Хусейни, которые он помнит. Он благосклонно согласился. Только мы хотели уйти на этой хорошей ноте, как он вдруг не выдержал и начал рассказывать:

«Я был посыльным Мир-Хусейни. Мы дислоцировались в местечке под названием "Джазират аль-Маджнун"¹⁸. День и ночь там велись перестрелки и бомбардировки, как с воздуха, так и с земли. Напряжение вообще никогда не спадало. Одним словом, война там шла полным ходом.

Утром, когда было время начала операции, погрузчики и бульдозеры расчищали местность от насыпей и окопов, однако работы ещё не завершились. Тем не менее, большая её часть уже была начисто разглажена.

¹⁸ «Джазира Маджнун» – это территория, находящаяся в окрестностях иракского города Басра, недалеко от нефтяного месторождения «Маджнун» и города Карна. Во время ирано-иракской войны данная территория подвергалась химическим атакам с иракской стороны.

Мир-Хусейни поручил мне передать одно сообщение. Самым разумным было пересечь местность, насколько это было возможно, по ещё оставшимся окопам и вдоль линии насыпи. Я произнёс две шахады¹⁹ и двинулся в путь. Огонь неприятеля был очень плотным. Всё было охвачено огнём, как будто весь Маджнун был подождён.

Наконец, я достиг края полуразрушенной линии насыпи. Я выскочил на открытое поле и бежал прямо под огнём. Я был один, совсем один. Из всех сил я старался прибавить ходу и добраться до своей цели как можно быстрее.

Даже не помню, что конкретно у меня крутилось в голове, когда я неожиданно услышал чей-то голос, который звал меня. Я вернулся и увидел Мир-Хусейни. Он сказал мне: «Возвращайся назад. Я сам пойду туда».

Не успел даже открыть рот, чтобы начать возражать, как он тут же пресёк меня и повторил: «Быстрее, иди обратно».

Я, как он и приказал, вернулся. Через какое-то время, когда мы с ним вновь увиделись, я затронул и эту тему. Он ничего не сказал мне в ответ, никак не пояснил своих действий, но я и сам понял – он просто не хотел посылать меня под огонь, боясь, что в меня может попасть шальная пуля или осколки снарядов...».

Мы опять двинулись в путь. Конечный пункт назначения – аграрный институт города Заболы. По плану я должен познакомиться с человеком, в памяти которого сохранилось много событий, связанных с Мир-Хусейни. Не говоря об остальном, достаточно было бы того, что он был вместе с ним в тот день, когда Мир-Хусейни погиб. Точно в назначенный час мы прибыли по указанному адресу. Этот человек имел много информации о тех событиях, что происходили в ходе выполнения операции "Хайбар":

«В операции "Хайбар" командиром батальона "Амир аль-муминин" был Саиди. Ещё до того, как наши добрались до линии фронта, они подверглись химической атаке. Несмотря на это, наши ребята с болезненным кашлем химического отравления и все покрытые волдырями сумели захватить позиции врага.

Наступила моя очередь караулить. Я сидел в окопе и сквозь щели смотрел вперёд, в сторону иракских позиций. Вдруг я увидел одного солдата, который двигался оттуда в нашу сторону. Над собою он держал кусок

¹⁹ «Шахада» с арабского означает «свидетельство», и под выражением «две шахады» или «два свидетельства» подразумевают формулу свидетельства о единстве и единственности Бога и посланничестве Мухаммада.

чего-то белого, что, судя по всему, должно было играть роль белого флага. Как только завидел его, то тут же поднял крик: «Иракец! Иракец!». Поднялся шум, и все начали подниматься, чтобы посмотреть на причину поднятой мною тревоги. Вдоль всей линии столпились наши. Мы подготовили оружия для стрельбы и начали ждать того момента, пока иракец подойдёт на расстояние выстрела, чтобы, как это и полагается, застрелить его. Однако в этот же момент ещё один человек наблюдал за происходящим. Это был ни кто иной, как Мир-Хусейни. Практически в тот же момент, когда мы хотели открыть огонь, мы услышали его голос. Он, стоя на баррикадах, сказал с присущим систанским акцентом: «Никому не разрешается открывать огонь».

В ту пору я был совсем юным. Такой расклад меня ввёл в небольшое замешательство, и я не понимал, что происходит. Я спустился вниз после того, как этот же голос скомандовал: «Все спускайтесь вниз. На линии насыпи пусть остаются только разведчики и связисты». Мы сидели и ждали, пока издали не услышали голос, который кричал: «Не стреляйте! Мне нужно убежище!». Я взглянул наверх и увидел какого-то человека, который подбежал к Мир-Хусейни. Он весь трясся, как ива. Мир-Хусейни по-братски обнял его и начал успокаивать. Чуть позже мы узнали, что этот иракец был из Неджефа. Мир-Хусейни увёл его в помещение для командующих.

Через три или четыре часа они вышли наружу. Было очевидно, что этого бедолагу силой привели на фронт. Ребята, которые знали арабский, так перевели его слова: «Из школы меня повели в тренировочный лагерь. Когда наступило время идти на фронт, то мать моя рыдала и причитала, что, не дай Бог, я буду находиться среди войска неверия или, что ещё хуже, буду убит там же. Всё время я отсиживался в окопах, чтобы меня не убили. Вчера была моя очередь дежурить на линии. В один момент я решил, что должен бежать к вам с наступлением утра. Улучив нужный момент, я побежал со всех ног. Единственное, чего я хотел всем сердцем, так это то, чтобы с вашей стороны в меня не полетели пули. Было бы обидно умереть от пуль своих единомышленников».

Это было провидением Бога, что Мир-Хусейни в эту ночь стоял на передовой, потому как иначе мы бы так и не узнали, что это человек был для нас вовсе не врагом.

На следующее утро к своему удивлению я увидел, как этот же пленник, одетый уже в нашу форму, расхаживает вдоль наших позиций. Я спросил

остальных – понимают ли они что происходит?

Они ответили мне, что этот пленник раскрыл для нас данные о том, где находятся вражеские орудия, склады и базы, и что в скором времени они вместе отправятся туда, чтобы все это дело уничтожить.

Через какое-то время до меня дошла весть о том, что его приняли в отряд под названием "Бадр" и что теперь он активно воюет против саддамовского режима. Мне неизвестно, знает ли этот человек о том, что тот, в объятия кого он стремился, когда перебежал от позиции иракцев к нам, и тот, кто фактически спас ему жизнь, уже давно умер. Дай Бог, что не знает. Одно я знаю точно – его бы это расстроило сверх всякой меры.

Там же иракцы несколько раз в день проводили массированный обстрел наших позиций – утром, в полдень и ближе к вечеру, как по расписанию. Мир-Хусейни всегда говорил нам, чтобы мы даже не думали о том, чтобы сунуться наружу без железной каски на голове.

Как-то раз, когда я бежал вдоль двусторонней линии насыпи, я неожиданно наткнулся на Мир-Хусейни. Он сидя совершал омовение, поливая воду из своей фляжки. На его голове тогда не было каски, о необходимости носить которую он всегда нам говорил сам. Я остановился и в шутку заметил: «Уважаемый, почему Вы не соблюдаете правила безопасности? Почему без каски?».

Он выпрямился и встал, затем, внимательно посмотрев на меня, спокойно сказал: «Не переживай. Когда он вознамерится прийти, то сообщит заранее. А теперь быстрее иди внутрь окопа».

Я только потом понял значение его слов. Вообще, Мир-Хусейни был убеждён в том, что наклоняться, в попытке избежать попадания в себя осколков от взрывающихся снарядов, это своего рода проявление многобожия. Да, утверждать такое легко, но следовать этому знанию в своих поступках очень сложно...».

Мы прибыли в аграрный институт. Заместитель ректора Хасан Пур Исмаил ждал нас. Около двери стоял большого телосложения молодой человек. Пур Исмаил вышел нам на встречу и учтиво провёл в свой кабинет. Мы начали наш разговор довольно-таки позитивно, и он тут же, смеясь, сказал Султан Али-Миру: «Помнишь? Если бы не я, то ты так и остался бы лежать среди иракцев!».

Пур Исмаил вспоминал различные истории из своей фронтовой жизни. Эти двое в последний день были вместе. Султана Али тогда ранили, и он остался истекать кровью будучи посреди иракских солдат. Мир-Хусейни

начал искать добровольца, чтобы вызволить первого, и Пур Исмаил протягивает свою руку...

Я прервал их разговор. Предавшись своим воспоминаниям, они совсем забыли о цели нашего визита, которая заключалась в знакомстве. Уже после этого мы должны были назначить встречу на следующий день, в ходе которой они должны были рассказать все детали того последнего дня. Я попросил Пур Исмаила рассказать о других своих воспоминаниях, связанных с Мир-Хусейни, и он начал рассказывать:

«Я был пулемётчиком. Перед началом операции я спросил, какая конкретно задача была возложена на нас.

Мир-Хусейни ответил: «Пока что оставайтесь здесь. Я сам пойду вперёд, и когда достигну нужной точки, то скажу вам, чтобы вы подтягивались».

В первую ночь операции я то и дело слышал голос Мир-Хусейни, доносящийся из рации, а также раненные, что возвращались в тыл, рассказывали о том, что там происходило. Вдруг из рации донеслось: «Я дошёл до иракцев. Идите за мной!».

Меня просто удивляло его поведение. Вместо того, что приказать нам идти вперёд, он зовёт нас за собой. Ребята, которые возвращались, говорили, что Мир-Хусейни был ранен, но, тем не менее, он продвинулся больше всех вперёд. Он взобрался на холм, на котором росло одно единственное дерево. Укрывшись за ним он и кричал нам о том, чтобы мы быстро нагнали его. До самого утра поступали вести только о том, что наши продвигаются всё дальше вперёд. Было уже светло, когда он вновь вышел на связь по рации. Мы поприветствовали друг друга, после чего он сказал: «Хасан, радуйся! Я отправил к тебе несколько Супер-Этендаров.²⁰ Собери своих ребят. Идите к нам».

Я долго ломал голову над значением слова Супер-Этендар, но даже примерно не смог догадаться что это может быть. Это происходило как раз в то время, когда Франция дала Ираку в пользование несколько самолётов «Супер-Этендар», чтобы уничтожить наши корабли в Персидском заливе. Мы с ребятами как раз пытались понять, что подразумевалось под этим словом, как вдруг я увидел, как издалека некто вел перед собой нескольких мулов. Приблизившись, он громко спросил: «Среди вас есть человек по имени Пур Исмаил?».

²⁰ Дассо Супер-Этендар — французский сверхзвуковой палубный штурмовик.

Я ответил: «Да, это я».

Тогда он сказал: «Мир-Хусейни велел, чтобы вы погрузили ДШК на этих мулов и шли вперёд».

Я был в ступоре – никак я не ожидал, что это будут мулы. Мы вместе погрузили пулемёты на них и двинулись в путь. На холме я увидел Мир-Хусейни, и сразу же направился к нему. Подойдя, я сказал: «Командир, мне подумалось, что ты действительно пришлѐшь для нас стоящий транспорт!».

Он опять рассмеялся, но в этот раз на его лице было видно сдерживание боли от смеха. Это была рана, которую он получил вчера ночью.

Был также и другой случай, который произошёл там же, в "Джазира Маджнун". Мы отобрали позицию у иракцев, но они, то и дело, предпринимали попытки контратаки. С этой же целью они разминировали минное поле. Это была очень тѐмная ночь. Нельзя было даже увидеть вытянутой перед собой руки. Мы все превратились в слух в ожидании услышать звуки с передовой. Я сидел в окопе, как вдруг до меня дошёл рѐв мотоцикла Мир-Хусейни. Это был он, и знали мы это потому, что он так часто ездил туда и обратно, что мы уже знали, какой именно звук издаёт его мотоцикл. Как только он прибыл, то быстро слез с него и громко отдал приказ: «Братья, будьте готовы, враг наступает! Ни шагу назад!».

Он начал распоряжаться отрядами и распределять их по нужным позициям. Он сказал, чтобы ещё до начала их наступления мы вместе и слаженно начали обстреливать их позиции. Обусловившись, мы открыли дружный огонь по неприятелю из всего, что у нас было при себе. Они тут же заняли оборонительную позицию и оставили попытку атаковать. Они испугались и подумали, что мы сами хотим нанести упреждающий удар. После этого Мир-Хусейни приказал нам поднять клич "Аллаху акбар!".

Была уже полночь. Мы поднялись на насыпь и кричали "Аллаху акбар!", на что враг отвечал залпом гранатомѐтов. Через какое-то время наступило затишье. Противник, в итоге, оставил намерение пойти в атаку. До самого утра Мир-Хусейни был на передовой. Он обходил наши позиции вдоль и поперѐк, разговаривая, советуясь и отдавая те или иные приказы. Я сильно умурился, и поэтому уже засыпал на месте, как вдруг он подошёл ко мне. Смеясь, он спросил: «Какие новости?».

Я ответил: «Никаких, командир».

Тогда он сказал: «Давай, пойдѐм с тобой до края линии и посмотрим, что там. После этого сразу же вернѐмся».

Прошло уже несколько дней и ночей, как я не смыкал глаз. Мы с ним дошли до самого края заграждений. Кого бы мы ни встретили, Мир-Хусейни шутил со всеми и подбадривал. В ту ночь он даже на секунду не присаживался. Что касается меня, то я вообще выбился из сил.

Когда солнце уже начало вступать в свои права, мы смогли хоть как-то разглядеть позиции неприятеля. Не было даже намёка на то, что иракцы вновь предпримут попытку атаки. Если бы в ту ночь нами не командовал бы Мир-Хусейни, то, скорее всего, всё закончилось куда как плачевнее...».

Уже было поздно. Мы встали и попрощались. По дороге обратно Муса рассказал следующее:

«Зимой 1984 года 77 дивизия Захедана была дислоцирована в местности под Сумаром.²¹ Как-то раз ночью я повстречал там Мир-Касема. На следующее утро после этого он спросил меня: «Какая часть этой местности находится под вашим контролем?».

Я ответил: «Высоты Киске, порт Пир-Али, Кохне-Риг, 402 высота, вершина Канди...».

Он спросил: «Какой из этих участков является самым чувствительным?».

«Вершина Канди» – сказал я.

Тогда он сказал: «Давай, пойдём туда и посмотрим, что к чему».

Мы двинулись в путь. На вершине были расположены солдаты батальона "Кудс". Когда мы подошли к каналам, что были рядом с передовой, то слышали звуки бура – иракцы рыли туннель. Мир-Касем спросил: «Иракцы приближаются к вашим позициям. Предпринимаете ли вы хоть что-нибудь, чтобы предотвратить их прорыв?».

Ему ответили, что нет. Мир-Касем заметил: «Эта вершина имеет для иракцев огромное значение. В этой местности они слепы и не имеют нужного обзора. Они обязательно будут пытаться взять эту вершину. Она имеет для них жизненное значение».

2 февраля следующего года иракцам всё-таки удалось отбить высоту.

Когда я был в увольнении и увидел его вновь, то сообщил ему об этом. Он спросил: «И какой же у вас план относительно этого?»

В то время как раз проходила подготовку одна бригада, которая должна была вернуть контроль над высотой. Мир-Касем сказал: «Если вы будете подходить к таким вопросам столь узко, то никогда не преуспеете. Даже

²¹ **Сумар** – иранский город и столица округа Сумар в округе Касре-Ширин, провинция Керманшах.

если вам удастся отнять её, то иракцы обрушат на вас все свои силы, и вы просто вынуждены будете отступить».

7 марта началось выполнение нашей боевой операции. Мы без особого труда смогли отбить высоту, но затем, как и говорил Мир-Хусейни, из-за массированного вражеского огня были вынуждены отступить...».

Наступило время прощаться с моими товарищами, которые в этот день действительно много сделали для меня. Расставшись с ними, я вернулся в свою комнату. Как это принято у нас, я позволил себе отдохнуть до наступления заката, после чего опять начал исследовать разложенные по всей комнате бумаги. Всё, что я слышу и узнаю об этом человеке, я визуализирую в сознании – худой командир, что стоит среди летающих пуль и снарядов с громкоговорителем молочного цвета и отдаёт приказы своим солдатам. Все говорили о том, как он ободрял своих, как он грозно отдавал приказы и мягко читал Коран.

Я натыкаюсь на рассказ Мухаммада Резы и читаю его:

«Это было во время исполнения операции "Хайбар". В ночь перед этим днём силы врага вели массированный огонь по нашим позициям в "Джазира Маджнун", в результате которого также был убит и командующий дислоцированным на данном участке батальоном. Касем Сулеймани поручил Мир-Хусейни отправляться на "Джазира Маджнун" с целью того, чтобы проконтролировать ситуацию среди своих, а также изучить обстановку в затопленных районах.

Я пошёл вместе с ним. Было такое чувство, что нас просто швырнули в ад. Снаряды друг за другом взрывались вокруг нас, так, что казалось – если я немного вытяну руку, то осколки из неё тут же сделают решето. Когда же я видел его, то во мне тут же возникало чувство возмущения – он вёл себя так, будто мы вовсе были не посреди перекрёстного огня, а умиротворённо прогуливались по парку. Он был очень спокоен.

В ту ночь мы несколько раз пересекли эту местность, идя от одного её конца к другому. На следующий день нас ожидал ещё больший труд. Сам Мир-Хусейни не пребывал без дела ни на одно мгновение.

На следующий же день 12 апреля 1984 года иракцы начали бомбить эту местность самолётами. Очень много наших было ранено, среди которых был и Мир-Хусейни. Однако он, вместо того, чтобы заняться своими ранами и своим лечением, помогал остальным и подбадривал их, как будто сам он и вовсе не был ранен. Он по-прежнему был самым спокойствием.

Был и другой случай, который произошёл в то время, когда мы отправились к одному из наших отрядов, располагавшемуся недалеко от реки Карун, чтобы обучиться речному десантированию. День и ночь мы тренировались в воде, чтобы подготовиться к операции. Впереди нас ждала тяжёлая борьба против реки Арванд.

В одну из ночей нам объявили подъём, чтобы отправить нас к линии. Один из командующих выстроил нас в колонну, и мы отправились в путь. В скором времени мы уже покинули пределы своей базы. Путь был очень длинным, но в конце концов мы добрались до берега реки Карун. Чуть ранее, когда река стала большой, здесь случился потоп, и поэтому весь берег был в липкой глине. Командующий посадил нас всех перед собой и начал говорить. Он говорил об операции, о том, как следует передвигаться ночью и очищать берег реки от неприятеля. В тот самый момент, когда он говорил, кто-то из конца колонны кинул в воду камень, что не осталось незамеченным тем, кто нам всё пытался что-то объяснить. Командующий спросил: «Кто это был?».

Никто не ответил ему. Затем он опять спросил это, но все так же молчали. Тогда он приказал всем встать. Когда мы встали, он отдал приказ о том, чтобы мы шли прямо в тину. Некоторые из наших начали протестовать и отказались идти. Между ними и командующим возник сильный спор. В конце концов мы просто вернулись на базу.

Через какое-то время Мир-Хусейни прибыл к нам, чтобы встретиться с некоторыми из своих знакомых. Они начали жаловаться ему на того командующего и всячески попрекать его. Когда они объяснили всё как было, то Мир-Хусейни не согласился с их суждением и не поддержал их. Он начал упрекать их за то, что они не выполнили приказ того, кому они обязаны были подчиняться, и если у них были какие-то претензии, то они должны были озвучить их уже после этой тренировки, а не во время ее.

Поначалу мы были удивлены его позицией, но когда сами увидели, как он подчиняется вышестоящему начальству, то нам всё стало ясно. Он был просто воплощением подчинения своему начальству, ведь они сами были полностью преданными верховному лидеру революции и идеям исламской религии.

Я помню и другой случай, связанный с ним. Во время той восьмилетней войны мы, конечно же, прекрасно знали, что всё это происходит не без ведома имама Махди и что он наблюдает за всем этим. Однако в то время в разных концах начали появляться люди, которые заявляли о том, что они

воочию видели имама. Быть может само по себе это и не было невозможным, но вызывало сильные сомнения относительно своей достоверности. Однажды, когда я увиделся с Мир-Хусейни, я затронул эту тему и спросил его о том, что он думает по этому поводу. Он сразу же дал понять, что не верит во все эти истории, и даже если рассказывающие такие люди не являются лжецами, то им ведь просто могло это померещиться. Тогда же он рассказал один известный ему случай, который произошёл с его близким другом: «Во время выполнения операции "Аль-фаджр-3", мученик Имам Дуст и его отряд находились в осаде 48 часов на высотах в окрестностях города Мехран. Это было в очень жаркое время, и поэтому его люди, как и он сам, совсем выбились из сил. Посреди ночи Имам Дуст слышит голос, который зовёт его по имени. Первое, что приходит ему на ум – это какая-то уловка иракцев с весьма очевидной целью. Он подготовил своё оружие и решил пойти в ту сторону, откуда доносился звук. Чем он дальше шёл, тем этот голос становился всё отдалённее для него. Он так и шёл, пока не наткнулся на несколько фляг с прохладной водой в них. Тогда, ещё не особо задумываясь, откуда она могла взяться, он перенёс её к своим людям. Они утолили жажду и набрались новых сил для решительного прорыва, который они вскоре и реализовали».

Мир-Хусейни указал на то, что считает это одним из проявлений заботы имама Махди о своих сторонниках, после чего добавил: «Имам Дуст был очень набожным человеком и преданным своему делу, чем и заслужил подобную честь. Тем не менее, у таких происшествий есть причины и следствия, и кто угодно не может быть удостоенным прямого вмешательства имама Махди, не говоря уже о том, чтобы увидеть его светлость...».

Я беру следующий лист. На нём воспоминания, которые написал Мухаммад Кейха... Хотя я не видел никого из этих людей, чьи рассказы читаю, но всех их я могу себе представить и визуализировать. Все они говорили о Мир-Хусейни, и с какой же глубокой любовью и теплотой они это делали! Но в них, помимо этого, ясно прослеживалась невосполнимая горечь по его утрате. Но кем он был для них? Что такого в их сердца заложил этот молодой человек из Систана, что они стали столь сильно любить его?

«В тот день самолёты бомбили участок "Джазира Маджнун" химическими бомбами с воздуха. Один из наших вследствие этого начал сильно кашлять, и у него поднялась температура. Его всего трясло, из глаз бесконечно текли слёзы, и он стонал и извивался от боли. Я отправился к Мир-Хусейни

и рассказал ему о состоянии того парня.

Мы оба пришли к отравленному. Как только Мир-Хусейни увидел в каком тот находится состоянии, то тут же приказал своему водителю, чтобы он как можно скорее доставил его до машины скорой помощи. Он и меня спрашивал, как я себя чувствую, не отравлен ли. Я ему ответил, что прокапался против химических отравлений, а потому ничего дурного не чувствую.

В ту же ночь я тоже отправился в больницу, откуда нас отправили в Тегеран. Первым из знакомых, кого я увидел в больнице, был Мир-Хусейни. Как ни странно, он добрался до Тегерана быстрее меня. В тот день их позиции также подверглись химической атаке, и он тоже был отравлен, но чтобы своим болезненным видом не деморализовать наших ребят, он решил не подавать виду и никому не говорить об этом.

В больнице в общей сложности мы провели одну неделю. После того, как нас выписали, я хотел сразу же отправиться в Заболь, и когда об этом узнал Мир-Хусейни, то сказал мне: «Никому не говори, что я подвергся химическому отравлению. Я вернусь на фронт. Там я нужен им».

Так мы и расстались с ним тогда – я отправился в Заболь, а он вернулся на "Джазира Маджнун".

После завершения каждой операции Мир-Хусейни собирал имена раненных в ней солдат и по возвращении в тыл старался навестить каждого из них. Помню, как во время операции "Кербела-1" и после её завершения меня отвезли в одну из больниц Шираза. Я был в палате один, как вдруг увидел его. Я не поверил своим глазам. С ним также были несколько наших земляков. Он присел на край моей кровати. Состояние у меня было такое, как будто мне подарили весь этот мир – настолько я был рад его видеть!

Он тогда рассказал, как мне следует проводить время, пока я на постельном режиме. Одному из своих спутников он велел принести из машины Коран и несколько других книг. В конце он также настоятельно рекомендовал мне посетить и других раненных, которых я знаю.

После того, как они ушли, другие раненные, которые тоже присутствовали во время нашего разговора и слышали все его рекомендации, тут же оцепили меня и начали расспрашивать о том, кто это был, удивляясь при этом тому, насколько эрудированным человеком он был.

Я ответил им, что это был командующий дивизией "Сарулла". Сначала они не поверили мне и решили, что я шучу. Когда же поняли, что я не шучу, то начали спрашивать уже меня о том, какое у меня звание и положение в

армии, что он лично приходит навещать меня. Пришлось объяснять им, что все так и происходит, что после каждой операции он собирает имена тех, кто был ранен, после чего навещает их...

Есть и ещё одно воспоминание, которое я никогда не забуду. Это произошло однажды во время заката, когда мы находились в городе Шаламче. Мы в то время занимались разведкой вражеских позиций и вели подготовку для начала операции. Мы как раз сидели на насыпи и во все глаза следили за врагом. Недалеко от нас было волнующееся море. Солнце, спускавшееся за горизонт, как будто утопало в этом море, а его блики, отражённые от воды, напоминали болтающиеся руки и ноги.

Мы говорили обо всём и получали от этого настоящее наслаждение. Это был потрясающий вечер – возвышенного состояния духа и откровенной беседы между друзьями и боевыми товарищами. Мир-Хусейни спросил меня тогда: «Что ты видишь в этой воде?».

Я ответил: «Да вроде как ничего такого, о чём можно было бы говорить. Водная гладь, покой которой нарушают разве что волны – вот и всё».

Он повёл головой и сказал: «Однако я вижу в этой воде кровь наших ребят, и эта кровь изменила цвет моря. Это кровь всё бьётся волнами о берег».

В той местности до этих пор ещё не проводились боевые операции, но спустя два года после этого ситуация изменилась, и там проходили ожесточённые бои. Когда шла операция "Кербела-5", в одно утро до меня дошла весть о том, что Мир-Хусейни погиб. Помню, как я, пребывая в глубокой печали в связи с его потерей, опять всматривался в это море, что по прежнему будто пыталось выйти из своих пределов и билось волнами о берег. Тогда-то я и увидел, что море это будто бы стало кровью...».

Я начинаю планировать свой завтрашний день. С двумя ветеранами, которые принимали участие в операции "Бадр", мы договорились о встрече назавтра. Сон уже одолевает меня. Я начинаю сортировать бумаги и откладывать в отдельную стопку те, которые связаны с этой операцией. С ними мне надо будет работать на следующий день. По ошибке сюда попала история Мирзы Исмаила. Я читаю её и откладываю в другую стопку:

«При исполнении операции "Хайбар" я был ранен. Несколько дней я провёл в больнице, после чего меня выписали, и я отправился на тактическую базу в Джуфайре. Когда Мир-Хусейни увидел меня, то сказал: «Оставайся здесь и выполняй местную работу».

На базе не было снабженца, и когда наши возвращались на базу, то этим

занимался кто угодно, и потому с учётом были проблемы. Я взял на себя эту работу. Однажды во время работы я увидел машину, в которой было оружие, но не знал, кому она принадлежит, и кто на ней приехал или собирается уехать. В общем, особо долго не думая, я решил принять всё это добро и переложил в грузовичок. Через какое-то время пришёл Мир-Хусейни. Он собирался вернуться в "Джазира Маджнун". Когда он увидел всё то, что я сделал, то резко и грубо спросил: «Кто тебе дал разрешение на то, чтобы переложить это оружие? Верни всё обратно на место».

Я попытался оправдаться и сказал: «Ответственного за оружие не было здесь, и я...».

С обидой в сердце я сделал то, что он велел мне, после чего он вернулся на передовую.

Когда он вновь вернулся, то он по-дружески обнял меня и с типичным для забольцев диалектом сказал мне: «Брат мой, не сердись на меня и не держи обиду! Моя реакция была лишь следствием того факта, что у каждой работы есть своё ответственное за неё лицо. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы каждый делал то, что ему заблагорассудится».

Я стоял, опустив голову. Да, он был полностью прав, а я проявил халатность, тем более недопустимую, если учесть то, что мы были на войне...».

Было уже очень поздно. На следующий день я должен отправиться на место проведения операции "Бадр", что находится к востоку от реки Тигр, улица Хандак, "Джазира Маджнун", в место, вдоль и поперёк которого текут воды этого двуречья. Я отправляюсь на встречу с человеком, который всем сердцем спешит на линию фронта... Завтра – это уже иной день».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В этой комнате столько всяких бумаг, что я сам уже теряюсь, не зная, что и где находится. Вся она заполнена разными документами, листами, ксерокопиями, рукописью и прочими документами, на которых разные люди передали на бумагу свои воспоминания. Радует хотя бы то, что всё, что было связано с операцией "Бадр", я уже отобрал и положил отдельно. Есть возможность перед тем, как встретиться с теми двумя людьми, хотя бы поверхностно пройтись по материалу.

Среди этих бумаг я достал историю Мир-Щекара, который рассказывал об этой штурмовой операции:

«Я был среди первой группы, которая прибыла на восточный берег реки Тигр перед началом операции. Линия фронта была полностью зачищена, и мы постепенно переплывали на лодках к месту, откуда и должна была начаться операция. К тому моменту у нас не было в достаточной степени боеприпасов и другого обеспечения, но даже тем, что у нас имелось, мы успешно теснили врага всё дальше назад.

На утро начала операции я увидел Мир-Хусейни. Он всё отдавал приказы своим ребятам. Я подошёл к нему. Как только он увидел меня, то тут же сказал: «Обязательно доставь воду нашим!».

В той местности шли проливные дожди, из-за чего вся земля стала липкой. Иракцы, в свою очередь, решили отсидеться в окопах. У Мир-Хусейни не было при себе никакого оружия. Я протянул ему один автомат УЗИ и сказал: «Вот, возьми. Пусть будет при тебе. Пригодится, думаю».

Он не принял его, но я так сильно настаивал, что он в конце концов согласился и сказал: «Ладно, так и быть. Положи его здесь, рядом».

И он тут же вновь принялся раздавать приказания. Как он и велел, я положил автомат рядом с ним и отправился исполнять приказ – доставлять воду нашим. Иракцы в этот раз оказывали сильное сопротивление, но, несмотря на это, мы шаг за шагом оттесняли их всё дальше и дальше.

Где-то час я занимался доставкой боеприпасов и воды, после чего вернулся к Мир-Хусейни, на случай, если ему надо было ещё что-нибудь поручить мне. Придя к нему, я увидел, что автомат с тех пор так и лежит рядом с ним, как я его положил. Я с возмущением было начал что-то говорить, но он тут же остановил меня и сказал: «Я ведь говорил, что он мне не понадобится».

В последующих операциях я также не редко пересекался с ним. Вместо оружия у него в руках был громкоговоритель молочного цвета, и не раз я

видел, как в самые тяжёлые моменты он своими речами вдохновлял ребят, и они тут же с новой силой начинали атаковать врага. Оружием Мир-Хусейни был как раз этот громкоговоритель и его язык, который был причиной сражения врагов ничуть не меньше, чем меч Малика Аштара...». Сегодня я чувствую себя просто замечательно. Дует ветер, стало прохладнее, и нет того чувства дискомфорта, которое я испытывал ещё давеча. Я достал рассказ Хабиба Данеша Шахраки. Какую-то часть из всех его историй я положил в другую пачку, чтобы прочесть её в надлежащее время, и приступил к чтению другой части, которая касалась операции "Бадр":

«Лодки выстроились в колонну по речному каналу. Вокруг нас были только камыши и тростник, которые надёжно укрывали нас от ненужных глаз. Река извивалась и расходилась по множеству разных каналов и ответвлений, и я даже не представляю, каким образом наши штурманы разбирали это дорогу. Когда мы достигли развилки, то я увидел фонари и куски пенопласта, которые были призваны указывать направление нашего маршрута.

Пока мы плыли, я сидел на корме лодки и смотрел назад. Количество пересекающихся речных карманов, которые мы миновали уже к тому моменту, просто удивило меня своим изобилием, и поэтому я решил, что стоит попытаться запомнить дорогу. Мир-Хусейни заметил, что я целенаправленно и внимательно смотрю назад, и из-за этого спросил: «Что там? Почему ты смотришь всё время назад?».

Не прекращая заниматься намеченным делом, я ответил ему: «Я это делаю для того, чтобы, если вдруг, нам придётся отступить, то мы не заблудились бы среди всех этих перекрещенных водных направлений».

В глазах его, как только он услышал это, сразу можно было увидеть удивление, и он твёрдо сказал следующее: «Ты не имеешь права смотреть назад. Мы движемся вперёд, а значит смотреть мы должны в ту же сторону, туда, где находится наш враг».

Его слова были столь бескомпромиссны и тверды, что до самого конца нашего плавания даже при огромном желании я просто не мог бы заставить себя посмотреть назад – настолько мне стало стыдно за себя.

Мы двигались всё дальше вперёд. Как мы выяснили, наши силы успешно атаковали неприятеля и отбросили их назад, после чего продолжали развивать успех. От самого "Джазира Маджнун" и до этого места была лишь вода, вследствие чего с провиантом и боеприпасами возникало

немало проблем. Иракцы при помощи вертолётов атаковали всё, что двигалось по рекам в их поле зрения, что лишь усугубляло проблему доставки снабжения.

Несмотря на все сложности и дефицит, мы были вынуждены держать оборону. Мы были в окружении воды и сил противника. Поодаль мы также видели танки, которых с каждой минутой становилось всё больше и больше.

Все наши уже отступили назад. Более нельзя было оказывать сопротивление, потому как это было равно просто смерти. Остались только я, Мир-Хусейни, Саргазиаде, Пудине и ещё несколько человек. Ребята начали говорить Мир-Хусейни, что здесь уже не осталось наших людей, что и мы, как и остальные, должны ретироваться, потому как ничего уже здесь сделать не сможем.

Мир-Хусейни сказал такие слова, после которых мне было стыдно называть себя воином: «Касем Сулеймани, командующий войсками, мне лично сказал, чтобы либо отстоял позицию, либо здесь же погиб. Согласно приказу своего командующего, я обязан остаться здесь, и, как он и сказал, либо сохранить позицию, либо пасть мучеником».

Я знал, как сильно Мир-Хусейни уважал Касема Сулеймани, и насколько он беспрекословно подчинялся ему, но я, судя по всему, совсем не понимал масштабов этой преданности – за одно лишь слово последнего он был готов стоять до последнего, пока бьётся его сердце. При этом я знал, что сам Мир-Хусейни прекрасно понимает, что мы не сможем устоять против столь многочисленных сил противника. Нам просто не хватит ресурсов. Несмотря на всё это, он был готов до конца выполнять приказ командующего.

Во время этой же операции нам удалось взять в плен одного из командующих армией Ирака. Он был очень крупного телосложения и имел рост не меньше двух метров. Это был первый на моей памяти случай, когда нам пришлось связывать руки пленника. Иначе было никак нельзя, потому как было такое чувство, что он голыми руками может разорвать наших ребят.

Мы на лодке доставили его назад, в тыл. Мир-Хусейни начал допрашивать его. Я знал немного арабский и переводил то, что он говорил.

Мир-Хусейни проговорил с ним около часа, при этом вёл себя предельно спокойно и сдержанно. Командующий иракцев менялся в лице, и было видно, что в нём происходит какая-то внутренняя борьба. Когда прошёл этот час, Мир-Хусейни приказал освободить ему руки. Он был очень

видел, как в самые тяжёлые моменты он своими речами вдохновлял ребят, и они тут же с новой силой начинали атаковать врага. Оружием Мир-Хусейни был как раз этот громкоговоритель и его язык, который был причиной сражения врагов ничуть не меньше, чем меч Малика Аштара...». Сегодня я чувствую себя просто замечательно. Дует ветер, стало прохладнее, и нет того чувства дискомфорта, которое я испытывал ещё давеча. Я достал рассказ Хабиба Данеша Шахраки. Какую-то часть из всех его историй я положил в другую пачку, чтобы прочесть её в надлежащее время, и приступил к чтению другой части, которая касалась операции "Бадр":

«Лодки выстроились в колонну по речному каналу. Вокруг нас были только камыши и тростник, которые надёжно укрывали нас от ненужных глаз. Река извивалась и расходилась по множеству разных каналов и ответвлений, и я даже не представляю, каким образом наши штурманы разбирали это дорогу. Когда мы достигли развилки, то я увидел фонари и куски пенопласта, которые были призваны указывать направление нашего маршрута.

Пока мы плыли, я сидел на корме лодки и смотрел назад. Количество пересекающихся речных карманов, которые мы миновали уже к тому моменту, просто удивило меня своим изобилием, и поэтому я решил, что стоит попытаться запомнить дорогу. Мир-Хусейни заметил, что я целенаправленно и внимательно смотрю назад, и из-за этого спросил: «Что там? Почему ты смотришь всё время назад?».

Не прекращая заниматься намеченным делом, я ответил ему: «Я это делаю для того, чтобы, если вдруг, нам придётся отступить, то мы не заблудились бы среди всех этих перекрещенных водных направлений».

В глазах его, как только он услышал это, сразу можно было увидеть удивление, и он твёрдо сказал следующее: «Ты не имеешь права смотреть назад. Мы движемся вперёд, а значит смотреть мы должны в ту же сторону, туда, где находится наш враг».

Его слова были столь бескомпромиссны и тверды, что до самого конца нашего плавания даже при огромном желании я просто не мог бы заставить себя посмотреть назад – настолько мне стало стыдно за себя.

Мы двигались всё дальше вперёд. Как мы выяснили, наши силы успешно атаковали неприятеля и отбросили их назад, после чего продолжали развивать успех. От самого "Джазира Маджнун" и до этого места была лишь вода, вследствие чего с провиантом и боеприпасами возникало

немало проблем. Иракцы при помощи вертолётов атаковали всё, что двигалось по рекам в их поле зрения, что лишь усугубляло проблему доставки снабжения.

Несмотря на все сложности и дефицит, мы были вынуждены держать оборону. Мы были в окружении воды и сил противника. Поодаль мы также видели танки, которых с каждой минутой становилось всё больше и больше.

Все наши уже отступили назад. Более нельзя было оказывать сопротивление, потому как это было равно просто смерти. Остались только я, Мир-Хусейни, Саргазиаде, Пудине и ещё несколько человек. Ребята начали говорить Мир-Хусейни, что здесь уже не осталось наших людей, что и мы, как и остальные, должны ретироваться, потому как ничего уже здесь сделать не сможем.

Мир-Хусейни сказал такие слова, после которых мне было стыдно называть себя воином: «Касем Сулеймани, командующий войсками, мне лично сказал, чтобы либо отстоял позицию, либо здесь же погиб. Согласно приказу своего командующего, я обязан остаться здесь, и, как он и сказал, либо сохранить позицию, либо пасть мучеником».

Я знал, как сильно Мир-Хусейни уважал Касема Сулеймани, и насколько он беспрекословно подчинялся ему, но я, судя по всему, совсем не понимал масштабов этой преданности – за одно лишь слово последнего он был готов стоять до последнего, пока бьётся его сердце. При этом я знал, что сам Мир-Хусейни прекрасно понимает, что мы не сможем устоять против столь многочисленных сил противника. Нам просто не хватит ресурсов. Несмотря на всё это, он был готов до конца выполнять приказ командующего.

Во время этой же операции нам удалось взять в плен одного из командующих армией Ирака. Он был очень крупного телосложения и имел рост не меньше двух метров. Это был первый на моей памяти случай, когда нам пришлось связывать руки пленника. Иначе было никак нельзя, потому как было такое чувство, что он голыми руками может разорвать наших ребят.

Мы на лодке доставили его назад, в тыл. Мир-Хусейни начал допрашивать его. Я знал немного арабский и переводил то, что он говорил.

Мир-Хусейни проговорил с ним около часа, при этом вёл себя предельно спокойно и сдержанно. Командующий иракцев менялся в лице, и было видно, что в нём происходит какая-то внутренняя борьба. Когда прошёл этот час, Мир-Хусейни приказал освободить ему руки. Он был очень

вежливым с этим пленником. Вдруг, в один момент, иракец начал плакать, чуть ли не навзрыд. Он тут же обнял Мир-Хусейни и начал целовать его плечи.

Да, Мир-Хусейни обладал мягкостью самого Али в войне...».

Кто-то постучался в дверь. Я открыл. Это были Хамид Шафии и Хамид Саргази. Я поприветствовал их и пригласил внутрь. Они были удивлены тому виду, который открылся им – комната, что полностью была усеяна бумагами. Я быстро объяснил, что к чему, и они начали дружно смеяться. Мы сели прямо на пол и начали говорить обо всём, что было связано с той войной, и особенно о Мир-Хусейни. Он теперь стал осью всех моих разговоров и обсуждений. Первое слово в этом деле на себя берёт Хамид Шафии. Я заранее положил рядом с ними термос с горячим чаем, стаканы и сладости, чтобы мне не пришлось посреди его рассказа отвлекаться на это. Цель моя – максимальная концентрация и предельное внимание, чтобы не упустить ничего из сказанного.

«Мы добрались до восточной части реки Тигр. Я доложил Мир-Хусейни обстановку и спросил его: «Где нам лучше укрепиться, чтобы потом не возникло особых проблем?»».

Он указал нам где следует расположиться солдатам и где следует укрепить позиции. Командующие сделали так, как он велел. Я доложил Мир-Хусейни: «С таким количеством солдат держать оборону будет очень сложно».

Он ответил: «Я согласен с тобой, и поэтому мы вызвали сюда также батальон Аббасзаде».

Иракцы начали наступление. Держаться против них было очень сложно, но Мир-Хусейни уже принял решение, и менять его он не собирался. Как только мы узнали о начале атаки, то тут же приказал: «Подготовьте оружие и сражайтесь!».

Меня и Пудине он оправил на правое крыло, а несколько других командующих на правое. Сам он оставался в центре. Во время боёв он связывался с Пудине, и я слышал, как из рации доносился его голос: «Ребята! У нас есть только один путь – сражаться! Отступление не подходит нам, да и не присуще. Мы вступили в битву как имам Хусейн, и выйдем из неё так же достойно, как это сделал он!».

Натиск иракцев был очень сильным. Они уже подошли, и мы вступили с ними в рукопашный бой. В дело уже пошли даже штык-ножи, которыми иракцы убивали наших ребят. В это самое время Мир-Хусейни чтобы

вдохновить своих солдат залез на вал, откуда начал вести огонь по вражеским танкам. Он находился там больше часа. Каждую секунду я ждал того, что он вот-вот отдаст по рации приказ к отступлению хотя бы на сто метров назад, но он так и не приказал ничего подобного. Мы сражались при помощи автоматов и противотанковых гранатомётов. Уже немало наших пали, но никто из них не отступил ни на шаг. Мы сопротивлялись, покуда иракцы не отрезали от основной части левое крыло. Тогда мы были вынуждены ретироваться от одного окопа к другому.

Мир-Хусейни, который по-прежнему находился там же, получил пулевое ранение, из-за чего он скатился вниз. Увидев это, я сразу же подбежал к нему. Я обнаружил, что он плачет. Чтобы иметь возможность правильно оценить ситуацию, я быстро вернулся и посмотрел до куда иракцам удалось продвинуться. Мир-Хусейни сказал мне: «Передай моё приветствие Касему Сулеймани».

Иракцы за нашими спинами переворачивали всё верх дном. Они хотели отрезать нас от тыла, чтобы мы не смогли отступить. Тогда я твёрдо заявил Мир-Хусейни: «Командир, хватит! Залез ко мне на плечи и пошли уже!».

Он никак не хотел дать поднять себя с земли и всё твердил о том, чтобы мы шли назад, а он останется здесь же. Когда я понял, что никакие уговоры здесь уже не подействуют, то силой поднял его с земли и потащил назад.

Вечером предыдущего дня один из наших разведчиков научил меня весьма полезной молитве. Она передавалась в хадисе от имама Садыка. Смысл молитвы заключался в том, что Всевышний говорит, что Он Сам выбирает кого ему оберегать и кому быть защитой. В этот самый момент, когда я отходил назад вместе с Мир-Хусейни на плечах, я шептал эту молитву.

Я вернулся ненадолго и обнаружил, что танки уже перешли за вал и целятся в нас. К тому моменту я уже закончил читать свою молитву. Танк выстрелил, и снаряд его пролетел буквально рядом со мной.

Мы, в составе нескольких человек, добрались до лодок. Укрытие для наших лодок было рядом с болотом, и поэтому наши ноги по колено уходили в грязь, но, несмотря на все трудности, мы не останавливались ни на секунду. Над нашими головами кружились вертолёты и атаковали лодки одну за другой. Мы с трудом смогли скрыться на одной из них в зарослях камыша и тростника. Было уже темно. Мир-Хусейни в своей манере сказал: «Я только мешаю вам. Оставьте меня здесь же и...».

Я не дал ему продолжить и перебил его: «Командир, когда иракцы нас

настигнут, то тогда с нас спадёт всякая ответственность за то, чтобы тащить тебя. Тогда-то мы тебя оставим, а сами уйдём». На его лице проявилась улыбка – он понимал, что говорю я это лишь для того, чтобы он успокоился и перестал переживать за то, что считал себя обузой для нас.

До полуночи мы оставались в этих зарослях. Лодка стояла на воде и не двигалась. Тогда мы расслышали некий голос, который повторял: «Иранец... Иранец!».

Мы прислушались, пытаюсь понять – иранцем ли был сам говорящий, или же нет. Расслышав его лучше, я понял, что знаю его. Это был голос Мансура Хасани, который был снабженцем нашего батальона. Как оказалось, Касем Сулеймани послал его за Мир-Хусейни.

Мы осторожно позвали его. Я довёл до его сведения, что мы окружены иракцами, и что они рыскают совсем рядом, и поэтому соблюдать особую осторожность будет не лишним. Мы аккуратно переложили Мир-Хусейни в маленькую лодку, на которой приплыл сам Мансур Хасани, после чего начали плыть. Когда мы выплыли на какую-то реку, то иракцы открыли огонь. Я даже не знал, правильно ли мы плывём. Мир-Хусейни осмотрелся вокруг и сказал: «Это река Ихсан. Мы на правильном направлении».

Небо было затянуто облаками. Мы, насколько могли, укрыли лодки тростником и плыли так, пока не посчитали, что отделились от иракцев на достаточное расстояние. После этого мы уже смело завели моторы и поплыли быстрее.

Впереди слышались голоса группы людей. Это были солдаты из Тегерана. Поняв это, мы приблизились к ним. Среди них также был сам Касем Сулеймани, который ждал, когда он увидит Мир-Хусейни...».

Наступила тишина. Хамид Шафии решил передохнуть немного и выпить чай, чтобы промочить высохшее горло. Хамид Саргази молчал. Такое чувство, будто он полностью всей своей сущностью ушёл в тот день и в тот час. Мне не пришлось просить его начать говорить, он сам начал своё повествование:

«Положение наше тогда было очень сложным. Все наши силы отступили назад. Остались только я и семь или восемь человек из наших. Мы не знали, что нам делать. Вдруг неожиданно к нам прибыл Мир-Хусейни, который тут же сообщил нам главную установку: «Касем Сулеймани сказал, что нам не следует отступать».

Он сообщил об этом всем. Иракцы были уже недалеко от нашей позиции. Мир-Хусейни начал метать гранатами в их сторону. Через какое-то время

он резко вскочил на вал, взвалил на плечи противотанковый гранатомёт и начал целиться. Затвор был спущен, но выстрела так и не последовало. Он с негодованием бросил его на землю и продолжил свою работу гранатами. Прошло несколько минут. Было похоже на то, что он не удовлетворён своим результатом, и поэтому вновь потянулся за гранатомётом. Снаряд опять не сработал. Мир-Хусейни в гнев бросил оружие в воду.

У нас уже не было никакой надежды на то, чтобы сдержать позицию. Все мы понимали, что мы либо отступим, либо нас, в лучшем случае, убьют здесь же, и что хуже – могут взять в плен. Танки подобрались совсем близко. Учитывая то, что боеприпасов у нас было не так уж много, всё больше нависала угроза того, что нас просто пленят, и чтобы избежать этого у нас был только один путь – отходить через болото.

Поняв, что уже надо что-то предпринимать, я прибыл к Мир-Хусейни, который сразу же, не задумываясь, сказал: «Мы останемся здесь! Командующий сказал, что мы должны остаться здесь!».

Я возразил: «Командир, нас всех сейчас возьмут в плен! Касем Сулеймани такому исходу точно не обрадуется! Спаси хотя бы этих ребят!».

Видно было, как он этого не хотел, но он, понимая, что в моих словах есть доля правды, отдал приказ к отступлению. Наш путь лежал к берегу, где были спрятаны лодки. Подготовившись, мы двинулись в путь. Пока мы шли, каждую секунду я был в ожидании того, что иракцы настигнут нас и пустят по нам пулемётную очередь. В какой-то момент мы достигли точки, где огонь иракцев был особенно сильным. Вражеская авиация скидывала бомбы, которые, пролетев над нашими головами, падали куда-то в воду и взрывались в ней. Из-за ведущегося огня мы не могли идти прямо вдоль берега, поэтому нам пришлось идти немного в стороне от него, используя заросли как укрытие. Под ногами была лишь жидкая грязь, в которую мы уходили вниз по колено. То и дело в разных частях мы видели раненных, но мы уже не могли им ничем помочь.

По пути я также наткнулся на одного раненного. Он умолял меня передать его родным, что он попал в плен, дабы не расстроить их в связи с его гибелью, которая теперь уже, судя по всему, была неминуема. Когда мы прошли немного дальше, то я увидел, как очередной раненный схватил проходящего за рубашку и умолял отнести его вместе с собой. Когда я проходил мимо, то и меня он схватил за штанину. Господи... Чем я мог помочь ему? Я лишь хладнокровно убрал его руку и пошёл дальше... Как бы я хотел, чтобы в тот момент я сам был бы раненным, чтобы не испыты-

вать потом всю жизнь угрызения совести.

Впереди я увидел нашего бригадного связиста. Он сидел и смотрел на меня. Тогда я не понял из-за чего он сидит – то ли от ранения, то ли от усталости. Я тоже решил немного передохнуть и сел рядом с ним. Мы не промолвили друг другу ни слова. Через какое-то время я встал и пошёл дальше.

По пути лежал ещё один раненный, по лицу которого было видно, что он обескровлен. Рукава его были подняты вверх, как будто бы он собирался совершить малое омовение.

Я оглянулся назад – иракцы уже перешли нашу оборонительную позицию и не сдерживали своей радости по этому поводу. У них ныне был праздник. Наконец, мы свернули к берегу реки в том месте, где были спрятаны наши лодки. Прямо на берегу стояла одна лодка, в которую уже успели сесть два или три человека. Мир-Хусейни всем приказал отступить. Там я увидел и его. Он был ранен. Я направился к нему и увидел, что наш бригадный помощник находится в воде. Забыв о своей цели, я пошёл вытаскивать его. Мир-Хусейни всё настаивал на том, чтобы мы уходили, а сам он останется здесь же. Его идея никому из нас не понравилась никому. Шафии силой взвалил его на плечи и начал бежать вместе с ним. Меня одолевала очень странная тревога. Если с Шафии что-нибудь случится, то наше дело было решённым. Когда я поднялся, то их уже не было рядом. Я побежал вдоль каменного плато, и в какой-то момент увидел этих двоих – они укрылись за большим камнем. Шафии не мог продолжать путь – ему нужно было передохнуть. Я предложил Мир-Хусейни сходить за лодкой и пригнать её сюда, ближе к ним. Он ничего не сказал в ответ. Один из наших был уже в воде и готовил лодку к отплытию. Я нырнул в воду и доплыл до него, после чего залез в лодку и подогнал её ближе к берегу. Мир-Хусейни и Шафии сели в неё, и мы поплыли. Не успели мы проплыть и ста метров, как увидели в воде одного из наших. Он просил Мир-Хусейни взять его с собой в лодку. Он подплыл и тоже залез в неё. Проплыв дальше мы застряли в камышовых зарослях.

Как бы мы ни старались, но лодка не двигалась с места. Каждый из присутствующих предлагал свой способ решения проблемы. Всего в лодке нас было пятеро. Когда наше волнение стало нарастать, и мы начали ещё больше суетиться, то услышали голоса иракских солдат. Солнце уже зашло за горизонт, и было довольно-таки темно. Мы надеялись на то, что под покровом ночи нам без особых проблем удастся выбраться оттуда и

добраться до нашего лагеря. Спустя какое-то время мы услышали голоса, в которых чуть позже распознали наших, и в нас вновь проснулась живая надежда на спасение. Судя по всему, их послали, чтобы вытащить Мир-Хусейни. Мы крикнули им в ответ, чтобы они знали куда плыть. Одна лодка показалась вдали, но мы не были уверены, что это они. Была вероятность того, что это иракцы. Лодка подплыла, и её пассажиры выключили мотор. Мы слышали их разговоры, но не могли ничего разобрать – персидская ли это речь, или арабская. Более терпеть у нас не хватило сил, и мы начали кричать им. В ответ было слышно, что они зовут некоего Разма Хусейни.

Я громко сказал: «Мир-Хусейни, а не Разм Хусейни!».

Они подплыли ближе. Как только они увидели нас, кто-то из них сказал что-то другому, после чего они опять включили мотор и пристыковались к нашей лодке. В этот момент Мир-Хусейни начал плакать. До самых этих пор я ни разу не видел, чтобы он плакал, даже в самых сложных ситуациях. Видя его состояние, я и сам не смог сдержать слёз. Он сказал тогда: «Как мне теперь смотреть в глаза Касема Сулеймани? Что я ему скажу? Как я могу отступить, когда раненный Мирзаи утонул прямо на моих глазах, а я всё ещё жив?».

Я этого не знал. Не так давно брат Мирзаи тоже пал в бою. Для меня эта весть тоже была горестной. Шафии поднял Мир-Хусейни, и мы вместе пересели в лодку, которая прибыла к нам на помощь. Один из тех, кто отступал с нами, сказал: «Если на меня не хватит места, то я останусь».

К счастью, мест нам хватило. Лодка тронулась, и мы по ошибке поплыли в сторону иракских войск. Заслышав нас издали, они открыли по нам огонь. Мы тут же заглушили мотор, чтобы не выдать своего местоположения. В любом момент они могли найти нас, и тогда перед нами стояла бы вечная дилемма – сдаться в плен, или же броситься в безнадежную атаку и пасть на месте.

Уже совсем стемнело. Облака скрыли собою луну и, тем самым, усложнили нашу задачу по нахождению правильного направления. Мир-Хусейни был без сознания. Мы ждали, пока он очнётся, чтобы узнать у него дорогу назад. По прошествии нескольких часов он пришёл в себя. По нему было видно, что состояние его оставляет желать лучшего. Он приподнялся и начал оглядываться вокруг. Единственное, что он смог сказать, так это то, чтобы мы двигались в обратном направлении от огней иракского города Эль-Курна. После этого он вновь потерял сознание.

Мы начали спорить между собой. Каждый из нас выдвигал предложение

по вопросу о том, в какую конкретно сторону нам следует двигаться. Доносящиеся со всех сторон звуки других лодок и катеров, а также то, что Мир-Хусейни истекал кровью, лишь усиливали нашу тревогу. В конце концов мы всё-таки тронулись и вскоре добрались до основного потока реки. Мир-Хусейни тихо стонал от боли, и от этого сердца наши обливались кровью. Судя по всему, пуля угодила ему прямо в ножную кость, а боль от такого ранения бывает очень сильной.

В какой-то момент нам показалось, что кто-то подаёт нам световые сигналы. Мы на всякий случай заглушили мотор – надо было удостовериться, что это наши. Услышав персидскую речь, мы несказанно обрадовались и поплыли к ним навстречу. Одна из этих лодок плыла прямо на нас, а в ней стоял командующий войсками. Сквозь мрак ночи он спросил: «Мир-Хусейни?».

Мы сказали: «Он здесь, с нами».

Он тут же приблизился к нему, встал у изголовья и направил на него фонарный свет. Мир-Хусейни открыл глаза, и как только увидел Касема Сулеймани, то тут же начал горько плакать, и с каждым мгновением его плач становился только сильнее. Касем Сулеймани мягко положил свою руку ему на плечо и начал что-то говорить. Видимо, он пытался как-то успокоить его.

Через какое-то время приплыла другая лодка. Мы все вместе подняли Мир-Хусейни и переложили его в эту, только что подоспевшую, лодку. Она увезла его к ближайшему медицинскому пункту...».

Я вновь наливаю им чай. Такое чувство, что они оба устали, причём очень сильно. Вся тяжесть войны и её лишений легла на плечи этих и подобных им людей, каждый из которых сегодня занимается уже вполне мирным трудом на гражданке. Но, сколько бы времени ни прошло, и как бы ни изменилась их деятельность, свой неизгладимый след эта война оставит в них навсегда.

То, что они рассказывают, иногда напоминает мне какую-нибудь легенду или героический эпос... Разве может простой человек столько вытерпеть и через столько пройти? Кем же был этот Мир-Хусейни?

Мир-Аббас начал рассказывать о том времени, когда Мир-Хусейни находился в больнице. Так, мы потеряли нить нашего обсуждения, которое должно было касаться только того, что происходило при операции "Бадр". Было уже поздно. Мои гости попрощались со мной и ушли. Я опять сажусь посреди комнаты вспоминаю всё то, что перед выходом рассказал Мир-

Аббас:

«В тот день, когда я узнал о том, что Мир-Касем ранен, было 17-го или 18-го марта. Семье я, конечно же, не стал говорить, что Мир-Касем ранен, и что я отправляюсь в Шираз, чтобы навестить его, однако я сказал им, что мне надо идти по одному административному поручению. Я нашёл его в одной из больниц этого города. До этих пор я ещё не видел, чтобы он так жаловался из-за своих проблем: «Здесь совершенно не учитываются шариатские нормы! Бывает и такое, что в коридоре парни с девушками борются! Уже несколько дней я выражаю по этому поводу протест, но эффекта особого это не оказало. Они колют мне валиум и морфий, чтобы я не чувствовал боли. Теперь у меня появилась зависимость к нему. У меня такое чувство, что я стал наркоманом!».

Это всё сильно тяготило Мир-Хусейни. По нему было видно. Персонал больницы, в свою очередь, в один голос заявлял, что такого пациента у них ещё не было. В частности, его хирург как-то говорил, что он человек с большим опытом и оперировал много людей, но никто и никогда не выражал столько возмущения и протеста, как это делал Мир-Хусейни.

В связи с тем, что Мир-Хусейни совсем не хотел там оставаться, я обратился с жалобой в центр по вопросам раненных, который находился в городе Ахваз. Они предоставили в наше распоряжение машину скорой помощи, чтобы перевести Мир-Хусейни в Керман.

После всех сборов мы отправились в путь. По пути Мир-Хусейни даже потерял сознание. Было видно, что лечение в Ширазе было не на высшем возможном при наших условиях уровне. Мы с трудом доставили его до травматологического отделения города Бардсир, где его привели в чувство. Когда он пришёл немного в себя, то мы отправились дальше, в сторону Кермана.

В керманской больнице в то время лечился ныне покойный Бахонар. Когда мы только приехали был уже выходной день, но врачи и медсёстры добровольно приходили в больницу, чтобы смотреть за ним и лечить его. Бахонар провёл в этой больнице около недели. Буквально каждый день, с самого утра и до поздней ночи, люди приходили навещать его, среди которых были чиновники, имамы мечетей, командующие войсками, солдаты и прочие.

В конце концов мы с Мир-Хусейни отправились в Заболъ. По дороге Мир-Хусейни то и дело стонал от боли. В городе Махан машина остановилась, и мы решили положить в задней части машины большой камень, чтобы хоть

как-то уменьшить тряску. Ночью мы добрались до Захедана. Ребята из армии и добровольческих отрядов встречали нас там. Здесь мы поменяли машину на другую и выехали в наш родной город.

На ноге, чуть ниже таза, у Мир-Хусейни был наложен гипс, но, несмотря на это, он не останавливался ни на секунду. На носилках его везли из одного места в другое, где он выступал с речью, в частности перед теми, кто должен был отправиться на фронт. Он выступал в мечетях, молельнях, школах, институтах, университетах и прочих заведениях. Он выступал прямо на своих носилках, на которых он сидел, когда говорил. В это самое время он решил ещё и учиться. С его собственных слов, он хотел подготовиться к тому, чтобы поступить в университет. Преподаватели приходили к нему и занимались с ним.

После того, как Мир-Касем пришёл в себя, он тут же опять ушёл на фронт...».

На этом я решил, что на сегодня хватит работать. Меня посещает мысль о том, что стоило бы прогуляться по городу и увидеть Систан и Заболь. Я налил себе ещё одну чашечку чая. Уже по привычке я достаю одну бумагу из всех этих стопок и начинаю читать рассказ Хасана Муиззи:

«В тот день нам сказали, чтобы все отправлялись в мечеть, что там будет выступать с речью Мир-Хусейни. Я прежде уже слышал его имя и знал, что он один из командующих батальона "Сарулла". Мы с друзьями пошли туда. В мечети было очень много людей. Во всей кишашей массе людей нам всё же удалось найти место, чтобы сесть, но, как это бывает в юные годы, мы не могли просто сидеть на одном месте и вместо этого продвигались по ковру, завоёвывая территорию всё ближе к кафедре. Стоял сильный гул голосов, что так рьяно пытались что-то донести до других.

Впервые я увидел Мир-Хусейни там же. Это был худощавый человек с изнеможённым лицом. Нога его была загипсована, а сам он сидел в кресле-каталке. Я не мог поверить, что этот тот же человек, о котором я слышал столько историй. Он вообще не был похож на то, каким я представлял его себе. Расположившись прямо напротив нас, он начал говорить, и какой же удивительной была его речь! В начале мы не особо слушали его, но по прошествии нескольких минут всё наше внимание было полностью приковано к нему. Было такое чувство, будто стены самой мечети начали внимательно слушать его пылкую речь.

Я даже не понял, как его речь подошла к концу. Когда мы с друзьями вернулись в школу, то все приняли решение идти на фронт. Быть может, вы

не поверите, но, кроме двух человек, весь наш класс ушёл воевать. Один из этих двух был наш брат из числа суннитов, а другой остался потому, что его брат, который учился в той же школе, тоже ушёл, а родителей одних оставлять они не хотели, и поэтому ему пришлось остаться. Да, в это сложно поверить, но я сам был свидетелем всего этого – как раненный человек на инвалидной коляске мог настолько зажечь сердца молодёжи, что они толпами отправлялись на фронт и оставляли свои школы пустовать. Действительно, жизнь этого человека была легендой!...».

Закончив читать, я встал. Вроде бы я такой же человек, как Мир-Хусейни, но сколько бы лично я смог выдержать из всего того, что выдержал он? И возможно ли для меня, такого слабого человека, в течение нескольких дней в достаточной мере ознакомиться с человеком, который сам был как тысяча воинов? Да, его с уверенностью можно назвать легендой. За свою жизнь я видел много людей, среди которых были и такие, которые отличались особым достоинством, но никто из них не мог сравниться с Мир-Хусейни – он был совсем другим, уникальным в своём роде.

Всё, пора уже идти.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Машина уже стояла у дверей, водитель которой, неумолимо сигналив, не давал мне забыть об этом. Я начал собираться быстрее. В дорогу я также взял с собою те бумаги, которые хотел почитать по пути. Я вышел. Меня ждал неизменный двухместный пикап, в котором кроме водителя был и другой незнакомый мне человек. Я поздоровался с ними и быстро пролез в салон, после чего представился. В ответ пассажир, с которым имел дело, представился сам: «Мухаммад Мири, племянник мученика Мир-Хусейни. К вашим услугам».

Мы отправились в путь. Ранее я сообщил его родственникам о том, что хочу взглянуть на старый дом семейства Мир-Хусейни, на что они ответили, что с утра отправят кого-нибудь, чтобы он всё показал мне. Улица, по которой мы ехали, была очень оживлённой. Вдоль неё молодые парни и девушки ходили в разные стороны. Почти все они держали перед собой книги и активно двигали губам, не обращая никакого внимания на всё, что происходило вокруг. Это было время сдачи сессий и экзаменов.

В первую очередь мы ездили по памятным местам в самом городе. Мухаммад Мири показал мне аграрный институт, в котором учился Мир-Хусейни. После этого мы поехали к его дому, в котором он жил после своей женитьбы, когда находился в городе. В этом же доме в его сестру угодила пуля. Я в общих чертах знал об этом, но так точно и не понял, что конкретно произошло тогда. Теперь мне хотелось уточнить этот момент, и чтобы не забыть спросить об этом в нужный момент, я достал свои бумаги и на полях одного листа записал напоминание. Покуда есть свободное время, я продолжил чтение своих бумаг. Это был рассказ Юсуфа Кейха:

В 1985 году для государственных чиновников было организовано собрание по поводу идущей войны, на котором Мир-Хусейни должен был произнести речь. Собрание проводилось внутри одной мечети. По плану, сразу после его речи должна была состояться коллективная молитва, которой и завершилось бы всё мероприятие. По какой-то причине процесс начался позже намеченного времени, и помимо этого вступительная часть была явно затянута. После этого Мир-Хусейни встал у кафедры и начал говорить.

Где-то посередине его выступления для совершения молитвы вошёл имам этой мечети Беяни. В знак уважения к нему Мир-Хусейни тут же прервал свою речь и из вежливости попросил имама сказать что-нибудь

собравшимся. Имам ответил: «Время молитвы уже наступило. Будет лучше, если мы начнём готовиться к ней. Думаю, вам стоит подвести свою речь к концу».

Мир-Хусейни не заставил себя долго ждать – он тут же завершил её, и все начали готовиться к молитве. После молитвы мы отправились в дом Мир-Хусейни, который находился там же, рядом с мечетью. В тот момент там также присутствовало несколько военных чиновников. Не успели мы даже присесть, как все тут же начали выражать свой протест против поведения имама мечети, что он, по сути, не дал ему договорить то, что он начал. Мир-Хусейни сразу же обратился к собравшимся и сказал: «Знаете, я должен поблагодарить имама за это. Весь наш труд направлен на то, чтобы установить исламское правление и люди совершали молитву. Имам говорил именно об этом, о цели всего того, чем мы занимаемся. Вы же, в свою очередь, не злитесь на него, потому как это может вызвать гнев нашего Господа».

Аргумент Мир-Хусейни заставил всех замолчать. Об этом случае после больше никто ничего не говорил...».

Я действительно поражаюсь поведению этого человека! Почти каждый человек, которого я видел в своей жизни, если и обладал каким-нибудь достоинством, то ограничивался им же – кто-то бывает смелым, другой мудрым, третий постоянно читает и узнаёт что-то новое. Очень мало людей таких можно сыскать среди военных, которые обладали бы всеми этими достоинствами, как и среди других слоёв, впрочем. Абдулла Афшари пишет о временах своей фронтовой жизни следующее:

«Это было в то время, когда я только вступил в ряды армии. В тот день я пришёл в местное управление военной полиции, чтобы сесть в попутную машину и доехать до Ахваза, откуда я мог бы позвонить по телефону родным, которые были в Заболе. К тому времени я уже успел изрядно истоскаться по родным краям. Когда я стоял в ожидании того, кто подвёз бы меня, я увидел Мир-Хусейни в машине, который остановился позади шлагбаума. Судя по всему, он хотел выехать оттуда. Тут же в моей голове начали крутиться мысли – если я протяну руку, а он не остановится, то... Гордость не позволила мне оставаться на месте, и я потихоньку начал идти назад, ближе к деревьям, чтобы подождать пока он проедет. Я услышал, как сзади машина тронулась и поехала. Он начал сигналить. Сначала я даже не подозревал, что он сигналил мне, но когда я обернулся, то понял, что он зовёт меня. Когда я подошёл к нему, то он сразу спросил: «Куда ты

направляешься?».

Я ответил: «В город. Хотел связаться с родными».

Он сказал, чтобы я сел в машину, и мы поехали. Когда мы доехали до перекрёстка, откуда было рукой подать до пункта связи, то сказал ему: «Я выйду здесь же. Большое спасибо».

В ответ он рассмеялся и сказал: «Будет тебе. Подожди, я довезу тебя до пункта связи».

Наконец, мы добрались до отеля, который располагался вблизи от реки Карун. Поначалу я не понимал, что происходит, и куда он меня привёл. Оказалось, что в этом отеле располагались семьи военных. Мы поднялись наверх. Точно не помню, какой это был этаж, то ли второй, то ли третий. Он постучался, и через несколько секунд нам открыли. Мир-Хусейни проявлял своё радушие, а я был как будто кипятком ошпаренный. Он принёс мне телефон и сказал: «Вот, бери и звони куда хочешь».

Я позвонил. Через какое-то время Мир-Хусейни сказал: «Останься здесь на обед. Ребёнок моего друга Пудине заболел, а его самого сейчас нет здесь. Я отвезу его к доктору и быстро вернусь».

Мне удалось убежать оттуда только через тысячу извинений и оправданий. Поначалу он на отрез был против того, чтобы я ушёл, но когда он увидел мою настойчивость, то сдался. Мы с ним попрощались, и я вышел оттуда. В тот день он вёл себя так, будто сам он вовсе не является командующим войсками, а я не обычный солдат, который должен подчиняться таким, как он...».

Мы выехали из города. Вновь показались зелёные сады и золотистые поля, и вновь я ощутил этот знойный и обжигающий ветер. Мы добрались до дома Хадж Мурад-Али и посадили отца Мир-Хусейни в машину, после чего опять двинулись в путь. По дороге он сообщил мне, что из того дома, в который мы направляемся, они уехали после того, как в 1991 году случилось наводнение и всё было затоплено. Все их дети, по его словам, выросли именно там.

Я не понимал причины того, что я так привязался к этому старому человеку и полюбил его. В нём как будто собрался весь наш эпос – высокий и седовласый могучий старец, весь укутанный в багровые одежды Систана. Наконец, мы прибыли. Перед нашим взором предстала мечеть. Старик сказал: «В строительстве этой мечети принимали участие Мир-Касем и его братья. Помимо этого, они ещё построили библиотеку».

Мы подошли поближе и заглянули внутрь сквозь окно. Всё было покрыто

толстым слоем высохшей грязи, которую принесло наводнение.

Старик заметил: «После того, как Мир-Хусейни погиб, не нашлось больше никого, кто мог бы привести всё это в прежнее состояние».

После этого мы прошли к задней части мечети, где к ней пристыковывались другие дома, и зашли в один из них. В нём было всего три комнаты. Старик по очереди показал нам все три: «Это была наша комната, здесь жил Мир-Хасан вместе со своей семьёй, а здесь – Мир-Касем».

Последняя комната, которую он показывал, была очень маленькой. Я зашёл внутрь. Потолок был обвисшим. Это был саманный дом. На полу повсюду лежал коровий навоз, в другой комнате петух и несколько куриц незамысловато клевали что-то. Мы вышли на улицу и присели рядом со сточной канавой. Мухаммад Мири начал рассказывать то, что он помнит о Мир-Хусейни:

«Однажды ему поручили выступить с речью перед пятничной молитвой в нашем Заболе. Он всегда следил за своим внешним видом, но в этот день постарался ещё сильнее – аккуратно погладил свою армейскую форму, начистил ботинки, хорошо причесался и надушился. Я в шутку заметил: «Надо же, как ты хорошо следишь за собой!».

Завязывая шнурки на ботинках, он ответил: «Во-первых, я являюсь представителем нашей армии, и если у меня в намерениях посетить общественное мероприятие, и более того – выступить на нём, то я должен выглядеть соответствующе. Во-вторых, я собираюсь совершить со всеми коллективную пятничную молитву, и когда бы ты ни увидел, что я внимательно отношусь к одежде, своему внешнему виду, что я надушился и прочее, то знай – это всё для того, чтобы предстать перед лицом Господа».

После этих слов он выпрямился, посмотрел мне в глаза, а затем добавил: «Я собираюсь довести до сведения людей о том, что происходит на фронте. Я должен выглядеть перед ними в приличествующем для этого виде». Сказав это, он вышел на улицу.

Примерно в это же время я всё не успевал сходить в парикмахерскую, и поэтому волосы у меня были длиннее, чем им следовало бы быть. Я тогда учился в средней школе. Мир-Хусейни вновь вернулся с фронта домой. Когда он увидел меня, то спросил с несдерживаемым смехом: «Что за кудри у тебя на голове? Почему ты не пострижешься?».

– Так получилось, – парировал я.

– Иди сюда, я сделаю из тебя человека! – сказал он, – короткие волосы и моются лучше, и расчёсываются легче.

– Но, есть одно условие.

– Какое же? – подхватил он.

– Условие такое, чтобы не было такого, что ты на мне учишься, – сказала я.

– Всё, ладно, твоё условие будет учтено, – смеясь, сказал он.

Я сел. Мир-Хусейни принёс зеркало и ножницы и начал реализовывать свою затею. Как ни странно, он сделал мне отличную стрижку! Конечно, это было против моих пессимистических ожиданий от его цирюльнического мастерства. Когда он закончил, то взглянул на меня и сказал: «Вот, теперь тебя не стыдно было бы назвать солдатом!». Мы оба от души смеялись с ним.

Мир-Касем всегда вёл себя по-особенному, и каждое действие его было не наигранным, а самым что ни на есть настоящим. Помню, был такой случай. Однажды, спустя недолгое время после его женитьбы, он пришёл навеситить нас. Как раз в тот момент у нас дома был один из членов нашей семьи, имя которого я называть не буду. Так вот, как только Мир-Касем зашёл и увидел его, то тут же развернулся и направился к выходу. Я нагнал его уже на улице.

– Мир-Касем, что это было? Почему так резко ушёл? – спросил я его.

– Те люди, которые не могут отличить хорошее от плохого и вообще не понимают, в чём заключается вред для их семейства и народа, а в чём польза, не достойны того, чтобы с ними вообще о чём-либо говорить, – спокойно проговорил он – не говоря уже о том, чтобы вести какие-то откровенные разговоры или шутить и смеяться вместе с ними. Нет, они не достойны того.

Другой случай, связанный всё с тем же членом нашей семьи, произошёл в то время, когда Мурад-Али строил как раз этот дом. Все его дети тогда помогали ему, и ещё несколько родственников, в числе которых был и я. Работать мы заканчивали только с наступлением вечера. Так вот, в один из таких вечеров, когда мы вернулись домой, чтобы помолиться и поужинать, Мир-Касем помылся и вышел, суша голову полотенцем. В этот момент пришёл тот же человек, о котором я говорил ранее. Мы все поздоровались с ним и говорили то, что обычно принято в таких случаях – вопросы о здоровье, семье, делах и прочем. Что касается Мир-Касема, то он не обратил на него особого внимания. Когда тот ушёл, все, кто на тот момент был там, начали выражать своё негодование и протест по поводу того, как некрасиво он себя повёл. Когда Мир-Касем понял, что отмолчаться уже не получится, то сказал: «Никогда в своей жизни я не буду ни здороваться с

такими людьми, ни говорить с ними о чём-либо! На фронте я вижу лучших представителей нашей нации, которые отдают свои жизни за религию, за исламскую революцию, за то, чтобы жена и дети этого человека могли жить спокойной жизнью, как и он сам... А чем занимается в это время он? Своим гнилым языком он пытается подорвать устои всего нашего дела, смеётся и издевается над теми, кто воюет! Как я могу себе позволить здороваться с такими людьми?! Никогда этого не будет!».

Никто не посмел возразить ему. Да, это был Мир-Хусейни со нравом и речью как у Абу Зарра аль-Гифари.

Был ещё один случай, когда он только вновь вернулся домой. Джахид, бывший командующим десятой дивизией «Набий аль-акрам» со своей женой и детьми решил навеститься к Мир-Хусейни. Общаясь, они перешли к вопросу о военных делах в Заболе. Мир-Хусейни возмущался по поводу того, что они не позволяют местному народному ополчению участвовать в войне, а вместо этого отправляют их в Белуджистан и другие районы.

Что бы ни говорил Мир-Хусейни, Джахид всё время парировал. Спор начинал становиться всё жарче и жарче. Мир-Хусейни был уже в приличном гневе, когда выпалил своему боевому товарищу: «Если бы ты не был гостем в моём доме, то я никогда не стал бы терпеть этого!»...

После их продолжительного спора расстелили скатерть для угощения. Когда они уселись, то Мир-Хусейни и Джахид вели себя как два настоящих и близких друга, так, будто и вовсе не было между ними столь ожесточённого спора – они шутили и смеялись от сердца.

Мир-Хусейни всегда думал о местном ополчении. Он был для нас как заботливый отец, на которого мы всегда смотрели с надеждой и восхищением...».

Мы сели в машину и поехали дальше. Старик, который стал для меня уже синонимом всего нашего эпоса, сообщил, куда именно мы едем – в их сад. По дороге мы проезжали множество саманных домов. По моим наблюдениям, на каждом таком участке у людей было несколько голов баранов, множество кур и одна сторожевая собака. Изредка у кого-нибудь на участке обнаруживалась корова. В таком сельскохозяйственном комплексе все они были схожи.

Мы доехали. Это был сад, посаженный яблоневыми деревьями. Все деревья были невысокими. Вообще, за эти несколько дней я почти не видел высоких деревьев. Судя по всему, ветер в этих краях, который, как утверждали сами жители Систана, дует 120 дней в году, просто не позволяет

оставлять их расти выше. Мы вышли из машины. Старик шёл впереди, а мы следом за ним. Он шёл, постукивая свою тростью и, при случае, указывая ею на разные деревья. Показывая нам деревья граната, он сказал: «Вот, посмотрите – все эти деревья посадил Мир-Касем!».

Он начал их считать, и когда закончил, то не без гордости заметил: «Восемнадцать штук!».

Мы прошли по этому саду. В нём росли деревья абрикоса, яблони и виноградные лозы. Старец не успокоился, пока мы не набили все свои карманы тамошними яблоками, после чего мы пошли обратно к машине. На этот раз я и Мухаммад Мири сели позади пикапа. Старик хотел сесть с нами, потому как ему было совестно за то, что мы вынуждены из-за него испытывать не самую приятную тряску, но мы не могли ему позволить этого, и поэтому усадили его в салон. Мы поехали. По дороге Мухаммад Мири вновь начал раскрывать закрома своей памяти о Мир-Хусейни:

«Мир-Хусейни то и дело приезжал в Систан. Он занимался тем, что разъезжал по разным деревням и посёлкам и призывал людей выступить на фронт. Ни на один день он не прекращал своей работы.

Вот когда он был в очередном таком увольнительном и призывал людей, я тоже принял решение пойти на войну. Не успел я это толком озвучить у себя дома, как на меня устремился шквал критики! Каждый из членов семьи приводил какой-то аргумент в пользу того, что я не должен воевать – кто-то говорил, что тело не сформировалось и не окрепло, другой говорил, что мне слишком мало лет, и поэтому меня просто не возьмут, третий утверждал, что о родителях тоже кто-то должен заботиться, и так далее.

Однако же я ни за что не собирался менять своего решения. Я просил, умолял, выражал своё сильное желание отправиться на фронт и даже угрожал им, но семья никак не хотела соглашаться.

После этого как-то раз к нам домой пришёл Мир-Хусейни. Вся семья тут же окружила его и начал умолять о том, чтобы он отговорил меня от моего решения. Он тогда высказал очень интересную мысль: «Как военный человек и командующий, который прибыл сюда, чтобы призывать людей на фронт, я говорю тебе – молодец, ты всё делаешь правильно! Собирайся и пошли со мной. Для тебя там тоже найдётся работа. Но, как твой дядя я скажу – много членов нашей семьи и так находятся на фронте. Помимо того, ты ещё очень слаб и неокрепший. Не будет ничего зазорного в том, чтобы ты подождал немного и отправился со следующим призывом».

Этот ответ погасил все наши споры и разногласия, потому как, действительно, он содержал в себе доли истины обеих наших позиций.

После этого объектом обсуждения стал сам Мир-Хусейни. Родственники возмущались.

– Почему ты всё время на фронте? Они без тебя никак не обойдутся что ли? Дай и другим повоевать, не всегда же ты должен этим заниматься! – говорили они.

Мир-Хусейни терпеливо слушал всё это.

– Ладно, – сказал он – я сделаю как вы того хотите и больше не буду воевать, но только при одном условии. Готовы ли вы пообещать мне, что, если я останусь, и даже если вы поместите меня в самом безопасном месте и будете хранить как зеницу ока, смерть не настигнет меня раньше того срока, который, по вашим предположениям, мне установлен? Можете ли вы мне обещать, что, когда смерть придёт за мной, вы сможете сделать так, чтобы мне была дана отсрочка? Или, быть может, смерть – это явление неминуемое, ни место, ни время которой нельзя изменить?

Когда он сказал это, то все молчали, как немые. Никто не мог привести контраргумент на его слова. Через несколько дней после этого Мир-Хусейни опять ушёл на фронт, ну а в моей душе навсегда оставил след этот его дух, который заражал собою любое живое сердце...».

Я вдруг вспомнил вопрос, который с утра планировал задать. Удобнее случая нельзя было найти.

– Послушай, что случилось с сестрой Мир-Касема?

– Когда Мир-Касем в очередной раз вернулся в Систан, произошло другое событие, которое и в моём сердце оставило очень тяжёлый след. Знаешь, иногда Всевышний подвергает людей таким испытаниям, от которых даже гора рассыпалась бы в прах. На свете очень мало людей, которые могут пройти их достойно и так, чтобы не получить от них урон для своей души.

Это было где-то в сентябре или октябре месяце. Мир-Касем вместе со своей женой и семьёй решил поехать в Мешхед, чтобы совершить зиярат. Когда они возвращались домой случилась авария, из-за которой машина Мир-Касема перевернулась. Все, кто был в машине, пострадали, в той или иной степени. Больше всех досталось отцу Мир-Касема Хадж Мурад-Али. Хотя и сам Мир-Касем был не в лучшем состоянии, он всё равно позаботился о том, что доставить остальных до больницы. Там им сказали, что у Хадж Мурад-Али сильно пострадала шея, и поэтому его перевезли в Захедан. Мир-Касем по поводу этого случая говорил: «Это был первый

оставлять их расти выше. Мы вышли из машины. Старик шёл впереди, а мы следом за ним. Он шёл, постукивая свою тростью и, при случае, указывая ею на разные деревья. Показывая нам деревья граната, он сказал: «Вот, посмотрите – все эти деревья посадил Мир-Касем!».

Он начал их считать, и когда закончил, то не без гордости заметил: «Восемнадцать штук!».

Мы прошли по этому саду. В нём росли деревья абрикоса, яблони и виноградные лозы. Старец не успокоился, пока мы не набрали все свои карманы тамошними яблоками, после чего мы пошли обратно к машине. На этот раз я и Мухаммад Мири сели позади пикапа. Старик хотел сесть с нами, потому как ему было совестно за то, что мы вынуждены из-за него испытывать не самую приятную тряску, но мы не могли ему позволить этого, и поэтому усадили его в салон. Мы поехали. По дороге Мухаммад Мири вновь начал раскрывать закрома своей памяти о Мир-Хусейни:

«Мир-Хусейни то и дело приезжал в Систан. Он занимался тем, что разъезжал по разным деревням и посёлкам и призывал людей выступить на фронт. Ни на один день он не прекращал своей работы.

Вот когда он был в очередном таком увольнительном и призывал людей, я тоже принял решение пойти на войну. Не успел я это толком озвучить у себя дома, как на меня устремился шквал критики! Каждый из членов семьи приводил какой-то аргумент в пользу того, что я не должен воевать – кто-то говорил, что тело не сформировалось и не окрепло, другой говорил, что мне слишком мало лет, и поэтому меня просто не возьмут, третий утверждал, что о родителях тоже кто-то должен заботиться, и так далее.

Однако же я ни за что не собирался менять своего решения. Я просил, умолял, выражал своё сильное желание отправиться на фронт и даже угрожал им, но семья никак не хотела соглашаться.

После этого как-то раз к нам домой пришёл Мир-Хусейни. Вся семья тут же окружила его и начал умолять о том, чтобы он отговорил меня от моего решения. Он тогда высказал очень интересную мысль: «Как военный человек и командующий, который прибыл сюда, чтобы призывать людей на фронт, я говорю тебе – молодец, ты всё делаешь правильно! Собирайся и пошли со мной. Для тебя там тоже найдётся работа. Но, как твой дядя я скажу – много членов нашей семьи и так находятся на фронте. Помимо того, ты ещё очень слаб и неокрепший. Не будет ничего зазорного в том, чтобы ты подождал немного и отправился со следующим призывом».

Этот ответ погасил все наши споры и разногласия, потому как, действительно, он содержал в себе доли истины обеих наших позиций.

После этого объектом обсуждения стал сам Мир-Хусейни. Родственники возмущались.

– Почему ты всё время на фронте? Они без тебя никак не обойдутся что ли? Дай и другим повоевать, не всегда же ты должен этим заниматься! – говорили они.

Мир-Хусейни терпеливо слушал всё это.

– Ладно, – сказал он – я сделаю как вы того хотите и больше не буду воевать, но только при одном условии. Готовы ли вы пообещать мне, что, если я останусь, и даже если вы поместите меня в самом безопасном месте и будете хранить как зеницу ока, смерть не настигнет меня раньше того срока, который, по вашим предположениям, мне установлен? Можете ли вы мне обещать, что, когда смерть придёт за мной, вы сможете сделать так, чтобы мне была дана отсрочка? Или, быть может, смерть – это явление неминуемое, ни место, ни время которой нельзя изменить?

Когда он сказал это, то все молчали, как немые. Никто не мог привести контраргумент на его слова. Через несколько дней после этого Мир-Хусейни опять ушёл на фронт, ну а в моей душе навсегда оставил след этот его дух, который заражал собою любое живое сердце...».

Я вдруг вспомнил вопрос, который с утра планировал задать. Удобнее случая нельзя было найти.

– Послушай, что случилось с сестрой Мир-Касема?

– Когда Мир-Касем в очередной раз вернулся в Систан, произошло другое событие, которое и в моём сердце оставило очень тяжёлый след. Знаешь, иногда Всевышний подвергает людей таким испытаниям, от которых даже гора рассыпалась бы в прах. На свете очень мало людей, которые могут пройти их достойно и так, чтобы не получить от них урон для своей души.

Это было где-то в сентябре или октябре месяце. Мир-Касем вместе со своей женой и семьёй решил поехать в Мешхед, чтобы совершить зиярат. Когда они возвращались домой случилась авария, из-за которой машина Мир-Касема перевернулась. Все, кто был в машине, пострадали, в той или иной степени. Больше всех досталось отцу Мир-Касема Хадж Мурад-Али. Хотя и сам Мир-Касем был не в лучшем состоянии, он всё равно позаботился о том, что доставить остальных до больницы. Там им сказали, что у Хадж Мурад-Али сильно пострадала шея, и поэтому его перевезли в Захедан. Мир-Касем по поводу этого случая говорил: «Это был первый

случай, когда я взял увольнительный только из-за того, что хотел увидеться с семьёй. В этом я вижу только то, что хотел этим донести до меня мой Господь».

Пока отец его ещё находился в больнице, Мир-Касем отправился на фронт. Через несколько дней он вернулся домой. В то время сестра его, муж которой был убит во время выполнения операции "Аль-фаджр-4", жила вместе с его женой, чтобы не оставаться одной. Когда он вернулся, оставил свой револьвер в доме. Как-то раз его жена взяла этот револьвер и по ошибке выстрелила в свою золовку. Из-за этого ранения она в конце концов скончалась. В то время в Систане не было ни одного из братьев Мир-Касема. В таких тяжёлых условиях он начинает организовывать все необходимые мероприятия по случаю траура. В тот же самый день, когда хоронили мою тётю и его сестру, мой двоюродный брат, который также принимал участие в подготовке похорон, попал в аварию. Через какое-то время до нас дошла весть о том, что он скончался.

Все эти невзгоды легли на плечи Мир-Касема в течение нескольких дней. Поэтому я говорил о том, что иногда Всевышний подвергает людей великим испытаниям. У всех у нас тогда было очень странное состояние, и только Мир-Касем оставался стойким и поддерживал остальных в эту трудную минуту, хотя для него самого всё это было ничуть не меньшей бедой.

После похорон тётки мы вскоре вернулись домой. Тут же пришла весть о том, что у меня родилась сестра. Мать ещё до этого сильно переживала из-за смерти тётки, и поэтому чувствовала себя плохо. Мир-Касем пришёл к нам.

– Как вы хотите назвать малышку? – спросил он после приветствия и всего того, что полагается.

Мать не хотела огорчать его или видеть его таким.

– Мы назвали её Кубра, – сказала она, назвав имя покойной сестры Мир-Касема.

– Очень хорошо, – сказал он с улыбкой счастья на лице – имя Кубра должно остаться живым для нас!

В тот день Мир-Касем оказал нам сильную моральную поддержку, и если бы не он, то горечь потери была бы куда как тяжелее. Сам он был непоколебим, крепче, чем скала. Просто взглянув на него можно было бы воодушевиться и воспрянуть духом.

Мы прибыли. В голове до сих пор стоят образы из того, о чём рассказал

Мухаммад Мири. Старик сказал, чтобы мы зашли в дом, на что я ответил вежливым отказом – у меня были другие планы. После того, как мы с ним распрощались, я спросил своего спутника, можем ли мы поехать на кладбище.

Мухаммад Мири посмотрел на водителя, который тут же начал говорить что-то невнятное, вроде как о том, что уже почти полдень, да и бензина мало, и всё в этом духе. Было вполне очевидно, что он всей душой не хочет этого.

– Ладно. Как-нибудь в другой раз, – примирительно сказал я.

Когда мы поехали, то я опять попросил Мухаммада Мири рассказать что-нибудь из того, что он помнит о Мир-Хусейни, и он начал говорить.

– Мир-Хусейни был моим духовным наставником. Когда я впервые попал на фронт, он мне дал лист, на котором были записаны дуа и зикры, которые желательно читать по завершении молитвы, и сказал мне: «Выучи их наизусть».

Он не успокоился лишь тем, что вручил мне этот лист, но также потом следил за тем, выучил ли это.

Примерно в это время мы с ним по одному делу поехали в село Хур. Когда мы возвращались, то я без конца воображал себе, что, раз уж я с Мир-Хусейни, то обед у меня сегодня будет особенным, вкуснее, чем обычно. Из-за этих мыслей голод становился ещё сильнее. Наконец, мы прибыли на базу. Когда мы зашли в столовую, то нам сказали, что еда уже закончилась. Не веря своим ушам и с надвигающейся тревогою в душе, я посмотрел в судки – они были пустыми. Это обстоятельство здорово разозлило меня, и я начал выражать свой протест всем своим существом, ведь они могли же просто отложить нашу долю, которая по всем расчётам подсчётам должна была достаться нам. Пока я неистовствовал, Мир-Хусейни взял большую тарелку и начал собирать в неё по всей посуде, что осталось на самом дне. После этого, с улыбкой и шутливым настроением, вернулся, держа в руках тарелку, полную поскрёбышей.

– Смотри, сколько здесь еды! Всё это ребята оставили специально для нас! – задорно шутил Мир-Хусейни.

Затем он сел за стол и с завидным аппетитом начал это кушать. Поначалу я не хотел притрагиваться к результату находчивости Мир-Хусейни, но постепенно здравый смысл взял верх над чувствами, и я тоже начал уплетать эту еду.

Был ещё такой неприятный случай. В планах нашего руководства было

выполнение одной боевой задачи в окрестностях селения Хур. Какое-то время мы там провели в ожидании начала, но потом нам объявили, что операция отменяется. Мы тоже должны были в ней участвовать, для чего Мир-Хусейни тогда приехал за мной. Я быстро собрался в путь, и мы оба отправились туда. О том, что операция отменяется, нам сообщили где-то через час после нашего прибытия. Обратном мы добирались уже на маленькой моторной лодке. Во время плавания мы говорили о том, как сильно здешняя местность напоминает Систан и Хамун. Неожиданно перед нами как будто вырос десантный корабль, который по размерам своим был намного больше нашего. Не успели мы ничего сообразить, как со всей скорости влетели в него. Наше судно начало уходить под воду – транспортный корабль буквально вдавил нас в воду. После такого страшного удара мы ещё и застряли между двумя этими суднами. Кого-то просто придавило, а кому и кости переломало. Это было просто какое-то дикое состояние. Там я действительно почувствовал, что уже смотрю смерти в глаза.

Я попытался пошевелиться, но не смог. Мне так сильно отбило руки, что они лежали у меня на груди, как не свои. Я их вообще не чувствовал. Двое из нашей лодки пострадали больше остальных – одному переломало позвоночник, а другому, Мир-Хусейни, как будто положили между молотом и наковальней, после чего пустили в ход все имеющиеся инструменты. На нём почти не было живого места. Конечно, тогда я ещё не знал насколько с ним всё плохо. Другой корабль подал назад, чтобы хоть как-то освободить нас из этой западни. Мир-Хусейни тоже не мог двигать руками, и, чтобы держаться на воде, он работал ногами. Это была стоячая и тяжёлая вода, в которой легко утонуть. Именно это в тот момент и грозило Мир-Хусейни. Никто из тех, кто был в нашей лодке, в том числе и я, никак не мог помочь ему в этот момент.

Всё это время я был на нашем судне. Немного придя в себя, когда в конечности вместе с ужасной болью вернулась жизнь, я взял двадцатилитровую канистру, обвязал её верёвкой и кинул Мир-Хусейни, чтобы он схватился за неё. Да, я совсем забыл, что он просто не может этого сделать. Несмотря на всю сложность той ситуации, Мир-Хусейни всё время повторял: «Не волнуйся, со мной всё в порядке».

Даже в этот момент он переживал обо мне. Мне было очень совестно перед ним. Наконец, ребята подтянулись и помогли ему вылезти из воды. Он был совсем не в порядке. Мы быстро поплыли в сторону ближайшей больницы. Когда мы сидели и ждали очереди, несколько раз я собирался

представить его, чтобы его приняли быстрее, но он каждый раз запрещал мне что-либо говорить им.

– Я хочу быть таким же, как и любой ополченец, – говорил он.

После лечения мы вернулись в армию, но эти его слова всегда будто стояли в моих ушах...

В третью ночь после начала операции "Аль-фаджр-8" наш батальон был в окрестностях эстуария²² под названием Хур-Абдулла. В том районе вражеские войска сильно укрепили свои позиции. В гарнизоне Мир-Хусейни проводил инструктаж по предстоящей операции.

– Туго затяните свои пояса и поддерживайте на должном уровне дух своей верой! – с пылкостью наставлял нас Мир-Хусейни. – Не предоставляйте своей нерешительностью и медлительностью врагу никакого шанса и с божьей помощью травите вражеские танки. Очистите свои помыслы, покуда вы ещё находитесь здесь, и не позволяйте даже малейшей частице сомнения прокрасться в свои сердца! Воины! С позволения Всевышнего, победа будет за нами!

Нам велели набраться сил и передохнуть перед завтрашней атакой. Мы все легли, и из-за сильного переутомления заснули почти сразу же. Когда мы проснулись, уже начиналась заря. В своём отряде я был радистом. Связавшись с Мир-Хусейни, я получил от него приказ.

– Начинайте. Клянусь Богом, обещание Его неумолимо и близко!

Колонна бойцов тут же двинулась. Впереди неожиданно для себя мы заметили, что чёрные облака застлали небо плотной пеленой, так, что казалось, будто там всё ещё ночь. В этот момент командир нашего батальона, вместе с которым был и я, сказал:

– Свидетельствую, что Мир-Хусейни является поистине достойным командующим!

Я не понял, что случилось и по какой причине он вдруг, без всякого вступления и контекста, сказал эти слова. Однако, когда мы продвинулись немного вперёд, то я узнал, что враг был в ожидании нашей атаки до самого рассвета, и когда стало светать, и они не увидели никаких предпосылок к тому, что атака всё-таки состоится, то они расслабились и ушли отдыхать.

Операция была начата. наших там было очень мало, и большая часть сил

²² Эстуарий - одноукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря.

из предосторожности осталась на своих позициях, чтобы в случае неудачи или контратаки не потерять рубеж. Ребята с огнём прорывались вперёд. Иракцы ещё не успели сообразить, что происходит, и отреагировать должным образом, когда один из наших радистов был сражён наповал. Я сначала подумал, что его ранили, но когда побежал к нему, то увидел, что он уже мёртв. Бригадный генерал был вынужден послать меня на его место.

Вблизи перекрёстка Хор-Абдулла иракцы как сумасшедшие вели огонь по нам. Они стреляли даже из противовоздушных установок. В этот момент я видел, как один из иракских командующих сел в джип и уехал с места. Враг начал потихоньку отступать. Они все собрались в одном месте, и их копошение становилось всё больше и больше. Наши ребята никак не ожидали столь сильный шквал огня, и из-за этого немного упали духом. Все мы лежали на земле. В этот момент я был бы не против того, чтобы земля разверзлась подо мной и проглотила меня – столь сильный и ужасающим был натиск. Мы не знали, что нам делать, и пытались что-то придумать, как вдруг рядом разорвался танковый снаряд. Он угодил прямо в нашего бригадного генерала, и от него почти ничего не осталось. Я так и лежал, не зная, что делать, пока не подоспел командующий батальоном и не сказал мне, чтобы я связался с Мир-Хусейни и спросил у него: что нам делать?

Я сделал, как мне было велено. У меня не было с собой блокнота, в котором записаны все позывные, чтобы, в случае, если враги перехватили сигнал, они не поняли, о ком идёт речь.

– Мир-Хусейни! Мир-Хусейни!

– Слушаю. Кто это? – донеслось из рации.

– Это я, Мухаммад! – выпалил я.

Быстро и коротко, как только мог, я объяснил ему сложившуюся ситуацию. Невольно мой голос выдал страх и тревогу, которые овладели мной. Он вспыхнул в ту же секунду и грозно кинул мне:

– Что с тобой такое? Почему я слышу в твоём голосе то, что доселе не слышал? Будь хладнокровнее!

– Мир-Хусейни, я лишь дословно повторил то, что мне сказал командующий батальоном! – попытался я хоть как-то реабилитироваться в его глазах.

Несколько секунд он просто молчал, после чего сказал:

– Держитесь, пока я не прибуду к вам!

Прошло совсем немного времени, как мы услышали позади себя шум мотора его мотоцикла. Я поднялся и посмотрел – да, это был он. Как я понял, иракцы всё же перехватили тот сигнал и услышали, что сюда едет сам Мир-Хусейни. Он вилял из стороны в сторону, чтобы давать прицелиться тем, кто стрелял в него. Снаряды беспрестанно взрывались невдалеке от его мотоцикла. Мы все смотрели на него, как замороженные, позабыв обо всём на свете.

Он доехал до нас. Не слезая со своего транспорта, сидя на нём и уперевшись ногами о землю, он обратился к одному из командиров отряда и быстро спросил его:

– Кто ты?

Тот представился. Мир-Хусейни в недоумении громко спросил:

– В таком случае, где твои подчинённые? Почему ты лежишь здесь без дела?

Этот командир отряда, который только что ни о чём не думал, кроме как об отступлении, взял оружие одного из раненных солдат и побежал вперёд, к тем, кто был ближе всех от вражеских позиций.

Мир-Хусейни принял на себя командование силами. Он кричал просто львиным рыком и воодушевлял ребят на сражение. Мы, действительно, под его влиянием сразу воспряли духом. Мне он поручил одеть наушники и связаться с Махди Зенди. Как только я связался с ним, то он забрал у меня рацию и сказал ему:

– Махди, мы нашли отличное место, где можно поохотиться на танки! Срочно высылай сюда М40!²² Быстрее!

Мир-Хусейни тоже обратился без позывного. На мой вопрос он лишь ответил:

– Пусть слышат! Это не прибавит им ничего, кроме страха!

Через секунду он опять обращается к Махди:

– Враг отступает! Они поняли, что попали в капкан и что скоро их постигнет жесточайший разгром!

Джипы с орудием М40 ещё не успели приехать, как иракцы вышли из танков и окопов с поднятыми руками. Это была полная победа!

Когда операция была завершена, я сел на пассажирское сиденье и поехал вместе с ним обратно. По дороге мы пересеклись с Касемом Сулеймани.

²² М40 - безоткатное орудие, разработанное в начале 1950-х. Предназначено для уничтожения огневых точек и живой силы противника, а также для борьбы с бронетехникой.

Он был явно недоволен.

– Как ты мог вступить в операцию, когда в атаке было всего 70 или 80 человек? – отчитывал он Мир-Хусейни. – Почему ты не следуешь букве нашего устава? Главным является командир батальоном, после него идёт бригадный генерал, и только после него – ты! Почему ты ведёшь себя так же, как это было при операции "Бадр"?

Было видно, что Касем Сулеймани этими словами хочет выразить совсем иную мысль, а именно то, что он должен беречь себя и не бросаться всегда, очертя голову.

В итоге всего выраженного им недовольства Мир-Хусейни лишь улыбнулся и сказал ему:

– Ну, по факту ведь со мной ничего не случилось...

И я, и Мир-Хусейни, и командующий армией – все прекрасно понимали, что он вообще не будет воспринимать ничего подобного, и что ему бессмысленно говорить такое...»

Мы прибыли к моему временному обиталищу, в котором я сам себя заточил. Я вылез из машины и предложил зайти вместе со мной и выпить чаю, но Мухаммад Мири отказался, а раз так, то осталось только попрощаться и зайти домой, в свою комнату. Теперь я один, совсем один.

В этот день я не хотел читать ничего нового из тех маленьких тайн жизни Мир-Хусейни, которые открывает каждый новый рассказ очевидцев. Это дело я отложил до следующего дня. Я лёг прямо посреди комнаты. Все бумаги, которые я до этих пор успел прочитать, лежали в одной стопке, а непочитанные в – другой. Я, уже по привычке, протягиваю руку и достаю один лист. Повествует Хабибулла Данеш Шахраки:

«Мир-Хусейни всегда думал и переживал о молодёжи нашей провинции. Нет, это никак не было связано с фанатизмом или гордостью, однако это было твёрдое убеждение в том, что интеллектуальное, религиозное и культурное развитие молодёжи Систана обязательно повлечёт за собой положительный результат для всего региона в частности, ну и страны в целом. Мысль была более, чем очевидной, но одно дело это понимать и признавать, а другое – всегда ощущать необходимость действовать и искать пути прогресса в этом направлении.

Помню, когда было принято решение о создании 409-го батальона, который должен был стать первым независимым батальоном Систана и Белуджистана, Мир-Хусейни сначала предложил возглавить его ныне покойному Худари, а когда он отказался, он предложил этот пост Мухиб-

Али Фарси. Последний также не принял его предложения. Оба понимали всю ответственность за это и не горели желанием взваливать подобный груз на свои плечи. Через две недели очередь дошла и до меня, и я так же отказался от предложения.

Когда мы вместе с ним шли, как раз обсуждая этот вопрос, мы повстречали Касема Сулеймани, и они с Мир-Хусейни начали говорить. Между прочим, был затронут и вопрос о формировании независимого военного отряда в Систане и Белуджистане. Касем Сулеймани с негодованием сказал тогда:

– Ты говоришь о формировании боевых отрядов так, как будто у нас у самих мало проблем, над которыми над действительно стоило бы подумывать!

Сказав это, он попрощался и ушёл прочь. Мир-Хусейни вернулся к себе в комнату. Через какое-то время я решил пойти к нему. Когда я зашёл, то увидел, что он сидит на полу и плачет. Я с удивлением посмотрел на него.

– Вот скажи мне, – сквозь слёзы начал он говорить – почему так получается, что мы порою вынуждены говорить и делать то, что вызывает непонимание и упрёк таких достойных людей, как Касем? Почему?

Его состояние, которое я наблюдал, сильно подействовало на меня.

– Мир-Хусейни, ладно, я возглавлю батальон Систана, – сказал я, чтобы хоть как-то утешить и успокоить его.

Впоследствии батальон был сформирован, но этот плач Мир-Хусейни и его в высшей степени преданность и расположение к своему командиру навсегда останутся в моей памяти. Он не злился на него, не обвинял его в непонимании, а лишь сетовал на то, что порою так бывает, и невозможно объяснить что-то другому, как бы мы сильно ни любили его.

Всё, что я наблюдал в Мир-Хусейни, всегда имело своим источником любовь, и только любовь...».

Завтра я планирую прочитать то, что связано с операцией "Аль-фаджр-8", после чего написать об этом. Я взял номер телефона того, кто мне также поведал об этом. Я достал листок с этим номером. На нём написано: «Муhib-Али Фарси», после этого поднял трубку и набрал ему...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мухиб-Али Фарси был широкоплечим и высоким человек с золотистыми волосами. Когда я впервые увидел его, то тут же предположил, что он работает учителем. Он был очень похож на этот класс людей. Когда мы с ним уже немного разговорились, то он сказал:

– До войны я работал учителем. Ну а как только она началась, то отправился на фронт, и с тех пор тружусь для сохранения нашей исламской революции.

Мухиб-Али несколько лет провёл в плену у иракцев. Я попросил его начать свой рассказ, на что он спросил: откуда начинать?

– Оттуда, откуда Вы сами того хотите, – ответил я.

Было бы неправильно с моей стороны ставить его в какие-то рамки, чтобы он ориентировался на мою установку. Он начал рассказывать:

«Что ж, тогда я начну с операции "Хайбар". После нашего наступления враг предпринял несколько попыток контратаки, и одна из них была весьма напористой. Под тем плотным огнём, который они обрушили на нас, невозможно было даже толком пошевелиться. Понимая безнадёжность сохранения позиции, Пудине поднял меня с места, и мы быстро перебежали от второй линии к первой. Недалеко от нас то и дело разрывались снаряды. Мы были в состоянии лёгкого шока и растерянно смотрели по сторонам. В сердце мы поминали Всевышнего, а языком произносили шахаду.

Мы решили, что надо найти Мир-Хусейни и спросить у него о дальнейшем плане действий. С самого начала операции он находился на передовой. Мы начали искать его и спрашивать встречавшихся на пути, где он находится. В конце концов нам указали на один окоп, где был устроен блиндаж. Мы зашли, и как только я увидел его, то чуть не онемел от удивления и возмущения. Во всём этом беспределе взрывов и страшного гула он спокойно стоял и расчёсывался.

– Командир! – обратился я к нему, – иракцы во всю наступают, а ты стоишь и причёсываешься здесь?

– В чём проблема-то? – спокойно спросил он. – Ничего, по сути, не изменилось. Напротив, своевременное выполнение каждой задачи является причиной того, что все дела в лучшем виде доводятся до результата.

Он поручил Пудине заняться организационными вопросами, а мне сказал:

– Давай, пойдём. Посмотрим в чём дело.

Мы направились в сторону вражеских позиций. Когда мы шли туда, то среди зарослей камыша и тростника Мир-Хусейни отметил одно место. Я ещё не понимал, что он собирается там делать. Тем временем, он ловко скинул с себя одежду, прыгнул в воду и начал купаться в ней. Это было в пятницу, и он собирался совершить желательное полное омовение по случаю этого дня.

Когда он закончил, то вышел из воды и всё с тем же спокойствием и постепенностью оделся, после чего вновь начал причёсываться. Смотря на него ни за что нельзя было бы понять, что мы сейчас находимся на передовой в непосредственной близости от врага.

Когда он находился в увольнении, то поведение его ничуть не изменялось. Он успевал везде – и провести время с родными, и навесить своих боевых товарищей. Есть у меня одно воспоминание из тех дней. Однажды ночью, где-то ближе к полуночи, мы с Мир-Хусейни возвращались из дома одного знакомого солдата. Дом Мир-Хусейни в Заболе был рядом с моим отчим домом. Когда мы прибыли, я уже собирался распрощаться с ним.

– Нет, мы с тобой пойдём в наш дом и вместе поужинаем, – бескомпромиссно заявил он.

Я не хотел идти к ним в такой час, и поэтому отказался, но он всё настаивал.

– Послушай, – начал я, – ты же благоразумный и справедливый человек, так ведь? Разве не было бы справедливым, что во время своего увольнительного ты больше уделял бы время своим родным? Я сам настаиваю на том, что мне надо идти, лишь из этого соображения, потому как иначе, клянусь тебе, я бы пожелал, чтобы мы всегда были вместе!

– Я уже сказал дома, что сегодня ночью я приведу тебя в гости, – сказал он. Да, его напору сопротивляться я не смог, и потому поступил так, как он того хотел. По пути, когда мы заехали на круг, мы увидели двух мотоциклистов, которые стояли с поднятыми руками у дороги. Они, судя по всему, искали, где можно было бы поесть и переночевать. Мы сказали, что в такой час уже всё закрыто, да и вообще в городе редко бывают гости из других городов, а потому гостиниц и отелей здесь очень мало.

– Поставьте замки на свой транспорт и пойдёмте к нам, – сказал Мир-Хусейни.

Они вежливо отказались. Тогда Мир-Хусейни сказал, что еды у них в доме достаточно, так, что хватит на всех. Видать, они были очень голодны, потому что как только они услышали слово «еда», то тут же согласились. Мы вместе пошли к Мир-Хусейни и поужинали у него. Естественно, что

одним угощением он не ограничился, и после ужина начал настаивать на том, чтобы они остались у него на ночь. Они сказали, что не могут оставить свой транспорт, и поэтому должны идти... Вот таким был нрав Мир-Хусейни.

На операции "Аль-фаджр-4" я опять был вместе с Мухаммад-Хусейном Пудине. Несколько наших военачальников с целью провести совещание собрались рядом с высотой «Харгуна», что находится недалеко от таможен.

Мы только прибыли, когда неожиданно один из выпущенных «Катюшей» снарядов попал прямо туда, где они находились. Девять из них погибли на месте, и ещё много было ранено. Казруни и Имам Дуст тогда тоже погибли. Пудине был ранен. Мы доставили его в госпиталь и связались с Мир-Хусейни. Он дал знак к тому, чтобы мы быстро подготовились к выступлению. С этого момента в ходе операции я был вместе с ним.

По плану, на второй стадии выполнения операции 41 дивизия "Сарулла" должна была очистить господствующие высоты в окрестностях города Панджвин. Мы начали свою часть операции. Сначала первый отряд должен был посредством бангалорских торпед²² очистить дорогу от колючей проволоки и мин. Когда они выполнили свою задачу, Мир-Хусейни вместе со вторым отрядом пошёл вперёд.

Мы взяли первый из холмов, и колонна пошла дальше, вперёд. У Мир-Хусейни, как почти всегда и бывало, с собой имелся громкоговоритель. Командиру батальона он сказал, чтобы они продолжали и взяли другие окрестные холмы. Этот командир начал увиливать и приводить тысячу поводов к тому, чтобы этого не делать.

– Я сказал, чтобы вы продолжали выполнять приказ, – угрожающе сквозь зубы сказал Мир-Хусейни.

Бестолковый командир батальона поднял крик, из-за чего враги поняли, где мы находимся, и открыли огонь в нашу сторону. Все мы тут же прижались к земле, кроме Мир-Хусейни – он стоял всё так же, и даже не то, чтобы лечь, а даже наклоняться не собирался, как будто их пули к нему не имели никакого отношения. Он взял свой громкоговоритель и начал приводить в чувство ребят, пристыжая их тем, что они лежат.

– Вы что, хотите, чтобы нас просто перестреляли по одному? – сказал он,

²² Бангалорская торпéда - удлинённый подрывной заряд, предназначенный для создания проходов в проволочных заграждениях или минных полях.

разъясняя всю глупость их инстинктивного поступка. – Вставайте уже, вперёд!

Его слова всегда производили сильный эффект, даже в самые тяжёлые ситуации он умел сделать так, чтобы люди преодолевали свои страхи. Все вскочили, и колонна вновь пришла в движение. Когда я ещё лежал, он подошёл ко мне и протянул свой громкоговоритель.

– Продолжай, – сказал он, а сам взял рацию и начал с кем-то переговариваться.

Я встал и начал, кричать, что было сил, разные лозунги, подбадривать наших ребят. Я прошёл немного вперёд, так, что почти вся колонна была передо мной, чтобы мой голос достигал и тех, кто был ещё внизу. Затем я решил вернуться ближе к Мир-Хусейни, как вдруг прямо передо мной что-то взорвалось. В мою руку угодил приличный осколок. Я упал на землю. Было такое чувство, что весь мир начал кружиться вокруг моей головы. После этого в ходе той операции я его больше не видел, потому как меня сразу же увезли в госпиталь.

За две ночи до начала операции "Аль-фаджр-8" мы прибыли близ реки Арванд. Я был вместе с Хамидом Шафии. Когда мы добрались до места, время было ближе к полуночи. Мы вошли в окоп – все уже спали. Мы тоже нашли для себя укромное пристанище и улеглись спать. Утром, когда наступило время молитвы, нас разбудил Мир-Хусейни. Я с радостью обнял его. До сих пор я только этого и ждал, чтобы увидеть его.

Мы должны были разбиться на группы со своими командирами. Моя судьба была известна мне заранее. Я знал, что Пудине, как это обычно и бывало, определит меня в свой отряд и не позволит мне быть в отряде Мир-Хусейни. Так он поступал уже в нескольких операциях, в которых мы с ним принимали совместное участие. Однако, в привычку уже вошло и то, что в самом начале операции Пудине получал ранение, после чего я примыкал к отряду Мир-Хусейни, и это обстоятельство не могло меня не радовать. Нет, конечно же я не имею в виду радость по поводу ранения Пудине, а лишь то, как я сильно хотел быть в отряде Мир-Хусейни.

В первый день начала операции мы перебрались на другую сторону реки, и – что вы думаете? – Пудине получил ранение, после чего я доставил его до нашего полевого госпиталя и быстро вернулся к Мир-Хусейни.

Во вторую ночь операции Мир-Хусейни возглавил колонну батальона, который полностью состоял из молодёжи Систана. Мы прибыли на развилку трёх дорог. Одна дорога вела на шоссе, в сторону ракетного

склада, другая – в сторону эстуария "Хор-Абдулла". У самого перекрёстка стояли несколько танков, которые ловко были подбиты и сожжены нашими гранатомётчиками. После этого они пошли в сторону эстуария. Мы, в свою очередь, направились в сторону иракцев, которые располагались чуть поодаль на шоссе. Когда они завидели нас издали, то подумали, что мы тоже иракцы. Видать, в голову им пришли те, кто ещё прошлой ночью бежал через болота, и они подумали, что это их горемычные бежавшие собратья по оружию. Они с такой радостью и ликованием шли к нам навстречу! Некоторые даже оставили свои разгрузки и другое оружие, чтобы только быстрее добраться до нас. Не знаю, может они ожидали от своих каких-нибудь гостинцев. Наконец, они дошли до нас. Они чуть не умерли от перепугу, когда поняли, что мы не иракцы – это был просто дикий ужас.

– Это день отмщения! – кричали некоторые из наших ребят.

– Это день милости и прощения, – исправлял своих нерадивых подопечных.

Мы прибыли туда, как когда-то пророк Мухаммад прибыл со своими сподвижниками в Мекку в день её завоевания.

– Не убивайте нас! – крикнул кто-то из иракцев на персидском языке.

– Отныне вы по-новому будете ощущать, что такое свобода, – сказал спокойно Мир-Хусейни.

Он сказал им что-то, после чего пожелал здоровья и всего хорошего.

После этого мы сели на мотоциклы и направились в сторону ракетного склада. Помимо прочего, там было много армейских принадлежностей и оружия. 419-й батальон как раз вел бои на подступах склада. При поддержке дивизии, которая находилась неподалёку от нас, мы быстро справились с задачей и захватили склад.

Мы с Мир-Хусейни обследовали обстановку, как вдруг наткнулись на один окоп, в котором было много такого, что могло бы пригодиться в хозяйстве. Мы нашли там новую керосиновую лампу и изящный китайский сервиз. Это было примерно в то время, когда Пудине совсем недавно женился. Мы с Мир-Хусейни сошлись на том, что стоит подарить ему их в качестве подарка на свадьбу, и мы собрали всё это добро и увезли с собой. Когда мы взяли увольнительный отпуск и вернулись домой, то, купив также букет цветов, отправились в дом Пудине, чтобы вручить ему все эти трофеи. Да, эти подарки были приурочены к его свадьбе, но в сердце также теплилась благодарность к нему за то, что он, будучи раненым, быстро покинул поле

боя, благодаря чему я мог быть в отряде Мир-Хусейни, и сам я приурочил всё это не в последнюю очередь к этому обстоятельству...».

Мы начали смеяться. Он посмотрел на свои часы.

– Мне нужно идти к врачу, – сказал он. – Давайте определим время для следующей встречи, чтобы продолжить потом.

Конечно, я согласился. Он встал и ушёл по своим делам. Я вновь вернулся к своим бумагам и, достав очередной лист, начал читать:

«Мир-Хусейни был набожным и очень смелым человеком.

Я расскажу вам случай, который наглядно продемонстрировал бы для вас эти качества в нём. Из города Дехлоран мы двинулись туда, откуда должна была начаться операция. Во время пути наступило время для совершения утренней молитвы, но нам никак нельзя было останавливаться, потому как нам надо было добраться до места как можно быстрее. Все, кто был со мной в машине, начали переживать из-за этого.

– Совершайте молитву прямо здесь, пока едете! – сказал Мир-Хусейни.

Мы посмотрели на небо – оно всё ещё было чёрным, так, что нельзя было понять, наступило ли время.

– Если мы прибудем до окончания времени молитвы, то совершим её заново в полноценном виде, – обнадёжил он нас. – Здесь вам не обязательно искать направления для молитвы и поворачиваться в ту сторону. В какую сторону совершите, в ту и совершите.

Это был очень ответственный момент – дорога была каждая секунда. Мы сделали, как нам и сказали – подготовились для молитвы и совершили её прямо в дороге, сидя на корточках, хотя тряска в машине мало способствовала концентрации на молитве... Тот встревоженный взгляд Мир-Хусейни, причиной которому было то, в каком состоянии мы совершал молитву, я не забуду никогда.

Он придавал огромное значение поклонению, особенно ночным молитвам. Был и другой случай, который произошёл в окрестностях села Джафир. Это было ночью, когда нам предстояло совершить очередной манёвр. Была кромешная тьма, и дул холодный и колющий ветер. Наши ходили и бегали из стороны в сторону, так, что можно было слышать их во всей долине. Мы готовили засаду, чтобы достойно встретить надвигающиеся силы иракцев. Незадолго до этого нам поступила информация, что они готовят атаку этого участка.

Мир-Хусейни распределили нас так, что мы оказались во фланговой части. Наши ДШК были также подготовлены для ведения огня. Идущие вслед за

склада, другая – в сторону эстуария "Хор-Абдулла". У самого перекрёстка стояли несколько танков, которые ловко были подбиты и сожжены нашими гранатомётчиками. После этого они пошли в сторону эстуария. Мы, в свою очередь, направились в сторону иракцев, которые располагались чуть поодаль на шоссе. Когда они завидели нас издали, то подумали, что мы тоже иракцы. Видать, в голову им пришли те, кто ещё прошлой ночью бежал через болота, и они подумали, что это их горемычные бежавшие собратья по оружию. Они с такой радостью и ликованием шли к нам навстречу! Некоторые даже оставили свои разгрузки и другое оружие, чтобы только быстрее добраться до нас. Не знаю, может они ожидали от своих каких-нибудь гостинцев. Наконец, они дошли до нас. Они чуть не умерли от перепугу, когда поняли, что мы не иракцы – это был просто дикий ужас.

– Это день отмщения! – кричали некоторые из наших ребят.

– Это день милости и прощения, – исправлял своих нерадивых подопечных.

Мы прибыли туда, как когда-то пророк Мухаммад прибыл со своими сподвижниками в Мекку в день её завоевания.

– Не убивайте нас! – крикнул кто-то из иракцев на персидском языке.

– Отныне вы по-новому будете ощущать, что такое свобода, – сказал спокойно Мир-Хусейни.

Он сказал им что-то, после чего пожелал здоровья и всего хорошего.

После этого мы сели на мотоциклы и направились в сторону ракетного склада. Помимо прочего, там было много армейских принадлежностей и оружия. 419-й батальон как раз вел бои на подступах склада. При поддержке дивизии, которая находилась неподалёку от нас, мы быстро справились с задачей и захватили склад.

Мы с Мир-Хусейни обследовали обстановку, как вдруг наткнулись на один окоп, в котором было много такого, что могло бы пригодиться в хозяйстве. Мы нашли там новую керосиновую лампу и изящный китайский сервиз. Это было примерно в то время, когда Пудине совсем недавно женился. Мы с Мир-Хусейни сошлись на том, что стоит подарить ему их в качестве подарка на свадьбу, и мы собрали всё это добро и увезли с собой. Когда мы взяли увольнительный отпуск и вернулись домой, то, купив также букет цветов, отправились в дом Пудине, чтобы вручить ему все эти трофеи. Да, эти подарки были приурочены к его свадьбе, но в сердце также теплилась благодарность к нему за то, что он, будучи раненым, быстро покинул поле

боя, благодаря чему я мог быть в отряде Мир-Хусейни, и сам я приурочил всё это не в последнюю очередь к этому обстоятельству...».

Мы начали смеяться. Он посмотрел на свои часы.

– Мне нужно идти к врачу, – сказал он. – Давайте определим время для следующей встречи, чтобы продолжить потом.

Конечно, я согласился. Он встал и ушёл по своим делам. Я вновь вернулся к своим бумагам и, достав очередной лист, начал читать:

«Мир-Хусейни был набожным и очень смелым человеком.

Я расскажу вам случай, который наглядно продемонстрировал бы для вас эти качества в нём. Из города Дехлоран мы двинулись туда, откуда должна была начаться операция. Во время пути наступило время для совершения утренней молитвы, но нам никак нельзя было останавливаться, потому как нам надо было добраться до места как можно быстрее. Все, кто был со мной в машине, начали переживать из-за этого.

– Совершайте молитву прямо здесь, пока едете! – сказал Мир-Хусейни.

Мы посмотрели на небо – оно всё ещё было чёрным, так, что нельзя было понять, наступило ли время.

– Если мы прибудем до окончания времени молитвы, то совершим её заново в полноценном виде, – обнадёжил он нас. – Здесь вам не обязательно искать направления для молитвы и поворачиваться в ту сторону. В какую сторону совершите, в ту и совершите.

Это был очень ответственный момент – дорога была каждая секунда. Мы сделали, как нам и сказали – подготовились для молитвы и совершили её прямо в дороге, сидя на корточках, хотя тряска в машине мало способствовала концентрации на молитве... Тот встревоженный взгляд Мир-Хусейни, причиной которому было то, в каком состоянии мы совершал молитву, я не забуду никогда.

Он придавал огромное значение поклонению, особенно ночным молитвам. Был и другой случай, который произошёл в окрестностях села Джафир. Это было ночью, когда нам предстояло совершить очередной манёвр. Была кромешная тьма, и дул холодный и колющий ветер. Наши ходили и бегали из стороны в сторону, так, что можно было слышать их во всей долине. Мы готовили засаду, чтобы достойно встретить надвигающиеся силы иракцев. Незадолго до этого нам поступила информация, что они готовят атаку этого участка.

Мир-Хусейни распределили нас так, что мы оказались во фланговой части. Наши ДШК были также подготовлены для ведения огня. Идущие вслед за

нами силы везли с собой боеприпасы. Было примерно три часа ночи. Меня никак не покидал липкий сон. Я повстречал Мир-Хусейни. Он как раз шёл к машине скорой помощи, которая, судя по всему, была доставлена для оказания помощи и перевозки раненных. Я не понимал, что он собирается делать, поэтому решил сходить и посмотреть – «Да и может я бы пригодился ему», – подумал я. Приблизившись, я обнаружил, что он совершает ночную молитву. Я удивился тому, что увидел, потому как и представить себе не мог, что в таком положении, при такой усталости и в такой суете кто-то может ещё и думать о ночной молитве. Действительно, это вызывало восхищение.

Был и другой случай, и он произошёл в ночь, когда мы выполняли операцию "Аль-фаджр-8". Наши водолазы прорвали оборону иракцев вдоль реки Арванд, и настала очередь атаковать сухопутным войскам. Командир дивизии велел Мир-Хусейни, чтобы он выдвигался и перешёл на другую сторону реки. У берегов до сих пор были какие-то стычки, что можно было понять по раздающимся с той стороны выстрелам.

Мы сели в лодки и тронулись в путь. Я клянусь, что лодка Мир-Хусейни была первой из всех наших лодок, которая причалила к противоположному берегу – настолько он жаждал всегда взять на себя первый огонь. Вскоре и мы добрались до берега, после чего сгруппировались и отправились дальше. Мир-Хусейни шёл так, как будто он прогуливается по родному району в Заболе. Это наблюдение также было для меня удивительным – в такой опасной местности и при всех сопутствующих обстоятельствах он умудрялся сохранять полное спокойствие духа. Он просто идеально ориентировался по местности и определял нужное направление, так, что мы без проблем двигались всё дальше вперёд, хотя и ночь была очень тёмной.

Одним запоминающимся событием той ночи был боевой клич Мир-Хусейни. Силы и дух каждого из наших солдат, которые слышал его, будто бы увеличивались в сотни раз. Да, его влияние на нас было поистине великим!

Пройдя чуть дальше, мы обнаружили, что около реки, в окопе, что был вырыт параллельно реке, засел пулемётчик, который, раз начав стрельбу, уже не затыкался. Мир-Хусейни даже сам два раза предпринимал попытку снять его, для чего и подбирался к нему, однако ничего сделать он так и не смог. Пулемётчик располагался в зоне видимости траектории движения нашей колонны, и потому представлял собой большую угрозу, а потому

его необходимо было устранить. Где-то ближе к утру, он приказал собрать всех гранатомётчиков. Они собрались.

– Как только ты услышишь мой выстрел, то прикажи, чтобы они все стреляли залпом, – сказал он, обратившись ко мне.

Мы заняли позиции и начали ждать выстрела Мир-Хусейни, внимательно уставившись в непроглядную тьму. В один момент грянул взрыв, и всё вокруг осветилось.

– Огонь! – крикнул я, насколько мне позволяли голосовые связки.

Гранатомёты дали залп, после которого тот пулемётчик затих навсегда. Мы решительно атаковали окоп и без проблем захватили его, ликвидировав опасность для наших сил.

– Двигайтесь дальше, вперёд! – слышался крик Мир-Хусейни...».

Каждый из тех, кто рассказывал об операции "Аль-фаджр-8", не смог не упомянуть боевой крик Мир-Хусейни. Это то, что запечатлелось в памяти всех тех, кто был участником той операции.

Али Зареи рассказал о событиях тех дней с немного другой точки зрения:

«В нашем лагере царила суэта. Только что прибыли новобранцы из Систана, Кермана и Белуджистана, чтобы отправиться дальше на фронт.

Туда прибывали командиры разных чинов, собирали необходимые для себя силы и возвращались на свои точки. Везде можно было наблюдать, как какой-нибудь очередной новобранец стоит перед командиром по стойке смирно. Судя по всему, в таком формате у них проходило ознакомление с потенциальными подчинёнными. Также привычной картиной стали длинные очереди солдат, которые по порядку садились в автобусы.

Дело уже близилось к вечеру, но в лагере всё ещё оставалось много новобранцев. Все они в один голос заявляли, что не хотят быть в составе задействованных в боях батальонах, а хотят служить где-нибудь в тылу. Наши командующие даже не знали, что с ними делать. Для всех нельзя было найти работы в тылу, да и командиры отрядов уже набрали столько людей, сколько им было нужно, и получалось, что им они тоже были не нужны.

Прошло три или четыре дня. Где-то в девять или десять утра в лагерь прибыл Мир-Хусейни. Когда он узнал о сложившейся ситуации, то собрал на главной площади всех этих новобранцев, что остались невоинскими, и начал говорить перед ними.

– Братья! – начал Мир-Хусейни, – Все мы являемся наследниками пророков и хранителями памяти об их священной борьбе. Если на сегодняшний

день в словах наших – сынов исламской религии – имеется какая-либо ценность и вес, то это только благодаря крови тех мучеников, что пали рядом с Хусейном ибн Али в Кербеле! Когда мы смотрели на поле битвы, то видели на нём мучеников, уста которых читали священный Коран! Мы видели, как наши воины, полностью покрывшись волдырями из-за химического отравления, стойко шли за своими командирами! Мы водрузили на свои плечи знамя завета с нашим Господом, на устах наших – свидетельство об истинности исламской религии, и мы идём по стопам наших самых достойных предшественников!..

В общей сложности речь Мир-Хусейни длилась около часа. Закончив, он просто попрощался со всеми и ушёл, но слова его навсегда остались в сердцах тех, кто слушал его тогда. После этой речи среди них не осталось больше никого, кто хотел заниматься чем-либо в тылу. После полудня все были распределены по новым боевым отрядам, и в лагере уже не осталось никого из них...

Перед началом одной из операций, наши, как всегда, находились в ожидании, с нетерпением ожидая команды к началу. Все в это время были заняты молитвами, благодаря которым всё вокруг будто озарялось духовным светом. Уже несколько ночей подряд я видел, как Мир-Хусейни, склонив голову, идёт куда-то в сторону края территории нашего лагеря. Мне стало интересно, зачем он уходит туда. Сначала мне пришло в голову то, что, быть может, он просто хочет скинуть края шатров, которые днём запрокидываются, чтобы обеспечить вентиляцию.

Но не каждую ведь ночь, хотя бы потому, что не каждый день их запрокидывали. Не знаю почему, но по какой-то причине моё любопытство толкнуло меня к тому, чтобы разузнать, в чём дело, и для этого я решил проследить за ним.

С наступления ночи я ожидал момента, когда он выйдет из своей палатки. Наконец, я увидел его, сразу же встал и незаметно начал идти за ним. Он ушёл прямо в ночь, туда, где и звуков нашего плацдарма уже не было слышно. Он остановился, и в ушах стояла лишь гулкая тишина. У меня было очень странное состояние, когда любопытство перемешивается со страхом. В этой тьме я с трудом мог различить вдали его силуэт. В какой-то момент я совсем потерял его из виду – он как будто сквозь землю провалился. Я же стоял в полном недоумении и всё пытался найти его почти невидящими глазами. У меня не было даже смутных предположений о том, куда он мог подеваться. Тогда я начал осматриваться вокруг, и тихо,

так, чтобы меня не заметили, шёл в ту сторону, в которой я в последний раз его приметил. Вдруг, до меня дошёл тихий звук, из которого можно было понять, что это слова молитвы. В этот момент я застыл от неожиданности и начал хорошенько прислушиваться. «Да, это точно его голос», – подумал я. Раз уж я был там, то решил подобраться поближе. Он молился и сильно плакал, так, что его тело сотрясалось от всхлипываний. Слова его молитвы заставили бы плакать любого человека, сердце которого не окаменело вконец. Как оказалось, он находился в выкопанной им самим яме, которая сильно напоминала могилу. Я не смог оставаться дольше, и поэтому вернулся обратно...

Как-то раз с утра я прогуливался вдоль реки Карун, как вдруг увидел там Мир-Хусейни, который в тот момент купался в реке. О том, насколько вода была холодной, можно было судить по его учащённому дыханию. Я направился в его сторону. Видя его, мне самому становилось все холоднее. Завидев меня, он тоже подошёл ближе к берегу. Мы поздоровались. Держась за ветки деревьев, что росли у берега, он вышел из воды. Все волосы на его теле стояли, как штыки, а сам он трясся, как осиновый лист.

– Командир, зачем ты в эту стужу полез в воду? – с удивлением спросил я.
– Сегодня нам предстоит урок по манёврам в воде, – с улыбкой ответил он.
– Прежде, чем бросать других в эту ледяную воду, я решил сам проверить каково это.

Я так ничего и не ответил ему, а точнее даже не знал, что тут можно сказать. Каждое действие Мир-Хусейни можно было бы описывать очень долго и красноречиво...

Да, что касается операции "Аль-фаджр-8". Уже во время выполнения операции 422-й батальон вместе с двумя группами также вступил в неё. Этот батальон должен был идти позади других. Начались ожесточённые бои, и рации не умолкали ни на секунду.

Прошёл где-то час. Все батальоны уже выполнили свою часть работы, и дело осталось за 422-м. Все были в ожидании новостей о результате их продвижения, как вдруг нам сообщили, что путь им перегородил один танк, из-за чего все они вынуждены отлёживаться на земле. Командир батальона по рации сообщил, что они не могут продвинуться дальше.

Мы в тот момент находились на плацдарме.

– Али, подготовь мотоцикл. Мы выезжаем, – сказал мне Мир-Хусейни.
В это время он подготовил своё оружие и взял громкоговоритель, после чего сел на мотоцикл.

– Командир, куда мы едем? – спросил я.

– Наши залегли на землю и говорят, что не могу продвинуться дальше. Надо съездить туда и поднять их с земли, – ответил он, после чего тронулся и уехал.

Один из тех, кто был в составе 422-го батальона, поведал мне о том, что происходило дальше:

«Мы все лежали на земле, когда Мир-Хусейни прибыл к нам. Пулемёт не прекращал свою очередь, но он стоял, не обращая на него никакого внимания. Он бросил свой мотоцикл и подошёл к нам, после чего начал в своём духе поощрять всех к тому, чтобы идти в атаку. Его слова всегда вдохновляли на подвиги, и этот раз не был исключением – воодушевившись, ребята вскочили по команде и ринулись вперёд. Со стороны могло показаться, что к ним на помощь подоспела целая дивизия. Мы бежали на врага, крича «Аллаху акбар!», и бросились на вражеский танк. Остальные просто бежали. Этот батальон, в конечном счёте, в тех боях сумел в общей сложности взять в плен 600 иракцев».

После выполнения операции мы вернулись на вражеский ракетный склад в Эль-Фао. За плечами у нас были несколько дней тяжелейших боёв, а потому мы были до крайности уставшими. Вернувшись, мы просто упали в окопы.

Наступил вечер, и все начали готовиться к молитве. Молились мы в этой же перепачканной грязью и кровью одежде. Предстоятелем на молитве был Мир-Хусейни. Когда мы закончили, Мир-Хусейни начал читать желательные дуа после молитвы, а все мы сразу же вернулись на свои земляные лежа в окопе. Несколько бессонных ночей, перебежки с одного конца в другой, преследование врага и тяжёлые бои – всё это, на самом деле, очень утомительно. Я тоже присмотрел для себя место, где и улёгся. Я уснул в считанные секунды.

Чей-то голос разбудил меня. Я резко вскочил и быстро огляделся по окопу. Посреди окопа лежала скатерть, а рядом лежали спящие солдаты. Мир-Хусейни находился чуть дальше. Я начал наблюдать за ним – он носил еду и воду, чтобы мы поужинали. Ребята начали просыпаться один за другим. Всем было очень стыдно перед ним. Пока мы спали, Мир-Хусейни сам всё подготовил после молитвы.

В ту ночь до самого конца нашего ужина я так и не смог посмотреть в его глаза – настолько мне было стыдно за себя.

Примерно в эти же дни, когда мы ещё были в Эль-Фао, мы как-то раз ехали

вместе с Мир-Хусейни на мотоцикле. За рулём был он. Он вдруг остановился прямо в пустыне посреди дороги. Я подумал, что возникла какая-то проблема с мотоциклом. Мы спешили. Он поставил мотоцикл на дократ, а сам сел рядом с ним... По направлению к кибле.²⁵ Из бокового кармана он достал книжечку, в которой были различные молитвы, и начал читать её. Я вообще не понимал, что он делает и в чём смысл всего этого. Почему во время дороги, посреди пустыни? Мне оставалось лишь ждать в недоумении.

– Командир, что случилось? Почему ты читал молитву именно здесь? – спросил я, когда он закончил.

– Я сегодня не читал ее. Только сейчас вспомнил, что позабыл об этом, – улыбаясь, сказал он, пока ногой заводил мотоцикл.

Я также сел, и мы поехали дальше. Никогда я не забуду этот случай, когда он, раз вспомнив про молитву, тут же принялся читать его, не обращая внимания ни на какие обстоятельства...».

До этого мне уже приходилось сталкиваться с именем Абдоль-Хусейн Тахери, но я не помнил, где и когда. В первой же строчке он написал о воспоминании, которое было связано с аграрным институтом. Тут же я вспомнил, где я его слышал. Это было в тот день, когда мы были у заместителя ректора аграрного института в Заболе – Хасан Пур Исмаила. Этот же человек был в том институте ректором:

«В те времена я был студентом в Тегеране. По плану мы должны были отправиться вместе с преподавателями университетов Систана и Белуджистана в научную экспедицию. Наш путь лежал на юг. По дороге мы увидели марширующих колоннами солдат. Операция "Аль-фаджр-8" уже началась. В этот самый момент, когда я наблюдал за этими солдатами, я вдруг всем сердцем захотел встретиться с Мир-Хусейни.

Мы добрались до Ахваза. На следующее утро я отделился от нашей группы с целью добраться до Эль-Фао. Желание увидеть его стало во мне настолько сильным, что я даже не думал о том, как конкретно я смогу туда добраться и увижу ли его там. Не раздумывая долго, я отправился в путь. У меня вообще не было понимания того, куда и на чём я должен ехать, чтобы добраться до Эль-Фао. Сутки у меня ушли только на то, чтобы добраться до Абадана. Далее я миновал реку Арванд. Там было очень беспокойно –

²⁵ **Кибла** - точно установленное из любой точки земного шара направление в сторону священной Каабы в г. Мекке на территории нынешней Саудовской Аравии, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения пятикратных ежедневных молитв и отправление ряда ритуалов.

наши войска планомерно и уверенно продвигались вперёд, а вражеские самолёты ни на секунду не исчезали из виду и то и дело что-то бомбили. Расспрашивая каждого прохожего, что встречался мне на пути, я добрался до плацдарма, где находился Мир-Хусейни. Я не мог поверить в то, что мне это удалось! Когда я прибыл, то мне сказали, что Мир-Хусейни в блиндаже. Я пошёл туда и начал звать его.

– Уважаемы, Мир-Хусейни сейчас спит, – сказал кто-то в окопе.

На этом я, по понятным причинам, не успокоился, и опять начал звать его, но теперь уже громче прежнего. Он ответил, и через несколько секунд уже стоял передо мной. Слёзы сразу же навернулись на мои глаза. Я не мог поверить в происходящее! Тут же я горячо обнял его, и через какое-то время мы вместе с ним вошли в блиндаж.

Мухиб Али Фарси тоже был там.

– Я слишком поздно прибыл на боевую операцию, – сказал я.

– Не слишком-то и поздно. Ты ещё можешь внести свою лепту! – пошутил он.

Ночь я провёл там же, на плацдарме. Утром мы сели на мотоцикл и поехали к передовой линии. Иракцы по обеим сторонам непрестанно вели огонь. Мир-Хусейни искал наилучшую позицию, где могут закрепиться его люди. Мы наткнулись на окопы, сверху которых была сооружена арка из пальмовых листьев. Тогда было жаркое время года, а потому тень в окопе была бы совсем не лишней. Мы слезли с мотоцикла и пошли осмотреть эти окопы. Когда мы увидели всё вблизи, то он понял, что нашёл место, которое искал. Он как раз пытался связаться со своими по рации, как вдруг сверху раздался дикий крик.

– Иракцы! Иракцы! Быстро, дайте мне кто-нибудь гранаты! – кричал кто-то наверху.

На мгновение меня тоже охватил страх. Я не понимал, что происходит – кто это кричит и где именно он вдруг обнаружил иракцев, ведь их не было видно и за версту, когда мы только недавно спускались туда. Мир-Хусейни поднялся наверх и привёл этого крикуна. Несмотря на то, что после завершения операции прошло уже несколько дней, этот человек всё это время прятался, пытаясь, таким не хитрым способом, спастись от смерти, которую он боялся очень сильно. Он был весь перепуганный и не особо понимал, что происходит вокруг.

– Этот бедолага сейчас отбросит концы. Быстро накормите его, – сказал Мир-Хусейни.

Он очень мягко отнёсся к этому беглецу, что не могло не вызвать моего восхищения, потому как по всем правилам с его стороны такое должно было строго осуждаться. Когда тот покушал и пришёл в себя, он отправил его назад, в тыл.

Мы же двинулись дальше, к передовой. С наших наблюдательных пунктов можно было увидеть иракцев. Когда мы ходили, то вдруг Мир-Хусейни взорвался громким смехом. Впереди прямо на нас шёл Бахтияри. Родом он был из Кермана.

– Бахтияри, что это с тобой? На кого ты похож? – со смехом спросил его Мир-Хусейни.

На нём не было обуви, не были застёгнуты, и поэтому свисали с него, норовя окончательно упасть на землю штаны.

– У одного из наших ребят не было ботинок, и я отдал ему свои. У другого не было патронташа,²⁶ со всей простотой сказал Бахтияри.

Мы поехали назад. Я должен был вернуться обратно. Попрощавшись со всеми, я покинул их.

В результате своего двухдневного путешествия я застал лишь момент окончания боёв на том участке. Однако, несмотря на это, то, что осталось в моей памяти о том времени, никогда не исчезнет и будет служить уроком на всю жизнь, в особенности простота Бахтияри и то, как он относился к своим братьям по оружию...».

Моя комната постепенно становится олицетворением хаоса. За день я сотни раз перебираю и перекладываю бумаги из одного конца в другой. Я уже утопаю в этих шести тысячах бумаг, которые полностью окружили меня. Начинаю читать следующий рассказ. Мансур Хашеми пишет:

«Иракцы окружили нас. С самого утра по рации у меня было только одно послание нашим – чтобы нам срочно помогли живой силой и боеприпасами. Я был головой погружён во всё это, как вдруг заметил, что кто-то прибыл к нам. Он стоял прямо передо мной. Я поднял голову и увидел, что это Мир-Хусейни. Я с удивлением смотрел на него, а он в это время сел и забрал у меня рацию.

– Силы прибыли. Боеприпасов тоже достаточно. Больше ничего не надо присылать, повторяю, ничего не надо присылать! – только и сказал он в рацию.

²⁶ **Патронташ** - снаряжение для ношения патронов с отдельными ячейками для каждого из них. Приспособлен для ношения на поясе или груди стрелка, то есть в положении, удобном для быстрого извлечения патронов. В данном случае речь идёт о том, который носят на поясе, а точнее – вместо пояса.

Я с радостью встал и посмотрел вокруг в ожидании увидеть всё то, о наличии чего только что говорил Мир-Хусейни. Он прибыл совершенно один. Не было ни свежих сил, ни боеприпасов. Несмотря на это, один только факт, что я видел его, уже успокаивал. Не знаю даже почему, но я чувствовал такое воодушевление, будто к нам на подмогу прибыла добрая сотня батальонов со свежими силами. Я встал и побежал в другой конец окопа. Радист, который ещё совсем недавно так же, как и я, кричал о помощи, уже передавал нашим, что всё уже подоспело и ничего и никого больше присылать к нам не нужно.

С его появлением уверенность приобрели все. Ребята из народного ополчения обрушили на врага всё, что у нас имелось.

– Не присылайте больше боеприпасов! Скажите, чтобы машины повернули назад! Того, что есть, нам хватит и на неделю! – всё неистовствовал радист, дезинформируя врага.

Бой постепенно шёл на убыль. Вдруг Мир-Хусейни резко подошёл.

– Почему ты говоришь такое по радиии? – начал он отчитывать нас. – Почему вы все прилипли к земле? Неужели ты не знаешь, что когда мы ведём себя боязливо, то враги наши сразу чувствуют это и начинают ещё больше смелеть, и отражать их атаки становится ещё сложнее? По радиии вы должны говорить всё наоборот, что и боеприпасов нам не надо, ни подмоги, вообще ничего! И неужели вы вообще забыли о том, что такое упование на Всевышнего!?

Все мы стояли, склонив головы. Он был полностью прав, и возразить тут было совершенно нечем.

Однажды мы вернулись после очередной операции, в ходе которой мы потеряли несколько человек, да ещё были и раненные. В горле у нас стоял ком, облегчить который обычно помогают слёзы. Мы только ждали лучшего повода, чтобы отдаться своей скорби, и такой повод у нас появился во время коллективного чтения молитвы. Чувство времени мы потеряли в тот момент полностью. Помню лишь, что, когда я пришёл в себя, прошло уже три часа.

После этого мы разошлись по палаткам. Спустя короткое время за мной пришли и сказал, что у командиров имеется ко мне дело. Я отправился в их палатку и увидел, что там был Мир-Хусейни, и, надо сказать, это обстоятельство меня обрадовало. Поздоровавшись, я сел рядом с ним, и только тогда заметил, что он явно чем-то недоволен.

– Что с ним? Чем Мир-Хусейни недоволен? – спросил я у командира

одного из батальонов.

– Спроси у него, – получил я ответ.

Тогда я вопросительно взглянул на Мир-Хусейни. О моём вопросе ему было известно.

– Как мне не быть недовольным? – начал он. – Скажи мне, видел или слышал ли ты о том, чтобы хоть где-нибудь в нашей стране чтение молитвы длилось три часа? Вы что, не понимаете, что тем самым вы просто отобьёте желание посещать такие собрания у остальных? – наступило молчание, и через несколько секунд он продолжил – Если бы вы только были в состоянии, то я нашёл бы для вас достойное занятие. К примеру, послал бы вас в разведку до самого утра.

После этих слов он повернулся к другим и продолжил:

– Прославление Пророка и его семейства вовсе не означает, что количество выступающих на собраниях должно равняться количеству их представителей. В противном случае вы добьётесь лишь того, что человек будет только рад завершению всего мероприятия, и вряд ли будет испытывать после этого сильное желание повторить свой печальный опыт.

Мне опять было нечем возразить или оправдаться, и поэтому я, по-прежнему, молчал, склонив голову».

Я встал. Более находиться в этом бардаке у меня не хватало терпения. Собрал все бумаги по категориям, я сложил их в одну пачку.

В голову пришла мысль выпить чая, но термос, как оказалось, уже был пустым. Взгляд мой падает на очередной лист из моей серии из шести тысяч таковых. Это был даже не один, а несколько листов, на которых были собраны воспоминания Али Кейха, из которых я выделил следующее:

«На восьмой день операции "Аль-фаджр-8" иракцы подготовились для решительного контрнаступления, чтобы одним разом вновь занять все позиции, что мы у них отобрали. Возглавить это контрнаступление было поручено министру обороны Ирака – Аднану Хейрулле. Мы закрепились в цеху по производству соли.

Был полдень. Иракцы судорожно бомбили и обстреливали наши позиции. Солнце светило прямо на наши головы в этой солончаковой пустыне, и вкупе с вонью гнилой плоти, это был тандем для взрыва головы от боли. Иракцы вели столь сильный огонь, что нам не могли доставить ни еды, ни воды. Наши ребята держали оборону исключительно силой своего духа, потому как от материи в такие моменты уже особо ничего не зависит.

Я был на вале, когда вдруг услышал позади знакомый голос, после чего

сразу же вернулся назад. Внизу стоял Мир-Хусейни и что-то внушал нашим. Я вообще не поверить в то, что командир дивизии может сам лично явиться на передовую линию обороны, и поспешил сообщить всем остальным об этом. Если бы вы только видели, что там происходило! Наши так воодушевились, что сразу же полезли наверх и бесстрашно вели огонь по врагу.

– Ну же, давайте, все наверх! – кричал Мир-Хусейни, – Сегодня прибыл их министр обороны! Сегодня мы должны раскатать их всех лицом по земле! Этот его воодушевляющий крик я не забуду никогда. Ребята как один стреляли в азарте боя, а Мир-Хусейни тем временем не переставал их подбадривать и воодушевлять. Несколько из них даже решили подобраться к танкам, чтобы заставить замолчать навсегда. Другие решили поступить ещё более нагло и вознамерились захватить самого иракского министра.

– Командир, если я приведу министра обороны, то мне за это будет какая-нибудь награда? – спросил один из этих дерзких добровольцев.

– Вы, давайте, приведите его, а я буду молить Бога о том, чтобы наградой вашей стало мученичество на Его пути! – задорно отвечал Мир-Хусейни.

Таким образом на седьмой день операции под предводительством Мир-Хусейни мы втоптали в грязь наших врагов...».

С Али Наджибзаде я познакомился ещё в первый день своего исследования. Это был тот, кто писал о том, как они вместе с Мир-Хусейни держали оборону будучи в одном канале во время операции "Аль-фаджр-3". Другие его истории я не читал, а отложил до соответствующего момента, который как раз и наступил. Я беру бумаги и начинаю читать:

«Прямо во время выполнения операции Мир-Хусейни и Хусами на мотоцикле прибыли к нам. Враг шаг за шагом развивал свой успех и продвигался всё дальше. Эти забрались на вал и через бинокль начали изучать позиции вражеской техники. Огонь по нам вёлся очень сильный. Снаряды самых различных калибров и видов взрывались недалеко от Мир-Хусейни, так, что раскидываемый грунт иногда попадал на него. Со всех сторон к нему со свистом летели пули.

Я больше не мог спокойно смотреть на это – быстро подобравшись к нему, схватил его за руку и потащил вниз, в окоп.

– Слушай, ты в кои-то веки пришёл к нам, так не надо теперь лезть на рожон, чтобы тебя тут же прикончили, – возмущённо сказал я. – Что ты стоишь там, как штык?

– Не переживай за меня, – посмеявшись, спокойно сказал он, после чего опять полез наверх. Пули и осколки опять норовили задеть его, со свистом пролетая совсем рядом, а он всё так же спокойно и беззаботно что-то высматривал впереди.

Я опять не выдержал – схватил его за ногу и затащил обратно. Когда он встал, то протёр моё лицо своей рукой и сказал мне:

– Брат мой, Наджиб! Я же сказал тебе, чтобы ты не переживал за меня. Со мной ничего не случится. Мне прекрасно известно, когда именно со мной должно что-то произойти. Теперь позволишь ли ты мне делать то, что я должен?

В тот день до того момента, пока Мир-Хусейни не слез оттуда вниз, я, наверное, раз сто уже умер и вновь ожил. Да, это был Мир-Хусейни, который заменял собой целую дивизию.

В конце концов, когда прошло уже несколько дней тяжелых боёв, мы сумели закрепиться на другом берегу реки Арванд. Все эти бои, которые происходили в этой сухой солончаковой долине, очень сильно утомили нас. Мы зашли в одно из зданий вблизи нашего гарнизона, и как мёртвые повалились на землю, чуть ли не один на другого.

Время близилось к вечеру. Я тогда был вместе с Махмудом Казымом.

– Давай, вставай. Совершим молитву, и после этого поспим, – сказала он мне.

Его веки будто не могли отлипнуть друг от друга. Мы совершили малое омовение и встали на молитву. Когда он ушел в земной поклон, то застыл в этой позе и не двигался. Прошло достаточно много времени, и я, не выдержав, толкнул сбоку, в плечо, а он так и повалился на землю. Как оказалось, он просто уснул. Проснувшись, он встал и пошёл заново совершать малое омовение, после чего опять встал на молитву. Из-за сильного желания поспать он так и качался из стороны в сторону, когда стоял на молитве. Глаза его были закрыты, и лишь губы что-то читали. Опять повторилось то же самое – он ушел в земной поклон и опять уснул. Весь цикл повторился вновь. Я сосчитал – в общей сложности он брал омовение и пытался совершить молитву 24 раза.

Где-то через час пришел Мир-Хусейни. Ребята, как на пружинах, сразу же вскочили. Мы собрались в одном месте, после чего он встал впереди нас и начал говорить. Он говорил о войне, обо всех сложностях и невзгодах ее и о том, что у нас не хватает живой силы. Всё это было к тому, что мы сами опять должны подготовиться и идти на передовую.

Его речь закончилась. Казымзаде сел рядом со мной. Мир-Хусейни тоже подошёл.

– Вставайте, – тихо сказал он нам. – Готовьте всё необходимое и выдвигаемся.

Мы встали вместе. Глаза его были красные красные. Как и велел нам наш командир, мы пошли готовиться к выступлению.

Обычно после завершения боевой операции мы отходили назад, чтобы получить увольнительный отпуск. Транспортом для нас служила машина скорой помощи. На ней мы доехали до города Бехбехан. Была уже ночь, и все мы были дико уставшие. Мы отправились к месту дислокации армии. Я уже заранее знал, что нас не пропустят туда, но в голову мне пришла одна идея. Я дал газу и быстро подъехал к контрольно-пропускному пункту, и прямо рядом с ним резко затормозил. Охранник вышел из своей будки.

– Все эти люди со мной, – невозмутимо и уверенно сказал я, так, будто в том, что я имею право заехать на территорию, не вызывало никакого сомнения. Он поднял шлагбаум, и мы благополучно заехали внутрь. Я был очень счастлив тому обстоятельству, что моя маленькая хитрость сработала, и мы смогли попасть на базу. Я припарковал машину, и мы начали искать, где можно было бы совершить омовение и молитву. Когда мы уже совершили омовение, то к Мир-Хусейни подошёл тот самый охранник.

– Брат, ты сам из какого батальона? – спросил он.

– Из 41-го, "Сарулла", – ответил ему Мир-Хусейни.

– В таком случае, вы должны покинуть территорию базы, – сказал охранник.

– Почему? – с удивлением спросил он.

– Потому, что отдыхать и совершать молитву солдаты должны в другом месте, – последовал ответ охранника. – Из-за того, что ваш водитель сказал, что вы все с ним, то я подумал, что вы относитесь к войскам внутреннего назначения.

Как только он услышал эти слова, то тут же повернулся к нам.

– Нам надо выходить отсюда, – сказал он нам.

– Командир, какая в принципе разница, где мы будем совершать молитву или отдыхать? В конце концов мы ведь все относимся к Корпусу! – начал я протестовать.

– Таковы здешние правила, – последовал его ответ.

– Ну, так давай хотя бы совершим молитву здесь, раз уж мы все готовы к ней, – сказал я.

– Нет, такого права у нас нет. Да и если мы её совершим здесь, вопреки установленным правилам, то в ней не будет никакой пользы, – сказал он, и после того, как мы вышли, он начал упрекать меня, – почему ты так сказал охраннику? Ты ведь просто-напросто обманула его. Всевышний ведь знает, что ты лжешь. Так зачем ты сказал ему неправду? Брат мой, всегда старайся, чтобы в твоих делах и словах была искренность и правдивость. Ложью ты не приобретёшь ничего, что могло бы принести тебе пользу.

Сразу же после этих слов он изменил свой тон и по-дружески сказал мне:

– Вот тебе мой совет – никогда не позволяй заносчивости и гордости проникнуть в твоё сердце, не говоря уже о том, чтобы дать ей поселиться в нём.

Где-то к полуночи мы достигли города Керман. Мир-Хусейни спал. Бензина было мало, и поэтому мы заехали на бензозаправку. К нам вышел тамошний работник:

– Мы наливаем бензин только по купонам, – сказал бензозаправщик.

Для того, чтобы без лишней головной боли получить бензин, наш предпринимчивый водитель решил проявить свое актёрское мастерство.

– У нас раненый! Наливай быстрее бензин! – сказал он с таким видом, будто очень сильно торопится доставить кого-то в больницу.

Мир-Хусейни тут же проснулся.

– Самое большее, что я могу для вас сделать, так это дать вам 15 литров, чтобы вы могли добраться до госпиталя, – сказал бензозаправщик. – Дать вам больше этого я никак не могу, потому как у нас строгий учёт, и я должен предоставлять выше полученные от покупателей купоны.

– Что случилось? – спросил Мир-Хусейни.

– Да ничего, командир. Спи дальше, – ответил ему водитель.

– Я не хочу спать, – приняв сидячее положение, сказал он.

Я вкратце объяснил ему, в чём тут дело.

– Ты солгал, – выходя из машины, сказал он водителю. Я не знаю почему, но когда он шёл, то сильно тряся, как будто бы от страха.

– Послушай, наш водитель сказал тебе неправду. Я извиняюсь за него и за всех нас. У нас нет раненых. Поступай так, как должен, согласно правилам, – сказал Мир-Хусейни бензозаправщику.

Мы были вынуждены переночевать там же, около бензозаправки. На следующее утро после завтрака я спросил у менеджера этого предприятия:

– Имеется ли какой-либо способ, с помощью которого мы могли бы

получить бензин?

– Отправляйтесь в губернаторство. Они вам дадут документ, который даст вам право получить его, – ответил он.

Взаимы он предоставил нам 4 литра бензина, чтобы мы могли доехать туда и обратно. Мы поехали, получили необходимые документы, после чего благополучно залили полный бак. Смысл того, что говорил и делал в ту ночь Мир-Хусейни, навсегда останется в моей памяти. Даже если на практике правила иногда лишь усложняли жизнь и никакой пользы в себе не несли, сам принцип соблюдения закона был для него священным...».

Из той пачки бумаг, которые были связаны с операции "Аль-фаджр-8", осталось только два листа, которые я ещё не прочитал. Я встал, зажег керосиновую лампу и поставил на неё чайник. Пока он не вскипел, я начал читать воспоминания Яхъя Шейха Виси:

«В то время я собрался идти на передовую линию. Тогда я был среди тех, кто держал оборону в районе Эль-Фао. Как-то раз, когда Пур Хосрови увидел меня, он написал для Гулам Хусейна Шахрияри письмо и сказал мне, чтобы я доставил его ему.

– Чтобы добраться до их позиций, мне надо пройти через огонь и пламя, и поэтому у меня есть одно условие, – сказал я ему.

– Какое условие? – Спросил он.

– Чтобы за каждое слово, которое написано в письме, я вклеил ему по одной увесистой оплеухе, – шутя, сказал я.

– Так уж и быть, – посмеявшись, сказал он.

Как ни странно, но до передовой линии я добрался без особых проблем, и сразу же направился к командному блиндажу. Там я увидел Мир-Хусейни.

– Где Шахрияри? – спросил я его, после всего вступления.

– Сейчас придёт, – сказал он.

Когда он прибыл, то я показал ему письмо и озвучил то условие, с которым я доставил ему его.

– Ладно, быть по-твоему, – смеясь, сказал он, – только давай перенесём исполнение приговора до завтрашнего утра.

На такую отсрочку я не согласился. Мы живо обсуждали этот вопрос, как вдруг Мир-Хусейни решил рассудить нас.

– Давай сделаем так – до утра поручителем Шахрияри буду я. Ты согласен?

– сказал человек, после того, как я объяснил ему, в чем дело.

Я проявил великодушие, и потому согласился. Отдав письмо, я ушел оттуда.

На следующее утро около 8 часов меня опять отправили с поручением на передовую. Перед тем, как вернуться обратно, я быстро заскочил к Мир-Хусейни.

– Так, где же Шахрияри? – спросил я его. – Время расплаты уже настало! – весело сказал я.

Неожиданно для себя я увидел, как глаза Мир-Хусейни тут же прослезились, стоило мне только произнести его имя.

– Командир, что случилось? – спросил я его.

– Его увезли обратно, на родину, – ответил он.

– Его что, ранили? – Быстро спросил я.

– Нет, не ранили – последовал ответ.

Сказав это, он склонил голову и начал плакать. Вдруг в одно мгновение, как только я осознал, что его убили, моё сердце наполнилось скорбью.

– Это был первый человек, поручителем которого я становился. Если хочешь, то можешь исполнить приговор в отношении меня, – сказал он.

Горько плача, я быстро ушел оттуда...».

В то время Гулам Аббасу Кавуси было совсем мало лет. Об этом говорится в первой же строке его повествования:

«Я отправился на фронт в 1985-м году. Телом я был очень мал, и поэтому мне сказали, чтобы я вернулся обратно домой. Однако я так долго настаивал, что они были вынуждены согласиться.

Как-то раз Мир-Хусейни начал готовиться к тому, чтобы пойти на передовую. Я напросился идти вместе с ним в качестве радиста. Это был первый раз, когда я шёл к передовой линии. Нашему пути сопутствовали разрывавшиеся вокруг нас снаряды. Инстинкт самосохранения подсказал мне, что в этом случае лучше идти склонившись ближе к матушке-земле, чтобы уменьшить шансы попадания осколка или пули. Что касается Мир-Хусейни, то он даже голову свою не наклонял – так и шёл ровной ступью, как будто мы были вовсе не на войне. Продвинувшись достаточно вперёд, мы обнаружили, что наши ребята только что отбили позицию у иракцев. Мир-Хусейни настаивал на том, чтобы я остался в одном из окопов и не шёл больше вперёд. Я, естественно, не согласился, и пошёл дальше вместе с ним. Не знаю точно, что тогда случилось – то ли снаряд попал в место, где хранились боеприпасы, или же снаряд взорвался недалеко от нас, – но в меня угодил увесистый кусок цемента, который попал мне в плечо. Я упал на землю и потерял сознание. Уже потом наши рассказывали, как Мир-Хусейни шутил о том, что я скорее потерял сознание от страха, нежели от

полученного удара. Он облил мою голову водой, чтобы я пришел в себя. В тот день он положил мою руку на своё плечо и потихоньку отвёл меня обратно. Вообще, он был одним из тех редких людей, слова которых исходят из их сердец, и он много чего рассказывал мне в тот день, и я чувствовал, как слова его влияют и меняют меня. Доставив меня до места назначения, он распрощался и ушёл обратно. Боль в плече постепенно становилась меньше.

После того раза он больше не брал меня с собой, но как же я этого хотел...». Чайник уже начал кипеть. Я взял термос и залил в него кипяток. Все мои мысли в этот момент были только о Мир-Хусейни. Согласно моему плану, я должен был находиться здесь ещё три дня. За эти три дня я должен был раскрыть неизвестные или малоизвестные стороны из жизни этого человека. Я вернулся к своим бумагам. На данный момент они стали моей жизнью, и из них мне предстояло составить личностный портрет этого человека с большой буквы, чтобы память о нём сохранилась для нас и следующих поколений.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Изучение бумаг, связанных с боевой операцией "Аль-фаджр-8", близилось к концу. День Эль-Фао, солёного озера, шоссе «Умм Аль-Каср», развилки «Шахадат», реки Арванд – каждый из них известен среди обитателей небес больше, чем они известны среди обитателей земли, как и те мужи, которые сражались в те дни.

Наступила очередь изучения бумаг, связанных с операцией "Кербела-1". Мир-Хусейни приходилось воевать на этой земле и в другой операции, а именно – "Аль-фаджр-3". Судьба его распорядилась так, что он вновь отправился туда, и мысли мои отправились вслед за ним.

И я своими мыслями вступил на эту известную мне землю, и стал спутником тех людей, которые были свидетелями воинственности и отваги Мир-Хусейни. Первый из них Хабиб Шахраки:

«Это было в мае 1986-го года. Со дня окончания операции "Аль-фаджр-8" прошло уже почти три месяца. После этой тяжелой и сложной операции почти все мы взяли увольнительный, начиная от командного состава и заканчивая простыми солдатами.

На позиции осталась лишь небольшая группа. Я был уже в городе, когда Фарси пришел ко мне.

– Звонил Мир-Хусейни, – начал он, – и сказал, что шоссе Аль-Бахар, которое в данный момент находится под контролем наших сил, угрожает опасность со стороны врага, который норовит вот-вот напасть на наши позиции. На том участке у нас нет сильных и организованных подразделений. Есть только несколько разрозненных отрядов, над которыми мы временно поставили одного человека. Мир-Хусейни сказал, чтобы ты, если это возможно, в течение 24 часов прибыл к нему.

Для нас был подготовлен самолёт, на котором мы и полетели. Из аэропорта вместе с остальными мы отправились на боевой участок. Как только мы прибыли, Мир-Хусейни сразу же ввёл нас в курс дела. Враг был готов к наступлению. Меня Мир-Хусейни отправил на передовую линию. Мы вместе распределили имеющиеся у нас силы и приготовились к тяжелой обороне.

Находясь там, на передовой линии, я размышлял о том, что вся жизнь Мир-Хусейни была целиком и полностью отдана этой войне, и что он всегда был готов к сражению. Мир-Хусейни был воином в истинном смысле этого слова.

После того случая мы отправились на выполнение операции "Кербела-1". Наши войска одной колонной направлялись из Хосровабада в сторону высот Калавизана.

– Ни за что не теряй меня из виду, – сказал мне Мир-Хусейни, когда мы шли туда.

Я был его посыльным, и если меня не было рядом, то его дела сильно стопорились. Я без конца ходил туда-сюда, доставляя послания Мир-Хусейни командирам батальона, бригады и другим людям. Мы собирались провести контрнаступление с трёх сторон – правого фланга, левого фланга и по центру. Центральная часть была наиболее важным участком, и поэтому руководить силами на ней было поручено Мир-Хусейни.

Мы дошли до минного поля. Путь до него занял два или три часа. Здесь были заложены мины самых разных типов и моделей – Valmara 69, TS-50, M409 и другие. Наши сапёры расчистили дорогу, однако врагу стало известно об этой вылазке. Тем не менее, они не знали, что мы наступаем по всем трём направлениям. Мы были готовы двигаться дальше. В этот момент враг дал команду открыть огонь, и на нас полился свинцовый град. Пули летели почти на уровне земли, так, что могли задеть нас даже тогда, когда мы лежали на земле. Никто не мог поднять головы. Я как-то пытался предпринять попытку, но свистящие у правого и левого уха пули отбили моё желание. Куски грунта так и бились о моё лицо. Я лежал, и не смел отнять от земли голову.

– Вставай и открывай огонь по линии! Пора уже двигаться! – сказала мне Мир-Хусейни.

Минное поле было очень большим и до врага нам было ещё далеко. С высот Калавизана по нам непрерывно стреляли. Двигаться в таком положении было нельзя, и поэтому мы ожидали наступления момента, когда вражеский огонь немного поутихнет.

Прошло 10 минут. План атаки был составлен таким образом, что за полчаса до выхода луны, то есть, в полной темноте, мы успели бы подойти ближе к врагу, а затем, когда луна всё осветит, мы бы очистили их окопы и оборонительные сооружения. Время восхода луны было уже близко. В этот самый момент я полушутя и полусерьезно сказал Мир-Хусейни:

– Сейчас мы можем без проблем атаковать их, а ты мне говоришь встать и атаковать их тогда, когда все оружие было направлено на нас!

На самом деле, я просто сказал первое, что пришло мне в голову. В данном случае моё высказывание не было лишено упрёка за столь безрассудный

приказ. По ходу нашей операции я видел, как одна крупнокалиберная пуля разорвала край рубахи Мир-Хусейни, однако он не обратил на это никакого внимания. В другой раз пуля пролетела прямо между его коленями, но он также был равнодушен к этому. Он замечал абсолютно всё, кроме пуль врагов и угрозы смерти.

Я смотрел на него, тогда как сам находился в лежачем положении. Он стоял прямо и уверенно, и, как мне казалось, выглядел он в десять или даже в сто раз больше, чем был. Действительно, он был подобен несокрушимой скале перед лицом врага, за которой мы все укрывались.

Он двигался дальше, но колонна застопорилась. Увидев его и то, с какой непоколебимой уверенностью он шёл вперёд, я сам вдруг осмелел и, наконец, встал. Мир-Хусейни шёл через проложенный для нас сапёрами путь, и мы бежали вслед за ним. Тем временем картина была такой, будто бы какой-нибудь дракон сел на высоте Кавизан и извергал на нас жидкий огонь – столь массивным был обстрел врага.

Мир-Хусейни был первым из нас, кто добрался до вражеских окопов. Мы тут же подоспели за ним. Без особых затруднений нам удалось прорвать линию, но если бы с нами не было Мир-Хусейни, то вряд ли это вообще получилось бы, не говоря уже о том, что без особых проблем.

Наступило утро, и земля постепенно начала освещаться. Наши ребята зачищали окопы и продвигались всё дальше вперёд. Враг неумолимо отступал назад.

Я начал искать Мир-Хусейни. Он вообще ни на мгновение не мог остановиться, и всё время переходил с места на место, решая какие-то задачи и отдавая приказы. Оказалось, что он занимается тем, что гранатами подрывает окопы, выкуривая, тем самым, неприятели из укрытий. За ним неукоснительно следовали и остальные. В какой-то момент, когда я находился над окопом, прямо на его краю, я услышал взрыв, который раздался где-то внизу, от которого земля содрогнулась, что я почувствовал и своими ногами. Почти сразу же я услышал голос Мир-Хусейни, который доносился откуда-то снизу:

– Зачем ты залез туда? Что если бы осколки задели тебя? – грубо крикнул он.

Он был явно раздосадован моей безалаберностью. Когда он подошёл, то я начал просить у него прощения. Он сразу же обнял меня.

– Я разозлился лишь по той причине, что тебя могло ранить или хуже того!
– примирительно сказал он мне.

В тот день он без конца пытался загладить свою грубость и сделать так, чтобы я не держал на него зла за его грубые слова, хотя никакой обиды или расстройства в сердце у меня не было. Я ведь понимал, что Мир-Хусейни не хотел меня задеть этим, а руководствовался исключительно тем, что переживал за меня.

Очистив все окопы, мы сами закрепились на той позиции. Вражеские танки, которые спешно ретировались при нашей атаке, постепенно возвращались обратно, по ходу своего движения ведя по нам огонь. Через час начался просто какой-то ад.

Переговоры по радиации не прекращались ни на секунду. Положение было очень сложным. Если бы мы отступили, то вся линия на том участке была под большой угрозой, а это означало, что мы не могли этого сделать. Мир-Хусейни сел на свой мотоцикл.

– Садись сзади, – сказал он мне.

Перед нашей вылазкой он вручил мне один противотанковый гранатомёт. Минувя все преграды и уклоняясь от вражеского огня, мы подобрались к танкам. Он говорил, в какой конкретно танк стрелять, а я, в это время, вёл огонь.

Мы вернулись. На следующую вылазку он взял Хосрови, на третью – Бахерати. Таким нехитрым способом в тот день мы подбили восемь танков, после чего они не смогли продолжать наступление, и их атака захлебнулась...».

Али Кейха в своём сознании я представлял как высокого и тощего человека с ярковыраженным забольским акцентом, и чтобы понять то, что он говорит, надо было бы внимательно прислушиваться. Он передал довольно-таки много воспоминаний. Из них я выбрал ещё несколько:

«Мир-Хусейни никогда не мог долго находиться в одном и том же месте. Одна нога его была в тылу, другая – на передовой линии. Иногда бывало так, что наши ребята в один и тот же час видели его в совершенно разных концах, из-за чего иногда у них возникал спор. Каждый из них утверждал, что другой не мог его видеть, и что ему это лишь показалось.

Во время выполнения боевой операции "Кербела-1", я вёл свой отряд вперёд.

На высоте Калавизан завязались тяжелые бои. Когда мы шли, я видел, как по этой же тропе вперёд везли гранатомётные снаряды, патроны ДШК и другие боеприпасы.

В тот момент, когда мы уже находились в непосредственной близости от

высоты, то несколько наших ребят, которые приехали на танках, спрыгнули с них и начали в панике внушать нам, чтобы мы не шли вперёд. Я приказал колонне остановиться. Они рукой указали на высоту Калавизан и сказали, что иракцы пленили батальон, который двигался впереди нас. Я начал осматривать тот участок через бинокль. Там было много дыма и пыли. Было видно, что какой-то отряд сдаётся в плен другому, и что эти другие, захватив контроль над участком, постепенно вытаскивают всех из окопов. Нельзя было точно сказать, какой из отрядов был нашим, а какой иракским.

Я поехал обратно на мотоцикле, прямо к Мир-Хусейни. Придя к нему, я сказал, чтобы он быстро ехал со мной. Мы вернулись. Когда мы прибыли на место, то он тоже начал смотреть в бинокль. Он тут же вынес свой вердикт, что дело обстоит как раз наоборот – наши ребята из пятой дивизии пленили иракцев. Он был очень недоволен той трусливой дезинформацией, которую нам дали те ребята с танков. Их наказание было суровым. После этого он тут же двинулся вперёд, ближе к центру событий. Мы отправились вслед за ним. Ещё по дороге до меня уже успели дойти слухи, что он попал в засаду иракцев, из которой он так и не смог выбраться. Вообще было непонятно, откуда бралась вся эта дезинформация, на которую был богат тот день. Мы прибыли на место, после чего внесли свою лепту в пленение оставшихся иракцев.

Нет, Мир-Хусейни не мог быть в одном месте. Его дух был настолько свободолюбивым, что ему нужен был мир намного больше того, который мы с вами имеем. Он был очень великодушный человеком, очень...».

Да, поистине, этот человек с сильнейшим духом прошёл все горячие точки от и до, свидетелем чему является высота Калавизан, которая наблюдала за тем, как он бесстрашно воюет, за тем, как он одним своим боевым кличем побуждает всех на героизм. Его голос всегда будет помнить долина Мехрана. Другим свидетелем всего этого был Али Агаи, от которого передали следующее повествование:

«Мир-Хусейни умел говорить внушительно не только тогда, когда находился на какой-нибудь нашей базе, вовсе нет. В гуще сражения своей речью он побуждал людей к таким поступкам, которые до этого казались им невозможными. Во время выполнения операции "Кербела-1" наши силы захватили высоту Калавизан и двигались дальше, в сторону города Мехран. Враги как сумасшедшие атаковали нас, так, что они уже достигли окопов, у которых наши ввязались с ними в рукопашный бой. Такие

факторы, как нехватка боеприпасов, живой силы, воды и жаркое солнце, что неустанно пекло наши головы, создали для нас смертельную опасность.

Вражеские танки все ближе и ближе подходили к нам, и уже взяли под контроль весь участок.

Мы были совсем потерянными и обескураженными, когда к нам вдруг прибыл Мир-Хусейни. Будучи прямо под вражеским огнём, через громкоговоритель он вещал для нас:

– О, помощники Хусейна ибн Али! Здесь – поле вашего испытания. Здесь – Кербела, и если вы утверждаете, что готовы отдать жизни за нашего имама, то укрепите свою решимость и отбросьте врага назад! Вставайте, и покажите, как вы пройдёте это испытание! Это – место, в котором отделиться ложью от истины! Так, Славьте же Господа и бейте врага прямо в сердце!

После этой его речи все, кто были там, были в таком состоянии, будто они только что прибыли на передовую – полные энергией и решимости. В едином порыве они атаковали врага и, завязался ожесточённый бой. Примерно через час после начала атаки враги отступили ещё дальше назад, и после этого на том участке наступило затишье. Серьёзная угроза с этой стороны была ликвидирована...».

Последний рассказ, связанный с этой операцией, принадлежит Али Резе Хайдари:

«Тот раз был первым, когда я принимал участие в боевой операции. Это была операция "Кербела-1". К передовой линии мы могли двигаться исключительно в ночное время суток. Мы выстроились в одну колонну и двигались только тогда, когда нам это велел командующий, личности которого я тогда ещё не знал. В то время в том районе проходили тяжёлые бои и пули летели буквально со всех сторон. Почти всё время мы передвигались исключительно вдоль оврага. Не успели мы дойти и до середины пути, как нас неожиданно повернули назад и повели по другой дороге. Посреди дороги мы опять изменили маршрут, из-за чего пришлось возвращаться туда, откуда мы только недавно шли. Так повторилось несколько раз. Данное обстоятельство не могло не обескуражить меня – не было вообще понятно, чего конкретно от всех этих телодвижений ожидает тот, кто управляет всем шествием. Тем временем огонь врага не становился слабее – мы потеряли нескольких убитыми, и ещё нескольких ранили, в том числе и меня, из-за чего мне, следовательно, пришлось

вернуться. Обратный путь тоже сопровождался тысячей и одной проблемой.

Через несколько дней после этого я встретил Мир-Хусейни. Он спросил о моих делах и моём состоянии, и мне было сложно удержаться от того, чтобы пожаловаться ему на бездарность нашего руководства, чем я и начал заниматься. Я говорил ему о дезорганизованности наших сил, о том, как нас без всякого на то смысла гоняли туда и обратно, причём несколько раз. В общем, я описал всё так, что в долгу перед нашим руководством не остался. Мир-Хусейни, в свою очередь, старался объяснить те или иные действия, смысл которых мне был не ясен. В общем, в тот вечер мы разговаривали очень долго и весьма детально обсудили этот вопрос.

На следующий день, когда мы с ребятами тоже начали обсуждать ту операцию, один из присутствующих поведал мне, что Мир-Хусейни в ту ночь шёл в самом начале колонны и был её направляющим. Во мне начало назревать чувство жгучего стыда.

– Ты в этом уверен? – тут же спросил я.

– Ну, конечно! – ответил он мне. – Командующим и управлявшим нашими силами в ту ночь был именно Мир-Хусейни.

Чувство стыда назрело. Тут же мне вспомнился весь мой вчерашний разговор с ним и всё то нелицеприятное, что было сказано мною в его, как оказалось, адрес.

Я был в полном изумлении от благородства его нрава, которое он проявил. Что я только не наговорил про него тогда. А он что? Он не то, чтобы вытерпел всю мою необоснованную критику, источником которой было только непонимание всех тонкостей вопроса, однако он даже не воспринял это в негативном свете, потому как прекрасно понимал, что и я, в свою очередь, говорю всё это не со зла. Далеко не каждый смог бы проявить такую снисходительность...".

Всё, весь материал по операции "Кербела-1" был пройден. Я собрал всё, что было связано с этой операцией, и положил к другим пройденным бумагам, после чего приступил к оставшейся части.

Несмотря на то, что из всех прочтённых мною историй я узнал немало об этой личности, однако меня увлекало за собой непреодолимое желание узнать ещё больше и ещё ближе познакомиться с ним, и, следуя своему желанию, я начал читать бумаги одну за другой. Большая их часть не могла быть отнесённой к какой-то конкретной теме – сотни разных людей, которые рассказали тысячи разных историй и случаев о нём.

Первое повествование, которое привлекло моё внимание, принадлежит перу Абдоль-Хусейна Мир-Шахраки:

«Однажды я отправился в лагерь, в котором должен был находиться Мир-Хусейни. Целью моей было увидеть его. Когда я прибыл, был уже полдень. Все готовились к совершению дневной молитвы. Искать его в этот момент было бы неправильно, и я решил заняться поисками его уже после молитвы.

Совершив молитву, я начал искать его там же, где мы молились, но не нашёл. Наступило время обеда, и все шли в столовую. Делать было нечего, и я пошёл вслед за ними. В столовой все стояли, выстроившись в длинный ряд. Я также встал в конце очереди.

Получив свою порцию пищи, я выбрал уголок поскромнее и сел там. Пока кушал, я размышлял о том, что, судя по всему, командиры и генералы кушают не здесь, а в штабе, что означало, что застать здесь Мир-Хусейни мне не удастся. «Раз уж я должен идти к нему, – размышлял я, – то надо было сделать так, чтобы мой визит был уже после того, как он закончит с трапезой...».

Вдруг, я увидел Мир-Хусейни, который только вошёл в эту же столовую. Как и все остальные, он встал в конце очереди. В руках у него были чётки, и он всё время что-то читал, перебирая их. Я быстро встал со своего места и направился к нему. Мы поздоровались и начали расспрашивать о делах друг друга.

– Слушай, ты садись, а я принесу тебе еду, – сказал я ему.

Он наотрез отказался от этой затеи. Пока мы с ним стояли там, ещё несколько человек подошли и предложили ему то же, что и я. Несмотря даже на то, что некоторые из них были весьма настойчивыми, но Мир-Хусейни был неумолим. Мы с ним достояли очередь, и, взяв его порцию, пошли туда, где я сидел, и принялись за еду. Он вёл себя так, как будто был не командиром почётной дивизии "Сарулла", а обычным солдатом. Никогда он не признавал того, чтобы хоть как-то выделяться из тех, кем он командовал. Мир-Хусейни был для нас, как брат...».

Мухаммад-Али Джами поведал о простом случае из своей жизни, который, тем не менее, оставил в его сердце глубокий след, и главным героем этого случая, конечно же, был Мир-Хусейни:

«Иногда бывает так, что о каком-либо человеке ты помнишь только один единственный случай и одно единственное проявление его личности, но и этого одного случая достаточно, чтобы он навсегда занял своё заслужен-

ное место в твоём сердце, и, вспоминая его, ты чувствуешь тепло...

Меня в составе одной группы должны были отправить на фронт. Все ребята этой группы были родом из Систана. Нас посадили в автобус, который ехал до Кермана, где к нам должен был присоединиться другой местный отряд, после чего наш путь лежал до самой передовой линии.

В сопровождении того состава был также и Мир-Хусейни. Мы добрались до округа Бардсир, который находится в Кермане. Дело близилось к полудню, и среди ребят постепенно нагнеталась мысль о том, что уже пришло время молитвы, и было бы хорошо остановиться, чтобы совершить её. Мир-Хусейни сказал водителю, чтобы он остановил автобус где-нибудь, где мы смогли бы совершить молитву. В первом же населённом пункте он остановился, и все начали готовиться к молитве. Когда мы встали на неё, то предстоятелем нашим был Мир-Хусейни. Случай этот произошёл как раз тогда, когда мы были на молитве, а точнее – в последнем земном поклоне. Будучи в поклоне, моё внимание вдруг привлёк голос Мир-Хусейни, который в своей мольбе просил Всевышнего о прощении. Он говорил так, что мне казалось, будто галька под нами сейчас начнёт взрываться, а земля разверзнет свою поверхность и бесповоротно потеряет нас в своей утробе. Я не знаю, что со мной случилось, но просто от того, что я слышал его голос, всё моё тело начало трястись.

Наконец, он встал из земного поклона, и мы встали вслед за ним, и через короткое время закончилась и сама молитва, но этот голос, что тронул меня за самую душу, так и остался у меня в голове. В этом голосе я видел Бога, Мир-Хусейни, весь этот мир и последнюю обитель. Именно поэтому я и сказал, что иногда бывает так, что один единственный случай и одно единственное проявление личности, которые мы наблюдаем, способны оставить свой след в человеческой душе на всю жизнь...».

Над своей головой за свою жизнь я видел не мало самолётов. В годы войны вражеские самолёты прибывали, чтобы бомбить наши города. Когда падали бомбы, я наблюдал за людьми, которые бежали кто куда, подобно стаду, на которое напал очень голодный волк. Это было обыденным явлением в такие моменты, и удивляться здесь особо было нечему...

Думы об этом у меня начались тогда, когда я читал рассказ Хасана Коштегяра:

«Все люди были собраны в лесном военном лагере, чтобы оттуда распределить их по разным батальонам. В то время там собралось много людей из Кермана, Заболя, Захедана, Сирджана и других районов. Наступило уже

полуденное время, но распределены были ещё далеко не все.

Было решено отложить этот процесс, пока все не совершат дневную молитву и не пообедают.

Мир-Хусейни тоже встал на молитву, и как раз в этот момент до нас дошёл звук приближающихся самолётов. Судя по всему, это были самолёты противника, потому как совершать такие манёвры в это время наши бы не стали. Все разбежались по сторонам, как стадо, на которое напал волк. Я потерянно наблюдал за происходящим. Будучи между деревьями, я смотрел на небо, как вдруг боковым зрением заметил стоящего Мир-Хусейни – он стоял прямо посреди плаца и совершал свою молитву, будто бы с того момента, как он начал, ничего не изменилось. Будто не было всех этих самолётов, которые прилетели по наши души. Если честно, как только я увидел его, то мне самому стало стыдно прятаться где-либо. Я просто стоял и смотрел на него, пока он не закончил. Спокойно закончив молитву, он повернул голову в две стороны, после чего устремил свой взгляд к небу. Было такое чувство, будто он только вернулся из другого мира, и пока ещё не понимает, что находится в военном лагере, над которым кружит вражеская авиация...

Мир-Хусейни был человеком совершенно другого склада. С тех пор я больше не видел никого, кого можно было бы сравнить с ним...».

Среди прочих историй я натыкаюсь на повествование Махди Суфи. Он был маддахом²⁷ и агитатором. Он написал много разных случаев, связанных с Мир-Хусейни. Я и ранее читал некоторые из них, и вот пришла очередь других его историй:

«Это история о Мир-Хусейни и его любви к зиярату Ашура.

Когда мы были в военном лагере, то из-за стечения определённых обстоятельств получилось так, что уже несколько дней подряд не было коллективного чтения зиярата Ашура. Мы не могли найти нормального чтеца, имелись сложности с помещением и ещё несколько небольших проблем.

Когда Мир-Хусейни понял, что это уже не исключение, а перетекает в правило, позвал меня.

– Почему вы прекратили коллективно читать зиярат Ашура? – резко спросил он, когда я прибыл к нему.

Не успел я озвучить первую из причин, как он перебил меня:

²⁷ Род деятельности, связанный с проведением траурных церемоний и других религиозных обрядов. Как правило, маддахи обладают хорошим голосом и поставленной речью.

– Совсем не обязательно, чтобы тот, кто читает зиярат, обладал отличным голосом. Главное не это, а то, чтобы здесь, среди наших воинов, зиярат Ашура не был предан забвению.

Мы определили место, в котором будем проводить это мероприятие. Время было назначено на конец ночи перед началом рассвета. Иногда случалось и такое, что наступало время чтения молитвы, но людей в помещении было ещё мало. Когда наступало время чтения, то Мир-Хусейни осматривался и спрашивал тех, кто присутствовал, будут ли они читать зиярат. Если добровольцев не находилось, то он сам брал микрофон и принимался читать его. Голос у него был далёк от совершенства, но, как он сам сказал, главным был сам факт проведения такого мероприятия, а не уровень его исполнения.

Однажды, когда мы шли вместе с Мир-Хусейни, он говорил мне о том, каким должен быть маддах.

– В первую очередь маддах должен сам прочувствовать то, что он говорит, – говорил он мне, – и лишь только после этого он сможет хоть как-то влиять на остальных и зажечь их сердца. Если речь его не исходит из самого сердца, то, как бы он ни старался, он не сможет тронуть сердца собравшихся.

И вот однажды, когда мероприятие проводил я, по его завершении он подошёл ко мне.

– Зачем ты так часто отвлекался от самого чтения? – начал он меня отчитывать. – В этом не только не было никакой надобности, но более того – оно вредило главному смыслу зиярата! Твоя задача была лишь в том, чтобы говорить от самого сердца, а не контролировать всех и напоминать им о том, что они должны плакать в это время или ещё что-нибудь в этом духе!

Также Мир-Хусейни говорил:

– Для некоторых обязательных ритуалов необходимыми являются также и вступления. К примеру, перед совершением молитвы мы должны совершать омовение. Пусть это и не является установленной обязанностью, но когда ты выступаешь перед людьми, то будь в состоянии ритуальной чистоты. Мы всегда должны помнить, что находимся перед своим Господом. Омовение успокаивает душу человека и делает его ближе к Господу и Его праведным рабам, посредством которых он пытается снискать довольство Бога.

Он всегда хотел, чтобы везде проводились мероприятия по коллективному чтению молитв, и он всегда старался для воплощения этой цели и не

пренебрегал ничем для этого.

Был другой случай, о котором я хотел бы рассказать. Это было во время проведения очередной операции, и мы тогда находились в штабе. Приехал Мир-Хусейни, лицо, рука и тело которого были перебинтованы. Почти сразу же он начал расспрашивать о том, как у нас идут дела на передовой и как наши продвигаются вперёд. Можно было подумать, что все эти перевязки были наложены не из-за того, что он был ранен, а по какой-то другой причине. Мы начали выражать ему свой протест, что он, будучи в таком состоянии, интересуется военными делами, а не своим лечением, что он вообще не должен был сюда приезжать, а должен был отдыхать и восстанавливаться. Касем Сулеймани также был среди тех, кто негодовал по этому поводу. Каждый говорил ему что-то и настаивал на том, чтобы он вернулся назад в тыл, но Мир-Хусейни был неумолим. Состояние его тела ему было совершенно безразлично. Он остался и продолжал своё дело – управлять войсками...».

Время уже полдень. Я собрал бумаги, а следующий к чтению лист положил отдельно, чтобы начать с него, когда вновь приступлю к своей исследовательской работе. В тот день я решил, что больше ничего не буду читать. Впереди самая тяжёлая часть – последние дни жизни Мир-Хусейни, каждый из которых подобен тысяче дней. Я начал пребывать в ожидании наступления завтрашнего дня.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда мне привезли билет, я ещё спал. К билету прилагалась записка: «Мы купили Вам билет на послезавтра. Завтра, ближе к обеду, к Вам подъедет машина, чтобы отвезти до кладбища мучеников. Будьте готовы».

Моя командировка подходит к концу, что можно понять из этой записки. Теперь я уже знаю Мир-Хусейни достаточно хорошо, и более того – за этот короткий срок он стал для меня одним из самых близких людей. Его фотографию я повесил на стену в самом видном месте, на которую я смотрю больше сотни раз в день – он стоит уверенно, стойко и внушительно вещает собравшимся что-то.

Появилось желание проследовать за ним по всей линии его жизни – где он был, куда ходил, что делал, с кем виделся и т.д.

Мне известно, что последний увольнительный он взял перед операцией "Кербела-4". Также мне известно о том, что после четырёх лет супружества как раз в это время они ждали рождения ребёнка. Как он ушёл? Кто родился у него – сын, или дочь? Действительно, почему мне никто ничего об этом не рассказал?

В голове крутились эти вопросы, и я пытался найти на них ответ. Быть может, я просто упустил что-то, и мне надо просто связать несколько фактов, чтобы дойти до ответа?

Его ребёнку ныне должно было быть лет одиннадцать, но в доме Хадж Мурад-Али я не видел детей, которые могли бы быть такого возраста.

Я начинаю читать, и сразу же вспоминается то, что говорил их отец относительно последнего увольнительного Мир-Хусейни:

«Он тогда приехал с фронта. Каждый божий день он посещал одну из деревень, в которых выступал перед молодёжью с призывами отправиться на фронт. Иногда он также помогал мне по хозяйству. Однажды он сказал мне:

– Отец, пожертвуй что-нибудь в обет для нашей победы в этой войне.

Мир-Касем, даже когда он был ребёнком, приносил в жертву баранов и раздавал их мясо соседям.

– Хорошо, сынок, будь по-твоему, – ответил я ему.

– Эти две коровы вполне подойдут, – сказал он, указав на них.

Я согласился с ним, и с того дня эти коровы ждали победы наших воинов. С тех пор прошло несколько месяцев, но никаких вестей о том, что победа наших близка, не было.

– Сынок, о победе пока ничего не слышно, а фуража почти не осталось, – сказал я ему однажды, когда он только вернулся с фронта. – Что нам делать с этими коровами?

– Продай их, а деньги положи в банк, – тут же нашёл выход Мир-Касем. – Когда наши одержат победу, вот тогда и перечисли их по адресату.

Я так и сделал. Через какое-то время после этого Мир-Касем погиб, а я так и остался ждать вестей о войне и её завершении в нашу пользу. Как только мы победили, я отправил деньги на указанный им счёт.

За всю нашу жизнь не было такого, чтобы Мир-Касем попросил бы что-нибудь у нас для себя. Но в последний раз, когда он был у нас, он вдруг изменил своему принципу.

– Отец, подари мне одного из своих бычков, – сказал он мне тогда.

– О чём ты говоришь? Что значит «подари»? Они все в твоём распоряжении, и ты можешь делать с ними, что хочешь, – возмутился я.

– Мне это нужно для расходов на мои похороны, – откровенно заявил он.

– Иди и выбери любого на своё усмотрение, – сказал я ему, когда он начал настаивать на том, чтобы была определена конкретная скотина.

Мы вместе пошли в стойло.

– Вот этот, – сказал он, указав на одного бычка.

– Так тому и быть, этот бык твой, – только и ответил я.

Через несколько дней после этого он вновь вернулся на фронт. Спустя какое-то время по радио в очередной раз начали играть марш, который обычно включался тогда, когда наши шли в атаку. Я вышел на улицу, и вдруг услышал, как одна из скотин в стойле громко мычит. Я зашёл туда. Именно тот бычок, который я подарил Мир-Касему, вёл себя очень беспокойно – шумел, бодался, бил копытами. Выглядело это так, как будто его вели на бойню.

В тот момент я не мог понять, с чем это могло быть связано, но потом, когда я узнал о гибели сына и начал размышлять об этом, то понял, что такое странное поведение именно того бычка совпало со временем, когда Мир-Касем покинул этот мир...».

Я привёл комнату в порядок, которого она не видела уже давно. К этому моменту я закончил читать большую часть всех бумаг. Весь пройденный материал я сложил в две картонные коробки, а оставшееся положил перед собой. Осталось совсем немного. Я взял следующий лист. Это история от Аваз-Али Факири:

«Однажды по взгляду Мир-Хусейни я почувствовал, что он как будто хочет

мне что-то сказать, но он на это никак не мог решиться. Застигнув его в уединении, я спросил его:

– Слушай, у тебя есть ко мне какое-нибудь дело?

Он ничего не ответил. Я начал настаивать на том, чтобы он ответил.

– Да, я хотел у тебя спросить кое-что, и прошу тебя сказать мне правду! – наконец выговорил он.

– Что случилось? – с удивлением спросил я.

– Тот ковролин, который привозили сюда... От него что-нибудь осталось?

В те дни мы как раз закупили у изготовителей ковролин и ковры, которые отдавали семьям сражающихся за символичную цену.

– Да, – ответил я. – Почему ты спрашиваешь?

Он ничего не ответил.

– Прошу тебя, не заставляй меня стыдиться себя! – сказал я ему. – Скажи, что ты хотел?

Он опустил голову, и в таком положении сказал:

– Ковролин.

– Так, в чём вопрос? – ответил я. – Мы тебе его сейчас же выпишем!

– Но... – начал было он, когда я перебил его.

– Твои заслуги в этом деле велики, и вряд ли кто-то имеет на это право в большей степени, нежели ты. Кроме этого, до сих пор ты ни разу ничего не просил у нас.

– Ради всего святого, прошу тебя, Факири, скажи, все ли солдаты получили свою долю? – спросил он так, что было видно, как он переживает. – Моему отцу тоже нужен был небольшой кусочек.

– Мир-Хусейни, если нужно, то у нас и ковёр есть, не только ковролин, – всё пытался я его успокоить.

– Нет, мне нужен именно ковролин, – всё не мог он успокоиться. – Ещё раз проверь, и если все уже получили его, то, будь добр, выпиши и мне.

Перед тем, как мы расстались, он ещё раз всяческими клятвами меня убеждал, чтобы в том случае, если не все ещё получили причитающееся им, то для него я ничего не откладывал.

В конце концов Мир-Хусейни так ничего и не унёс для своего отца. Мы-то подготовили для него ковролин, но вскоре пришла весть о том, что он пал смертью мучеников...

Если он приходил к нам, то обязательно заводил со мной беседу.

– Все вы, которые находитесь здесь, – говорил он мне, – имейте в виду несколько вещей. Если вы не искренни в своей работе и не посвящаете

всецело Господу всё то, что вы делаете, то даже если вы будете трудиться день и ночь, то в этом не будет никакой пользы для вас. Если у солдат нет никаких проблем, то с плеч командующего также спадает большой груз, и он чувствует себя намного легче. Ему бывает легче размышлять и легче сражаться. Если семьи погибших довольны вами, то вами будет доволен Сам Всевышний...».

Я начал по порядку собирать бумаги. Когда я читаю эти истории, то будто бы сам становлюсь их участником и спутником Мир-Хусейни. Ныне моя мысль устремляется вслед за ним вместе с Хасаном Шахраки в город Шаламче:

«Это было где-то в середине сентября, когда Мир-Хусейни пришёл ко мне и сказал:

– Я собираюсь поехать в Керман. Если хочешь, то можем поехать вместе.

Ещё до этого в своих молитвах я просил Господа о том, чтобы случилось так, что я поехал бы с ним. Это было в пятницу, и до начала пятничной молитвы он должен был выступить с речью в мечети города Захедан. Мы поехали туда вместе, и он говорил там как всегда – мысль шла от сердца прямо в сердца его слушателей. После того, как молитва закончилась, мы отправились в Заболъ. Он хотел попрощаться со своими близкими. Когда он закончил со своей семьёй, то мы вернулись в Захедан и посетили местную больницу. Это было как раз в то время, когда его отец попал в аварию и был на стационарном лечении. В тот вечер Мир-Хусейни вволю шутил со своим отцом, чтобы как-то порадовать его. Вообще, Хадж Мурад-Али был весьма энергичным и жизнерадостным человеком.

После этого мы направились в Керман. Было полдвенадцатого ночи. Мир-Хусейни был очень рад тому обстоятельству, что вновь отправляется на фронт. В Кермане нас ждали ребята, вместе с которыми мы должны были отправиться в дальнейший путь. Мы с ним проехали примерно двести километров.

– Может поспим? – спросил он.

По нему было видно, что он подустал. К тому моменту мы находились в окрестностях Кахурака и Шурегаза,²⁸ а в те времена там было совсем небезопасно.

– Всевышний наш хранитель, – был его ответ, когда я указал на данное

²⁸ Название местностей в окрестностях Кермана.

обстоятельство.

Он уснул, но я не решился спать. Я взял оружие, которые было у нас, и сел рядом. По истечении двух часов он проснулся.

– Который час? – спросил он.

– Полтретьего, – ответил я.

– Надо потихоньку начинать двигаться, – встав, сказал он.

Мы отправились дальше. Было видно, что он не выспался. Иногда скорость машины снижалась, и мне казалось, что это из-за того, что он по-прежнему хочет спать. Я заметил, что когда начиналась неровная местность, он чувствовал себя нормально, а когда мы ехали по ровной дороге, то его клонило ко сну.

– Ты не уснул случайно? – спросил я его.

– Не волнуйся, – хладнокровно ответил он. – Я всегда езжу по этой дороге, от Заболя до Ахваза и обратно. Да и Бог нам в помощь.

После этого он начал что-то читать в полслуха. Да, он был прав – я волновался за то, что он может уснуть по дороге, и потому я начал расспрашивать его о разном, чтобы он был вынужден мне отвечать, вследствие чего он не заснул бы. Я его спрашивал обо всём на свете – о политике, о религии, культуре, об идеологии, исламском праве и т.д. Наступил момент, когда я уже не знал, о чём ещё можно спросить, чтобы заставить его говорить. К счастью, как раз тогда наступило время утренней молитвы. Мы остановились и совершили молитву. Когда мы опять тронулись, то и тогда я видел, что он хочет спать.

– Ты можешь просто лечь на заднем сиденье и поспать, – сказал он, увидев, что я опять чем-то озадачен.

Вспомнив мудрость, которая гласит: «Чему быть, того не миновать», – я немного успокоился, и решил сделать так, как он мне предложил. Не успел я лечь на сиденье, как тут же уснул.

Проснулся я из-за сильного шума, который шёл снаружи. Мы стояли на перекрёстке где-то в центральной части Кермана. Протерев глаза, я взглянул на него.

– Проснулся? – с задором спросил он меня.

В ответ я лишь кивнул головой.

– Это мой постоянный маршрут, – сказал он. – С этой дорогой у меня сложились весьма дружественные отношения, так, что я без проблем могу преодолеть путь от Заболя до Ахваза с закрытыми глазами, – продолжал он шутить.

На самом деле, это было так. Я даже не смогу сосчитать, сколько раз он ездил по этой дороге.

Мы прибыли на место, где пересели в автобус, который нас ждал. Путь наш лежал через Сирджан до самого Ахваза. В то время как раз шли проливные дожди, и дорогу на одном участке затопило, так, что мы не могли его проехать. Пришлось вернуться в ближайший населённый пункт. Прибыли мы ближе к вечеру. Найдя первую мечеть, мы устроили в ней свой привал. Мир-Хусейни сказал мне, чтобы я разделил между ребятами хлеб с сыром, которые у нас имелись при себе. Я встал и начал раздавать их.

– Еды мало, поэтому распределяй понемногу, – сказал он мне.

В тот вечер мы ничего больше не ели, только по маленькому кусочку хлеба с сыром, хотя Мир-Хусейни, будучи командующим нашими войсками, мог обеспечить себе лучший ночлег и лучшую пищу. Я и прежде знал, что чем ближе человек подойдёт к Мир-Хусейни, тем большим лишениям он будет подвержен, потому как будет вынужден довольствоваться тем, чем довольствуется Мир-Хусейни, но в ту ночь я испытал это всем своим существом...».

Очередь дошла до рассказа Махди Суфи, который уместился на одном единственном листе бумаги. К ней была приложена фотография. На ней был запечатлён Мир-Хусейни в момент совершения молитвы. Он стоял с опущенной головой и полуоткрытыми глазами. Он будто бы находился в совершенно другом мире, хотя тело и было здесь, на земле. Я начал читать этот рассказ:

«Перед началом операции "Кербела-4" мы были в Хорремшехре. С собою у меня тогда был фотоаппарат, и я решил во что бы то ни стало сфотографировать Мир-Хусейни, когда он даже не будет об этом догадываться.

В одну из ночей я спрятался там, куда он должен был прийти, чтобы совершить молитву. Как только он зашёл и приступил к молитве, я тут же начал настраивать фотоаппарат и, сфотографировав его, покинул это место. Я прекрасно понимал, что не стоит его беспокоить в такой щепетильный момент, как совершение молитвы. Через несколько дней после этого я распечатал фотографии. Когда Мир-Хусейни пришёл, то я достал его фотографию и показал ему.

– Узнаёшь его? – с улыбкой спросил я.

– Когда это ты успел меня сфотографировать? – удивлённо спросил он.

– Это было ещё в Хорремшехре, перед началом операции, – сказал я.

В тот вечер, когда я его фотографировал, он вообще ничего не заметил, и

поэтому фотография оказалась для него настоящим сюрпризом. Мне тогда вспомнился имам Али ибн Абу Талиб, из тела которого вытаскивали стрелу в тот момент, когда он совершал молитву, потому как в этот момент он вообще не чувствовал ни боли в частности, ни всего остального, связанного с этим миром, в целом. Поистине, Мир-Хусейни был похож в этом на своего имама...».

Я опять начал внимательно всматриваться в фотографию. Последние слова Махди Суфи так и остались в голове: «Поистине, Мир-Хусейни был похож в этом на своего имама...».

Наступила очередь рассказа сейида Ибрахима Язди, который он, без каких бы то ни было прелюдий, начал с боевой операции:

«Это было за несколько дней до начала операции "Кербела-4". После вечерней молитвы Мир-Хусейни сказал, что уже настало время выдвигаться вперёд. В моём распоряжении тогда был один джип.

– Я к твоим услугам, – ответил я ему.

Мы отправились в путь. Если бы все силы разом отправились в путь, то это могло бы рассекретить всю операцию, и поэтому мы должны были ехать все врозь. Путь лежал через трассу Ахваз-Абадан, после которой мы должны были сойти на трассу Махшехра и проехать до нашей базы в Абадане через деревню Абу-Шанак. Около сорока или пятидесяти километров нам предстояло преодолеть с выключенными фарами.

Мы преодолели путь до деревни Абу-Шанак. На дороге было не мало машин, и все они ехали с выключенными фарами. Луна светила очень слабо, и поэтому ехать было сложно. Через три или четыре километра я обнаружил, что уже практически ничего не вижу перед собой. Если ехать на приличной скорости, то велика была вероятность аварии, ну а в нашем случае беречь Мир-Хусейни надо было больше, чем себя, ведь он был нашим главнокомандующим.

Чтобы скоротать время, мы общались.

– Сворачивай на обочину, – вдруг сказал он мне.

– Да нет же, я сам поведу. Мне не сложно, – пытался я отговорить его, – просто буду ехать медленнее...

Он, всё же, настоял на своём, и мы поменялись местами. После этого я увидел то, что мне тогда казалось невероятным. В этой крошечной тьме Мир-Хусейни ехал со скоростью шестьдесят или семьдесят километров, и за всю дорогу он ни разу даже не наехал на обочину.

Наконец, мы доехали до места, где машины уже длинной колонной стояли

и ждали своей очереди, чтобы проехать по мосту. С рассветом мосты разводили. Был уже третий час ночи, и до рассвета осталось совсем немного времени.

В том случае, если бы мы ждали, как и все, то весь наш путь был бы проделан впустую, потому как очередь до нас просто не дошла бы, и поэтому он съехал на обочину и, сигналив, поехал дальше. Как только мы преодолели мост, их тут же начали разводить.

Через какое-то время мы прибыли к месту назначения. Совершив коллективную молитву, Мир-Хусейни собрал всех командующих, и, расстелив карту, где должны были проходить боевые действия, начал им что-то объяснять. В это время я был уже прилично утомлён, и поэтому пошёл поспать. Как я знаю, после этого инструктажа Мир-Хусейни переключился на какую-то другую работу. Он как будто вовсе не был обычным человеком, которому необходимо спать и отдыхать.

Во время операции "Кербела-4" я был в ударном отряде водолазов. Враг в то время хорошо укрепился на берегах Арванда. Когда мы только погрузились в воду и начали плыть, то практически тут же попали под вражеский огонь – пули в нас летели просто со всех сторон! Положение у нас было просто беззащитное, и сравнить нас можно было бы с какой-нибудь дичью, которую взял на прицел охотник. Тем не менее, мы, не обращая внимания на огонь, продвигались всё дальше вперёд. Успеха мы в той операции добились исключительно благодаря героизму наших ребят – мы прорвали оборону, отняли позицию у врага и отбросили его обратно назад.

На следующее утро к нам прибыл Мир-Хусейни. К тому моменту мы уже заметно подустали, ведь и огонь по нам не останавливался ни на минуту. Встав среди нас, Мир-Хусейни связался по радиации с Касемом Сулеймани и начал описывать всё так, что словами своими воодушевлял как его, так и всех нас.

– Все иракцы бежали, и нашим ребятам остаётся только преследовать их!
– говорил он, хотя и огонь по нам не прекращался, и лодки со снабжением не могли доплыть до нас.

Мир-Хусейни заполнял собою всё. Его присутствие и падение духом были не совместимы для нас. То, как он вёл себя здесь, сильно напомнило мне события операции "Хайбар"...».

С Али Наджибом я уже был прекрасно знаком. Прежде я прочитал немало его воспоминаний о Мир-Хусейни, и, надо сказать, чтение это было для

меня упоительным. Как было бы хорошо хотя бы раз увидеть его. Итак, я читаю:

«Неприятель вёл огонь не только из автоматов, но также из гранатомётов и зениток, так, что дорога была перекрыта. Тем не менее, лодкам изредка удавалось пробраться до наших позиций – они привозили провизию и боеприпасы и увозили убитых и раненных.

Я был в одной лодке с Мир-Хусейни. Как только мы вышли из устья Каруна, то сразу же взору предстал остров Ум-эр-Расас. Уже отсюда вдали была видна колючая проволока, которая была выставлена по наши души.

Мы добрались до берега. Наш штурман лихо провёл нас через все преграды и доставил нас до места назначения. Там творился настоящий хаос – каждый бежал в какую-то свою сторону, повсюду лежали полные и пустые ящики от патронов, всё просто перемешалось.

Я сразу же спрыгнул с лодки и оказался лицом к лицу с совершенно незнакомой мне местностью. Первым делом я решил осмотреться вокруг и изучить ландшафт. Это место было отнято нашими силами у иракцев только за ночь до этого. Повсюду взрывались снаряды, и воздух был пропитан запахом пороха. Закончив своё дело, я повернул назад, чтобы спросить Мир-Хусейни о том, что нам надо делать дальше. Поняв, что его там уже не было, я спросил штурмана, не видел ли он, куда тот пошёл.

– Нет, я не видел. Так и не понял, куда он подевался, – лишь ответил он.

У всех, кто встречался мне на пути, я спрашивал о Мир-Хусейни, но они не понимали, о ком вообще идёт речь, или же, в лучшем случае, хотя и знали его по имени, но не имели представления о том, как он выглядит. Я примерно описал им его.

– Да, точно, мы видели его. Он быстро пробежал мимо нас, туда, ближе к врагу, – сказали они.

Я побежал туда, куда они мне указали. За время своего бега я раз сто ложился на землю и вставал. В конце концов я нашёл его. Он был вместе с ребятами из народного ополчения. Он лежал на валу и высматривал что-то в стороне вражеских позиций. Тяжело дыша, я сели внизу, в окопе, и ждал, пока он не закончит. Раз уж я нашёл его, то мог быть спокоен.

Через какое-то время он спустился, после чего начал отдавать приказы тем, кто был там. Закончив, он двинулся дальше, я также ринулся вслед за ним. Мне ни за что нельзя было терять его из виду, и если такое вдруг происходило, то я также знал, где его следует искать – на самой передовой части, ближе всех к врагу, где смерть всегда дышит в затылок...».

Завтра последний день, который мне предстояло провести здесь. В планах обязательным пунктом является посещение места захоронения Мир-Хусейни. Я встал и достал свой блокнот, в котором записан номер телефона Султана Али-Мира. Ещё в тот день, когда я впервые увидел его, мы с ним договорились, что вместе поедem на кладбище, где похоронен Мир-Хусейни. Тогда же я договорился с Хасаном Пур-Исмаилом, что в этот же день, когда мы поедem на кладбище, он расскажет мне всё, что помнит о последнем дне жизни Мир-Хусейни.

Я набрал номер его телефона. Трубку поднял он сам. Я быстро объяснил ему, что к чему.

– С Пур-Исмаилом я договорюсь сам, и на кладбище мы придём вместе, – сказал он мне. – Встретимся там.

Я сообщил ему, что как раз занимаюсь разбором материала, связанного с воспоминаниями о событиях операции "Кербела-4".

– Вы ведь тоже участвовали в ней, так? – спросил я его.

Он ответил утвердительно, после чего начал рассказывать о том, что помнит из событий того дня:

«В первое утро операции "Кербела-4" Мир-Хусейни сказал мне, чтобы я пошёл вместе с ним на передовую. Мы с ним сели на мотоцикл и доехали до берега реки. Там всё было перемешано – копошились люди, сталкивались лбами лодки, выложенные в линии, стояли боеприпасы. Уровень воды в реке был заметно ниже, чем обычно. Лодки стояли вдоль берега и не могли продвинуться дальше вперёд. Вместе с одним человеком, которого звали Исхаки, мы залезли в воду, и с величайшим трудом погрузили мотоцикл на одну из лодок. Наряду с мегафоном, мотоцикл был одним из главных инструментов Мир-Хусейни на этой войне. Лодка, наконец, тронулась в путь. В то время иракцы обстреливали всю близлежащую территорию. Вели они себя просто как обезумевшие. Река Арванд тоже была неспокойно. Переплыв реку, мы вновь взялись за мотоцикл, и с его разгрузкой проблем было не меньше, чем с погрузкой. К нашему сожалению, ехать на нём было невозможно, и мы были вынуждены идти пешком.

Было очень темно, так, что мы толком и не видели дорогу. С обеих сторон были густые заросли тростника, и поэтому выбирать тропу не приходилось. Везде лежали тела наших солдат, и в некоторых местах лежали по несколько.

– Тела нужно как можно быстрее отправить назад, – сказал Мир-Хусейни. –

Их вид будет лишь понижать боевой дух любого, кто будет здесь проходить.

Мы двигались дальше вперёд. Таджики, командующий одним из батальонов, тоже был там. Иракцы, тем временем, переворачивали всё верх дном. Пули свистели прямо у ушей, а обламываемый пополам тростник с треском падал на землю. Через все невзгоды мы, всё же, добрались до передовой. Он начал отдавать приказы, кому что надо было делать. Проведя там час или два, он ушёл куда-то назад.

Понял я это по тому, что нигде не мог его увидеть. Сам я остался на передовой. Через несколько часов он вернулся.

– Где ты был? – смеясь, спросил он меня. – Что я должен был сказать твоим родственникам?

Мы находились в самом эпицентре военных действий, но, смотря на него, этого никак нельзя было заметить. Он вышел с кем-то на связь по радиации, и сказал, чтобы раненых и убитых быстрее отвезли назад. Мне уже стало ясно, что нас ожидает впереди. Он всех отправил назад, и мы двинулись в последнюю очередь. Через какое-то время мы достигли берега реки. Мотоцикл стоял там же, где мы его оставили.

– Мотоцикл мы берём с собой, – сказал он, однако это было нереализуемо, потому что людей было слишком много.

Мир-Хусейни отправил всех вперёд, а сам сел только в последнюю лодку, и мы поплыли вместе.

Арванд остался позади нас. Через две недели после этого мы вновь отправились туда, но это уже была операция "Кербела-5"».

Я попросил у него номер телефона Пур-Исмаила. Когда я ему сказал, что хочу спросить его об этой же операции, то он сказал мне:

– Он уже написал всё, что помнит об этом, и отправил тебе. Если поищешь среди бумаг, то обязательно найдёшь его письмо.

Я поблагодарил его и, распрощавшись, положил трубку. Действительно, поискав, я нашёл его письмо среди бумаг:

«Операция "Кербела-4" подошла к концу. Нам был дан приказ отходить назад. В обратный путь мы поехали на машине. Проезжая оживлённые улицы Хорремшехра, мы думали о том, как нам следует поступить – остаться здесь, или же добраться до военного лагеря. Мы были совершенно потеряны, и нам было стыдно даже смотреть в глаза друг друга. Было такое чувство, будто мы совершили какой-то великий грех.

В конце концов мы решили ехать в Ахваз. Мир-Хусейни тоже был с нами в

машине, но был безмолвен. За всю дорогу никто даже слова не проронил. Спустя некоторое время мы прибыли к лагерю.

Когда мы подъезжали к пропускному пункту, Мир-Хусейни сбросил скорость. Машина Касема Сулеймани была припаркована здесь же, на краю дороги. Сам он находился рядом с валом. Мы не стали останавливаться, и проехали дальше. Только тогда я осознал всю глубину той боли, которую испытывал Мир-Хусейни.

Было организовано совещание. Каждый из нас стыдился зайти внутрь. У дверей мы стояли ещё долго, пропуская всех вперёд и не решаясь зайти. Наконец, я зашёл. Все сидели, молча, и, смотря исподлобья, оглядывали присутствующих. Там был и Касем Сулеймани, и из глаз у него текли слёзы. Видя его, мы не выдержали, и тоже заплакали. Никто не хотел брать на себя первое слово, которое было самым тяжёлым.

Прервать это тяжёлое молчание решил Мир-Хусейни.

– Что с вами? Почему вы сидите и смотрите друг на друга? – грозно сказал он, и слова его имели эффект ледяного душа для человека, который только проснулся. – Вы забыли, зачем прибыли сюда? Раз уж мы здесь, то надо принимать дальнейшие решения, и лучше поторопитесь. Чем раньше мы закончим, тем быстрее сможем вернуться к своим делам.

Только тогда мы набрались смелости, чтобы поднять головы.

– Пусть ныне мы столкнулись с такими обстоятельствами, – продолжал он, – но это никак не значит, что мы не должны предпринимать ответные действия. Мы готовы действовать прямо сейчас, пусть даже перед нашими лицами предстанет самый страшный враг!

Речь Мир-Хусейни изменила царивший на том собрании настрой.

– Мой батальон готов! – вставил своё слово Таджик.

– В моём родном городе с нашей улицы погибло уже несколько человек, – встав, сказал Машаехи. – Я не могу просто вернуться домой в Керман. Я тоже готов! Дороги назад для меня нет. Либо я вместе с вами одержу победу, либо погибну!

Было такое чувство, будто в душах собравшихся свершилась настоящая революция. Командующие батальонами, один за другим, начали выражать свою готовность действовать.

– Мы должны выдвигаться, – сказал Мир-Хусейни. Смысла оставаться здесь нет, иначе получится также, как это было при операции "Бадр".

– Если вы заметили, то я тоже был на улице, потому как мне было стыдно заходить на территорию лагеря, – сказал Касем Сулеймани. – Мы должны

готовиться.

Результатом собрания послужило то, что решимость вернулась к нам. Спустя две недели после этого мы отправились на выполнение новой военной операции "Кербела-5"...».

Одно название этой операции уже бросает меня в дрожь. Именно она служит разлучителем между мною и Мир-Хусейни, молодым человеком из Систана, который в течение последнего времени стал главным объектом моих размышлений. За это короткое время я сильно сблизился с этой личностью, и теперь от осознания близкой разлуки с ним на душе было тяжело. Мне сложно представить, что испытывали его друзья, когда потеряли его, что испытывали его отец и вся семья. У меня не было никакого желания так быстро проститься с ним...

Следующим я читаю рассказ Аббаса Шахраки:

«После завершения операции "Кербела-4" мы вернулись назад. Когда я увидел Мир-Хусейни, то заметил, что он переполнен гневом, от которого он просто сходил с ума. Он говорил, что последний успех неприятелей воодушевил их, и теперь они предпримут нападение на наши позиции в Эль-Фао.

Наш батальон был направлен туда для обороны. Нам вместе с другими командирами батальонов велели отправляться к месту сбора, где всем должны были дать инструктаж. Инструктором нашим был Мир-Хусейни. Мы сидели в окопе вокруг карты, по которой он давал нам разъяснения по предстоящему плану и поставленным задачам. Он говорил о расположении вражеских войск и о том, откуда они будут предпринимать атаку. Говорил он весьма хладнокровно и обыденно.

– Враг будет атаковать ночью, сегодня или завтра. Мы обязаны выполнить свой долг. Мы подтягиваем сюда необходимые силы, чтобы дать достойный ответ на их вылазку.

Когда он говорил, то мои мысли были о том, с каким спокойствием он всё это говорит. Он в этом видит всего лишь очередной случай, в котором ключевое значение имеет долг человека, который он обязательно должен выполнить, пусть и ценой собственной жизни. Из его слов можно было понять, сколь быстро и без раздумий он был готов отдать свою жизнь за правое дело...».

После этого я взялся за рассказ Резы Мухаммада Хана, который уместился на одном листе:

«Все были опечалены. Операция не задалась с самого её начала, из-за чего

мы были вынуждены отступить назад. Мы вернулись на свою базу, которая была прозвана нашими «Джунгли». Не было никакого понимания того, что нам следует делать дальше. Такого исхода мы никак не предполагали. Через какое-то время Мир-Хусейни прибыл к нам. Мы все собрались вокруг него. У нас был тысяча и один вопрос, и мы как раз хотели приступить к ним.

– Ребята, может, пойдём и поиграем в футбол? – беззаботно предложил он вдруг.

Сначала я даже не понял, что он сказал. О футболе в такие моменты невозможно даже думать, не то, чтобы играть в него. О чём он? Какой футбол?

Это недоумение не скрылось от него.

– Чему вы так расстраиваетесь? Война не является преградой тому, чтобы провести активный отдых. Мы предприняли атаку, но Всевышний определил для нас другую участь, и поэтому у нас ничего не вышло. Что же, теперь мы должны сидеть и плакать до утра? В качестве пользы от этой неудачи хватило бы и того, что оно послужит назиданием для тех, в чьём сердце поселилась или могла поселиться спесь.

Мы взяли футбольный мяч и все вместе пошли на площадку. Мир-Хусейни приходил к нам ещё не раз, и, как я понял, целью его было то, чтобы хоть как-то исправить поникшее состояние наших ребят и подготовить их к операции "Кербела-5"...».

Остался ещё один лист, который я не прочитал, после которого следуют истории, связанные с последней операцией Мир-Хусейни. Я и прежде читал воспоминания Али Агаи. Он писал о том, что происходило после операции "Кербела-4", о том, как Мир-Хусейни воодушевлял людей, о его боевом кличе, который зажигал сердца всех сражающихся... Но я не хочу читать то, что он написал об операции "Кербела-5". Смогу ли я это сделать? Смогу ли я спокойно встретить лицом тот факт, который свершился 9-го января 1987-го года?..

«Мы вернулись с операции "Кербела-4". Несмотря на наши оптимистичные ожидания, операция не увенчалась успехом. Было много убитых и раненных, а кто-то попал в плен. Данное обстоятельство не лучшим образом сказалось на боевом духе наших ребят. Среди них пошли разговоры о том, что, раз уж операция закончилась, то им должны дать возможность вернуться к своим семьям и своим делам. Положение наше было не из лучших, и командующие думали о том, как можно было выйти из него.

Одним днём Мир-Хусейни собрал ребят из 409-го батальона. На его

приглашение пришли абсолютно все. Мир-Хусейни рассказывал нам о событиях при Кербеле и имаме Хусейне.

– И если вы хотите ныне уйти, то подумайте: от кого вы хотите уйти? – вопрошал он. – От ислама? От имама Махди, который наблюдает за всем этим? От священного Корана?

Он говорил, а глаза его были полны слёз. Все сидели, склонив голову. Никто не смог удержаться от того, чтобы не заплакать. Вдруг резко один из собравшихся вскочил.

– Командир! Командир! Мы готовы! Готовы! – сказал он.

Этот крик, что исходил из глубин его сердца, поднялся до самых небес. Он символизировал собою обновление присяги всех собравшихся. Многие из тех, кто был на том собрании, через несколько дней, когда выполняли операцию "Кербела-5", пали смертью мучеников...».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После совершения утренней молитвы я уже не ложился. Когда я вспомнил о том, что это последний день, который я проведу на этой земле, сон как рукой сняло – веки просто не хотели смыкаться. Я посмотрел на его фотографию, что висела на стене. Сегодня день его мученической гибели. Да, мне прекрасно известно, что пал он мучеником в другой день, но именно сегодня трагедия его мученической гибели должна была пройти через всё моё существо. Зрением своего сердца мне предстояло увидеть, как он отправится на небеса.

Тысячи разных дум приходили мне в голову. Они забрали у меня все силы, и легли тяжёлой печалью в сердце. Эта боль стала для меня невыносимой, и чтобы хоть как-то её заглушить, я приступил к чтению своих бумаг, которые стали мне так дороги за это время. Первым попадаетея рассказ Абдоль-Азиза Хошделя:

«Мы находились в лагере, который был известен как Джунгли. Однажды ночью, когда мы вернулись в свои палаты после совершения молитвы, мы слышали голос снаружи.

Этот голос нам был знаком. Когда он зашёл, то мы узнали и обладателя голоса – это был командующий войсками Мир-Хусейни. Мы все сразу встали со своих мест в знак уважения к нему. Мы не ожидали его прибытия, и поэтому были немного сконфужены. Поздоровавшись со всеми за руку, он присел. Мы расселись вокруг него, после чего началось наше общение. Он спрашивал нас о состоянии батальона, о нашем питании, гигиенических условиях, амуниции и обо всём остальном, что хоть как-то было связано с нами. В тот вечер на ужин нам подавали суп. Мир-Хусейни остался на ночь у нас. После трапезы он встал и пошёл чистить посуду. Мы все бросились на него, чтобы не дать ему это сделать. Разве мы могли позволить такому случиться? Однако, он тоже был не из робкого десятка, и, несмотря на все наши возражения и протесты, он настоял на своём. Он мыл посуду и чистил стол, а я, тем временем, сидел весь красный от стыда. Когда он закончил, мы продолжили общение. Обстановка была уже намного теплее и дружественнее. Под конец вечера он завершил его цитированием предания от Пророка.

Мне хотелось бы также сказать то, что в тот вечер он своими руками чистил лук от шелухи и, разделив его на четыре части, раздавал нам.

Этот вечер стал одним из самых незабываемых в моей жизни, и если бы спросили меня о самых мельчайших его деталях, то я без труда смог бы рассказать и о них. Это был драгоценный для меня вечер...».

Этому рассказу близок другой, который принадлежит Али Резе Сетари: «После окончания операции "Кербела-4" все силы вернулись назад, в лагерь Джунгли.

От этого лагеря до военного штаба было несколько километров. Сообщением между ними служила попутная военная техника, которую мы и использовали. Стоило нам только поднять руку перед проезжающей машиной, как водитель останавливался, чтобы подобраться к нам.

Однажды мы шли от штаба до лагеря пешком. Кроме меня было ещё три человека. Путь оказался очень утомительным, и расстояние, казалось, было намного больше. Несколько машин проехали мимо нас, но никто, почему-то, не остановился. Все мы были удивлены таким стечением обстоятельств, ну и, естественно, были недовольны этим. То и дело кто-то из нас начинал что-то бормотать и причитать.

– Если бы только наши водители имели такой же дух, как и командиры, – возмущался я, – то всё было бы в порядке. Я более чем уверен, что если бы по этой дороге ехал Мир-Хусейни, то он точно остановил бы машину, чтобы подвезти нас.

Мои спутники не обращали на мои слова никакого внимания.

– Проблем у наших настолько много, что о наших проблемах никому некогда даже подумать, – сказал один из них.

Через какое-то время позади послышался шум очередной машины. Когда пикап приблизился, я увидел, что в кузове немало наших солдат, и все они стоят.

– Это наш шанс добраться на транспорте, – сказал я.

Никто из нас не поднял даже руки. Машина проехала мимо нас и остановилась немного дальше впереди. Мы переглянулись и, искренне улыбаясь постигнутому нас счастью, побежали вперёд. Машина была забита. Три моих спутника с трудом смогли как-то поместиться, но для меня места не оставалось вообще.

– Езжайте. В кузове не осталось больше места, – подойдя к водителю, сказала.

Посмотрев на него, я вдруг понял, что за рулём сидел сам Мир-Хусейни. Рядом с ним на пассажирских сидениях сидели ещё двое.

– Надо же, это ты, командир?! – выражая своё удивление, спросил я. –

Езжайте. В кузове нет мест.

– Садись прямо здесь, рядом со мной, – улыбаясь, сказал он.

Открыв дверь, он немного подвинулся, и после того, как я сел, то с трудом смог закрыть дверь.

Даже не знаю, почему в тот день я начал говорить своим трём спутникам о Мир-Хусейни, которого Всевышний тут же привёл для нас туда. Быть может Он сделал так, чтобы доказать истинность сказанных мною слов...». Я посмотрел на улицу сквозь маленькое окно в своей комнате. Солнце поднималось со стороны Хамуна. Оно взойдёт над этим миром и будет согревать его, как это было и прежде, но никогда не вернётся на эту землю человек, которого звали Мир-Касем Мир-Хусейни.

Дул лёгкий прохладный ветерок, что так приятен для сердца. Я взял следующий лист и там же, сидя около окна, начал читать рассказ Абд-Али Мир-Шахраки:

«Когда Мир-Хусейни прибыл в 409-й батальон имени дяди Пророка Хамзы, то выглядел он так, будто попал в родной дом. Он ходил по разным палаткам и со всеми общался. В одну из ночей он гостил у нас. Посреди ночи я вдруг проснулся, и было ощущение, что кто-то в нашей палатке не спит. Я тихонько осмотрел все вокруг, и увидел, что в углу стоит Мир-Хусейни и молится. До утренней молитвы оставалось ещё много времени, и я снова лёг спать.

Через какое-то время я услышал, как он читает Коран. Я слушал его, не вставая с места и не двигаясь. Сон был сильнее меня, и не было совсем сил, чтобы встать. Затем меня кто-то легонько толкнул рукой. Я сразу встал. Это был Мир-Хусейни.

– Было бы неплохо, если бы ты за несколько минут до азана включил бы генератор и поставил перед громкоговорителем запись чтения Корана, – сказал он. – Возможно, некоторые хотели бы проснуться чуть раньше наступления времени молитвы.

Весь сонный, но, тем не менее, быстро, я пошёл включать мотор от генератора. Я поставил на небольшую громкость чтение Корана. Когда же я отправился в молельню, то все уже стояли там, готовые к молитве.

Вчера эти люди были воинами, сегодня они погибли, в том числе и Мир-Хусейни из Систана...».

Все эти люди пишут о последних днях, которые он провёл в лагере Джунгли, который располагался неподалёку от Ахваза. Ветераны из Кермана, Сирджана, Бама, Захедана, Заболя, Хоша и Саравана многое сохранили в

памяти о тех днях.

Эти воспоминания отличаются от всех других. У них свой особый дух и аура. Абдор-Рахим Мир-Шахраки пишет:

«Это было до начала операции "Кербела-5". Мы сидели в одной из палаток в лагере, где расположился 409-й батальон. Один фотограф, который тогда находился в лагере, достал свою камеру, чтобы сфотографировать нас вместе с Мир-Хусейни. Он встал перед нами и начал настраивать свой аппарат, как вдруг Мир-Хусейни сказал, чтобы он не фотографировал нас.

– Раз уж вы все собрались в одном кругу, то я подумал, что было бы неплохо запечатлеть этот момент.

– Эта плёнка, на которую ты снимаешь, является имуществом солдат, – сказал Мир-Хусейни. – В таком случае, – продолжал он, – я, как командующий ими, оказываюсь не у дел. Иди и снимай их.

Фотограф настаивал на своём, а Мир-Хусейни ни за что не хотел разрешать ему фотографировать себя, утверждая, что плёнка не предназначена для таких, как он.

– Слушай, разве я не отношусь к солдатам? – в конце концов возмущённо спросил фотограф. – А раз уж отношусь, то имею полное право на часть этой плёнки, так? Как минимум на один снимок. Что ж, тогда я сам могу решать, как мне лучше распорядиться им. Имеются ли ещё возражения?

Таким находчивым способом ему удалось заставить Мир-Хусейни сесть рядом с нами, чтобы сделать один общий снимок...».

Все они говорят о том, что Мир-Хусейни был в то время не таким, как всегда, что лицо его демонстрировало нечто неизвестное, но проявившееся 19 числа месяца Дей. Все пишут о том, что и речь его в дни изменилась, и поведение, и поклонение. Али Агаи пишет:

«В ночь на канун операции Мир-Хусейни вернулся к 409-му батальону, где он собрал всех командующих и начал рассказывать им о событиях верблюжьей битвы.²⁹ Он цитировал слова имама Али, которые были сказаны им своим воинам.

– Надлежит вам стоять перед врагом с открытыми глазами, сомкнутыми зубами и крепкими ногами, что должны быть будто забитыми в землю гвоздями, – говорил он. – Возможно, это последняя ночь, которую я провожу с вами. Многие из вас могут стать мучениками на божьем пути,

²⁹ Одна из битв имама Али.

или, быть может, меня ожидает встреча с Господом. Сегодня я пришёл, чтобы попросить у вас прощение за все обиды, если таковые имеются. В свою очередь также скажу, что если кто-либо должен мне, то я прощаю его, но если кто-то из вас, не дай Бог, проявит слабость в битве, то я, клянусь Богом, взыщу с него на том свете сполна и не позволю ему легко отделаться от бремени неисполнения своего долга здесь!

В ту ночь глаза его были наполнены слезами. В ту ночь я видел, как он до самого утра пребывал в поклонении. В ту ночь...».

Здесь мне вспомнились слова Мухиб Али Фарси. Вчера я звонил ему раз десять, чтобы договориться о новой встрече, но каждый раз он находил какой-то повод, чтобы отложить встречу. Также я звонил Мухаммад Хусейну Пудине и Мир-Аббасу, брату Мир-Касема, с той же просьбой, но и они лишь отвечали, что у них есть кое-какие дела, и поэтому не могут встретиться. Такое чувство, будто я один в этом городе был без дела. Мухиб Али Фарси сказал мне, что сам напишет о событиях последних дней Мир-Хусейни, и между прочим рассказал следующее:

«Мир-Хусейни стригся только у меня. Если рядом с ним находился я, то он поручал водить транспорт или стричь его только мне. Он просто приходил ко мне и говорил, чтобы я постриг его, и пока я стриг его, мы с ним говорили обо всём на свете.

Перед началом операции "Кербела-5" он в очередной раз пришёл ко мне.

– У тебя есть время постричь меня? – спросил он.

– Я сам приду к тебе для этого, – ответил я ему.

Это был первый раз, когда я шёл к нему для стрижки. Он сел на стул, и я начал выполнять свою работу.

– Делай стрижку осторожнее. Это последний раз, когда ты меня стрижёшь, – сказал он посреди нашего разговора.

В тот день я даже не обратил на его слова внимания, но через два дня, когда до меня дошла весть о том, что он пал смертью мучеников, то слова эти запечатались в моей памяти до конца моей жизни...».

Фаридун Шахраки написал всего несколько строчек:

«Однажды мы сидели с Мир-Хусейни за столом. Там были все. Мы обсуждали всё, что приходило нам в голову – о прошедшем обеде, о наших воспоминаниях и прочем. В какой-то момент один из присутствующих резко обратился к Мир-Хусейни.

– Командир, когда ты станешь мучеником, чтобы мы могли покушать

магазины³⁰ на твоих похоронах? – спросил он.

Мир-Хусейни склонил голову и задумался.

– Когда я стану в достаточной степени искренним, то ангел смерти сам придёт за мной, – спокойно ответил он.

После этих слов и до самого окончания трапезы больше никто ничего не говорил. Все размышляли над этими его словами...».

Мне было прекрасно известно о том, что Мир-Хусейни очень сильно любил Касема Сулеймани. Это можно было понять из тех воспоминаний, которые я прочитал. Сам Касем Сулеймани о последней ночи Мир-Хусейни пишет следующее:

«В ту ночь мы сидели с ним в окопе. Мы обсуждали самые разные вопросы. Ещё во время прошлых операций мы все сильно переживали о том, как бы с ним не случилось ничего дурного. До этого момента не было ещё такого, чтобы он вышел из какой-либо операции, не будучи при этом раненным. Накануне операции "Кербела-4" он пришёл ко мне.

– Не переживай. В этой операции я не погибну, и, более того, меня даже не ранят.

Но в ту последнюю ночь он открыто сказал мне, что в этой операции он погибнет, и даже указал на место на лбу, куда должна была попасть пуля, которая и убьёт его. Случилось именно так, как он сказал...».

Я встал и вышел на улицу. В моём сердце была только скорбь. Как было бы замечательно, если бы мне не пришлось читать этого! В последние десять дней у меня был близкий и родной друг, и я знал, что сегодня наша дружба подойдёт к концу, и что нам придётся с ним расстаться. Я вернулся в комнату, но не знал, что мне делать. С одной стороны была боль от скорби, с другой был долг, который я должен был исполнить. В конце концов я решился, и взял бумаги с воспоминаниями Наджибзаде. Как я желал, чтобы машина за мной приехала скорее, чтобы я смог сбежать из этой комнаты:

«Операция была уже в ходе выполнения. Муртаза Бешарати вместе с Мир-Хусейни как раз собирались идти на передовую.

– Будь осторожен, – сказал я ему, – и если с Мир-Хусейни случится что-то, то приведи его обратно назад.

В ходе каждой операции Мир-Хусейни получал какое-нибудь ранение, и

³⁰ Одна из битв имама Али.

мои слова были связаны с этим. Бешарати заверил меня в том, что он всё понял, после чего отправился в путь.

Прошло несколько часов. Когда они вернулись, я сидел в окопе. Среди них также был и Бешарати. Стоило мне взглянуть ему в глаза, как он начал плакать навзрыд. Он встал и вышел из окопа, после чего и меня позвал за собой.

– Мир-Хусейни погиб? – спросил я его.

– Как ты об этом узнал? – плача, спросил он.

– По тому, как ты плачешь, – ответил я. – Однако это ведь не причина горевать, – пытался я его успокоить. – Мы ведь все здесь с одной целью – пасть смертью мучеников.

– Я плачу потому, – отвечал он, – что не смог вытащить его тело и принести его с собой. Клянусь Богом, как же мне было тяжело оставлять его там!

– Не переживай, – сказал я, – ребята знают, как он выглядит. Они обязательно доставят его к нам... Расскажи мне – как он погиб?

– Мы были в канале, – начал он. – В ходе боя противник занял позицию вблизи нас. Мир-Хусейни выхватил свой автомат и начал стрелять по врагу. Я говорил ему, что иракцы слишком близко, и что надо быть осторожнее. «Если отступлю я, то и все наши ребята отступят, – сказал он, – и тогда иракцы начнут двигаться вперёд... Хочу я того, или нет, – через какое-то время добавил он, – я получу здесь одну пулю, и будет лучше, если это случится прямо здесь». В следующую минуту я видел, как он упал оземь прямо передо мной. В него попала всего одна пуля, и она угодила ему прямо в лоб. Я подбежал к нему и пощупал пульс – его не было. После этого я даже не понял, что со мной произошло, однако я не смог вынести оттуда его тело.

Сказав это, он опять начал плакать».

Горечь и скорбь начали душить меня. Сам я вот так узнал о том, как его убили. Канал Зауджи, все эти имена, которые я никогда не забуду – отныне они станут частью моей памяти.

Я сел, схватив колени руками. Я нахожусь в Шаламче, в канале Зауджи... Следующей я достал историю Джафари:

«Я был в составе первой группы, которую отправили к каналу Зауджи. Иракцы решительным маршем двигались к Басре. Шоссе по другую сторону от канала было забито танками, бронетранспортёрами и другой военной техникой. По эту сторону канала были позиции, на которых успели закрепиться мы.

Мы подготовили всё необходимое для того, чтобы взорвать мост, через который они переправлялись. Когда мы занимались этим вопросом, к нам прибыл Хадж Муртаза.

– Не взрывайте мост, – сказал он нам. – Возможно, эту взрывчатку надо будет использовать для другой цели.

Сил у нас тогда было немного. С нами были диверсанты, у которых не было толком оружия и других принадлежностей, а также были несколько пехотинцев. Иракцы находились на расстоянии пятидесяти метров от нас. Они то и дело совершали вылазки из своих укрытий, но быстро сворачивали нападение и возвращались назад. Как только Мир-Хусейни прибыл, то тут же вступил в сражение против иракцев.

– Ребята, преследуйте их! – кричал он. – Не дайте им спастись бегством!

У нас не было достаточно сил, а иначе Мир-Хусейни точно преследовал бы их вплоть до самой Басры.

Перегруппировавшись, иракцы опять начали наступать. Им удалось закрепиться у канала Зауджи. Пройдя через воду, они перебрались на эту сторону реки. Когда они подступили ближе, то завязался тяжёлый бой.

Не так далеко оттуда по реке у иракцев имелась укреплённая огневая точка. Мы также зашли в воду, чтобы отбить эту позицию у них и отбросить ещё дальше назад. Командовал нами в тот момент Мир-Хусейни.

– Ни за что не позволяйте им прорвать линию! – кричал он солдатам.

– Берегись пуль! – всё пытался предостеречь его я.

– Всё в руках Бога! – только и ответил он.

Вдруг в один момент он упал прямо в воду. Он был мёртв. Мы оставили его прямо там, потому как возможности взять его с собой у нас не было. Мы не стали разглашать весть о его гибели среди наших, потому как знали, что на ребят это подействует не лучшим образом...».

Когда машина начала сигналить, я даже не знал, какой был час. Я встал. Было такое ощущение, что я отправляюсь на место убийства. Я начал собирать бумаги, которые могли мне пригодиться, но двигался я так, будто был во сне. Боже, что же за день сегодня? Почему мне так тяжело?

Я сел в машину. Водитель смотрел на меня через зеркало заднего вида.

– Поехали в дом Мир-Хусейни, – сказал я ему, – но сначала надо забрать Хадж Мурад-Али.

Машина тронулась в путь. Я же начал читать написанное Аббасом Анджомен-Шуджа:

«Мир-Хусейни любил пошутить и посмеяться. В один из дней я вдруг

заметил, что он как-то изменился. Они стояли в стороне вместе с Хадж Махди Зенди, главным по артиллерии. В этот момент они как раз занимались изучением местности.

– Враг, что закрепился в этой области, сильно мешает нам, – сказал своему собеседнику Мир-Хусейни. – Можешь ли ты что-нибудь сделать с ними?

– Я займусь их воспитанием, – сев на землю, сказал он.

Он расстегнул молнию своей ветровки и достал из-за пазухи карту местности, после чего передал данные артиллерийской части. После этого они открыли огонь по тем точкам, на которые им указал Мир-Хусейни. Через несколько минут тревогу Мир-Хусейни как рукой сняло.

– Что ж, Хадж Махди, – смеясь, хлопнул его по плечу Мир-Хусейни, – сегодня 41-я дивизия точно заслужила свой хлеб!

После этого он обратился ко мне.

– Иди и помоги нашим ребятам, – сказал он, указывая за насыпь. – Им сейчас не помешает подкрепление.

– Но наша позиция... Она не очень хороша, – заметил я. – Враг может её обзреть.

– Быть может, забыл ты, как правильно поминать Бога? – риторически спросил он.

Я взял себе одного спутника, и мы отправились в путь. Завершив данное нам поручение, мы двинулись обратно. По пути назад мы попали под вражеский обстрел. Когда мы пришли к Мир-Хусейни, он, увидев нас, засмеялся.

– Что случилось? – спросил я. – почему ты смеёшься?

– Ты видел? – смеялся он. – Иракцы начали стрелять вам вдогонку, но ни одна пуля даже не задела вас!

– Неудивительно, – усмехнулся я. – Это всё поминания Господа, которые ты мне посоветовал читать.

Всё так же смеясь, он хлопнул меня по плечу. Надо сказать, что одним только этим он уже воодушевил меня. Состояние его тогда было каким-то иным, и смех его будто таил в себе что-то, значение чего я не мог понять.

Вдруг вспомнились события во время операции «Хайбар». Наши войска тогда пробрались вглубь вражеских позиций, после чего враг открыл по нам огонь с двух сторон, и мы будто оказались между двумя огненными горами. Снаряды взрывались в непосредственной близости от нас и косили наши ряды.

Командующим нашими войсками тогда был Мир-Хусейни, и он в этот

момент находился в гуще событий, отдавая распоряжения и приказы. Вдруг я заметил Дариджани – рукав его был приподнят, а вокруг раны от осколка на руке была перевязка. Я подошёл к нему. Стоило Мир-Хусейни тоже увидеть его, как он тут же начал смеяться.

– А ну, опусти рукав! – смеялся он. – Вдруг тебя кто-нибудь из наших солдат увидит и решит, что ты тут демонстрируешь свою могучую руку!

Немного поговорив, я передал ему поручение руководства о том, что если натиск врага будет слишком тяжёлым, то следует отступить.

– Когда вернёшься к ним, – сказал он, – то передай, что наша позиция как нельзя лучше, и что у нас нет никаких проблем.

Я более, чем уверен, что если бы на его месте был кто-нибудь другой, то его ответ был бы иным. Этот страшный огонь, под которым они находились, гибель лучших ребят, непрекращающийся натиск врага, и вдруг – такой ответ с его стороны.

Мыслями я снова вернулся из этого воспоминания, к насыпи, где как раз находился Мир-Хусейни. Я хотел напомнить ему, чтобы он прочитал те же самые поминания Бога, о которых сам когда-то говорил мне...

Я даже не знаю почему, но язык как будто завязался в узел, и я не сказал ему этого, и почему так случилось мне не было понятно. Его необычный смех будто предвещал то, что должно было случиться, и когда он пал мучеником, то мне всё стало ясно...».

Мы прибыли на место. Подойдя к двери дома, я постучался в неё. На пороге стоял сам Хадж Мурад-Али, отец семейства Мир-Хусейни.

– Мы как раз собираемся ехать на кладбище, – сказал я ему. – Давайте поедем туда вместе.

Быстро собравшись, он вышел на улицу – высокий, седовласый и статный старец, в руках которого была трость. Мы сели в машину, и поехали на кладбище.

Преодолев небольшое расстояние, мы оказались на земляной дороге. По обе стороны от неё были выстроены дома из самана. Мужчины и женщины находились на полях. Как раз был сезон жатвы, чем все эти люди и занимались. Моему взору предстаёт небольшой клочок земли, который чуть возвышается над остальной долиной, и на разных его концах виднеются развевающиеся флаги Исламской Республики. Это было кладбище.

Машина остановилась, и мы вышли из неё. Не знаю, по какой причине меня всего трясло в тот момент. Сделав несколько шагов, старик остано-

вился, и мы также вслед за ним. Он читал суру "Фатиха",³¹ и мы взяли с него пример и в этом. Прочитав суру, старик пошёл дальше. Впереди я увидел Султан-Али Мира и Хасана Пур-Исмаила. Я сделал вид, что не заметил их, потому как просто не знал, как себя вести в такой ситуации и что следует делать и говорить. Старик шёл в сторону нескольких могил, которые были обнесены среднего размера булыжниками.

– Здесь лежит мой сын, Мир-Хасан, – указав на первую могилу, сказал он. Мы присели рядом с ней, и начали вновь читать суру "Фатиха". После прочтения старик встал, и подошёл к следующей могиле.

– Здесь лежит другой мой сын, Мир-Касем, – сказал он. Это была простая могила без каких-либо излишеств. На надгробии был вытесан аят священного Корана, его имя, дата рождения и смерти. Это была моя первая встреча с ним. О, как же тяжела эта встреча! Я опять начал читать суру "Фатиха", но читали её только мои губы, потому как мысли были в совершенно другом месте. Вообще, в тот момент соображать у меня получалось не лучшим образом. Старик тем временем встал и подошёл к следующей могиле.

– Здесь лежит мой зять, Бахман Хосрови, – указывая на могилу, сказал он, после чего сел рядом с ней и принялся читать "Фатиху"... Этот старик, разве он не человек? И если это так, то каков предел человека? Сколько он может вынести и вытерпеть?

– Здесь моя дочь, которая и приходилась женою Бахмана Хосрови, – указывая на следующую могилу, сказал он.

Как и рядом со всеми предыдущими могилами, он садится рядом с ней, и его губы начинают что-то читать. Все обитатели этого тихого кладбища прекрасно знают Хадж Мурад-Али, который является здесь не редким гостем. Он встал и направился к маленькой могиле, что находилась чуть дальше по склону. Я пошёл вслед за ним. Взглянув на старика, я увидел, что губы его трясутся, а на глаза наворачиваются слёзы.

– Это моя внучка, – сказал он, – дочь Мир-Касема. Её звали Зейнаб. Это новость стала для меня полной неожиданностью, как гром среди ясного неба. Полный удивления, я сел рядом с ней и начал читать суру. Посмотрев на надгробие, я обнаружил, что пробыла она в этом мире всего лишь 43 дня. «Она похоронена рядом со своим отцом», – подумал я.

³¹ Первая сура священного Корана, имеющая особое значение в исламской религии.

Я встал. Вокруг царило глубокое молчание. Дул лёгкий ветер, разнося пыль по всему кладбищу. Все, кто был там в тот момент, испытывали чувство скорби и траура. Султан-Али Мир без какого-либо вступления начал свой рассказ:

«До начала военной операции Мир-Хусейни пришёл к нам. Со мной тогда был Даулати Мукаддам. Если уж Мир-Хусейни говорил нам идти вместе с ним, то значит ситуация была не из рядовых, по крайней мере так мне подсказывал мой опыт. В ночь, когда операция началась, мы находились в военном штабе. Был отдан приказ о начале атаки, которую должны были возглавить Мир-Хусейни и Касем Сулеймани.

В ту ночь я впервые почувствовал, что Мир-Хусейни сильно отличается от того человека, которого я в нём знал. Его поведение стало совсем иным. По большей части он просто слушал то, что передавали по радиии, или же шёл к себе в блиндаж, где читал священный Коран. Говорил он тогда очень мало, и если даже такое случалось, то он просто отдавал приказы и указания. До самого утра мы оставались там, и как только начало светать, мы отправились в путь. До горячей точки мы добрались на лодке. Разузнав о положении наших войск, Мир-Хусейни по радиии отчитался перед начальством, после чего затребовал подкрепления для продолжения операции. Мы уже находились прямо перед каналом, где раньше располагались рыбные фермы, и ныне он был известен под этим названием – рыбный канал, и сейчас находился в распоряжении вражеских сил.

Мир-Хусейни предупредил своих, чтобы они были готовы к атаке иракцев. Их танки единым строем приближались к нам. В один момент они открыли по нам залп.

– Идите с противотанковыми гранатомётами вперёд! – повернувшись ко мне и Даулати, сказал Мир-Хусейни.

Хотя мы и были его посыльными, но по мере надобности мы могли исполнить любой его приказ. Даулати Мукаддам готовил оружие для стрельбы, ну а я уже открывал огонь по танкам. Огонь был настолько сильным, что я буквально успевал только немного вылезти из-под укрытия и, немного прицелившись, нажать на курок. Седьмой или восьмой выстрел достиг своей цели, что можно было понять по радостному крику Даулати у меня за спиной, который каждый раз выходил, чтобы посмотреть на результат нашей совместной деятельности. Лицо его к тому моменту было немного чёрным от сажи и грязи. Когда я в очередной раз поднялся наверх, чтобы сделать выстрел, то вдруг неожиданно почувствовал, что вишу в воздухе –

волной от разорвавшегося неподалёку снаряда меня подбросило вверх, после чего больно ударило о землю. Я не мог дышать, и на тот момент я был уверен, что это конец. Буквально своим боковым зрением я увидел то место, где только что находился – там была внушительного размера воронка. Да, это мог быть только танковый снаряд.

Я не мог даже пошевелиться. Одна нога была полностью разорвана, а другая сломана, и к тому же она неудачно легла под моё тело. Я видел также и наших ребят, которые начали отступать. Ко мне подошёл солдат из 25-й дивизии. Тут я понял, что, быть может, ещё не всё потеряно, и что есть шанс выкарабкаться.

– Если можешь, то помоги мне отойти назад, – сказал я ему.

Пока меня несли, я слышал голос Мир-Хусейни, который, как обычно, что-то кричал, и он, надо сказать, воодушевил меня и подбодрил. Я не знал, где он был в тот момент, но одного его голоса было достаточно, чтобы вселить дух уверенности в нас. Через несколько минут я услышал также и голос Даулати. Он искал меня.

– Ибрахим, я здесь! Иди сюда! – кричал я, что было сил.

Он меня услышал. Весь потерянный, он подошёл ко мне.

– Мир-Хусейни послал меня за тобой, – только и смог он сказать.

Шевелиться я по-прежнему не мог. Пур-Исмаил тоже был там. Они вместе взяли меня и, схватив руки с двух сторон, подняли на плечи. Ноги мои висели и болтались в воздухе. Впереди враг открыл огонь из пулемёта прямо по нам. Мы все кинулись на землю. Даулати взял меня за руки и поволок по земле в сторону наших позиций. В тот момент я увидел и Мир-Хусейни. Он как раз проходил мимо меня, когда я ударил рукой по его ноге.

– Командир, – обратился я к нему, когда он посмотрел на меня.

Его взгляд не позволил мне сказать что-то другое или же дополнить сказанное. Никогда прежде я не видел, чтобы он так смотрел на меня. Это был взгляд, полный любви и сострадания, взгляд разлуки навсегда. Он не задержался, и пошёл дальше, отдав приказ о том, чтобы меня отвели назад, в тыл.

Меня отвезли в один из госпиталей Тебриза. Будучи там я увидел, как один из тех, кто находился там на лечении, очень сильной плачет. Он говорил, что Мир-Хусейни погиб. В тот момент я понял, что означал тот его прощальный взгляд. Я и сам не мог остановиться, и очень долго плакал из-за этого. Это был глубокий траур для всех нас...».

Хасан Пур-Исмаил решил взять слово, и начал рассказывать:

«После начала операции прошёл где-то час. С тяжелейшим трудом мы смогли погрузить мотоцикл на лодку, после чего мы поплыли. До самой передовой линии везде была вода. Добравшись до нужного нам берега, мы опять испытали все тяготы транспортировки мотоцикла на лодке, потому как разгрузить его было ничуть не легче, чем погрузить. С какой целью мы его туда притащили я не имел ни малейшего понятия, потому как и иракцы не собирались атаковать, а ушли в глухую оборону. Пройдя немного вперёд, мы нашли Мир-Хусейни.

– Видишь вон тот вал? – спросил он меня, как только завидел, указывая на искомый вал. – За ним находятся наши войска. Быстро отправляйся туда и изучи их обстановку, после чего доложи об этом мне.

Я завёл мотоцикл, и поехал туда, куда он мне указал. В тех окопах, на которые он указал, не было никого, но зато в следующем находился один иракец. Естественно, я об этом не знал, и когда начал звать своих, то он открыл по мне огонь. Остаться там было нельзя, и я, быстро развернув транспорт, поехал обратно.

– Командир, в тех окопах только иракцы! – сказал я Мир-Хусейни, как только встретился с ним.

– Нет, ты просто не разглядел, – сказал он. – На этот раз поедем туда вместе. Он сел позади меня, и мы поехали. Мы проехали эти окопы вдоль и поперёк, но не увидели там вообще никого.

– Я останусь здесь, – сказал Мир-Хусейни. – Ты отправляйся назад и привези сюда несколько человек.

Я вернулся. На передовой были ребята из 404-го батальона. Как только я увидел их, то сказал, чтобы они шли вперёд, к Мир-Хусейни. Командовал ими ныне покойный Али Бина. Увидев его, я доложил ему обстановку и приказ Мир-Хусейни.

– Почему ты оставил его одного? – резко спросил он. – Там ведь совсем близко находятся иракцы!

Состав этого батальона закрепился около канала Зауджи, и они никак не решались продвинуться дальше. Почему-то всем казалось, что чуть дальше укрепились иракцы. Когда они узнали, что впереди Мир-Хусейни, то тут же бросились к нему на помощь.

К тому моменту, когда мы полностью закрепились на новом рубеже, уже было светло. 404-й батальон миновал канал Зауджи и обратил иракцев в бегство. Преследовать их не было возможности. Мир-Хусейни всегда вопрошал: «Почему у нас только один мотоцикл?».

Битва продолжалась. Мир-Хусейни в очередной раз решил проверить, что творится впереди и как далеко ушли иракцы, для чего мы с ним поехали вперёд. Миновав две линии окопов, мы добрались до места, где они закрепились. Их было всего несколько человек. Как только они увидели нас, то вышли с поднятыми руками. Мир-Хусейни слез с мотоцикла, после чего принялся завязывать их руки их же одеждой. Когда он закончил, то рукой указал в сторону наших позиций, давая им понять, что они должны идти туда. Эти несколько человек двинулись к нашим, ну а мы продолжали исследовать местность.

Через какое-то время мы тоже вернулись назад. Мир-Хусейни привёл ко мне одного гранатомётчика, у которого в мешке были снаряды, и, указав на одно место, велел мне высадить его там. Мы тронулись. К тому времени иракцы уже подошли ближе и начали предпринимать попытки контратаки. Гранатомётчик со своей позиции сумел сбить два иракских танка. Иракцы подходили всё ближе и ближе. В этой суматохе раздался голос Мир-Хусейни, который отдал приказ о том, чтобы мы ретировались, что мы и сделали.

В тот момент я скорее душою, чем разумом, осознал, что Мир-Хусейни, на самом деле, выполняет работу, которая по своему объёму и значимости ничуть не уступает работе целого батальона. Наши силы отошли назад, а командующий, отчаянно сражаясь, находился впереди всех. Иракцы усилили натиск, и мы были вынуждены отойти ещё дальше назад, в сторону канала. Мир-Хусейни приказал всем идти в ту сторону.

– Командир, иракцы подошли! – сказал я в один момент.

– Все должны отойти, и лишь затем за ними последуем мы, – хладнокровно ответил он.

В этот момент я обнаружил, что Султан куда-то пропал. Посмотрев туда, где он недавно стоял, я увидел след от танкового снаряда.

– Где Султан? Он отошёл назад, или всё ещё впереди? – спросил Мир-Хусейни.

– Не знаю, – ответил я.

Как он и сказал, мы пересекли тот канал последними, когда все уже были на той его стороне. Когда первый иракский танк заехал на мост, Мир-Хусейни отдал подрывникам приказ, чтобы они взорвали этот мост. До этого от Касема Сулеймани по рации поступил приказ о том, что, какое бы решение ни принял Мир-Хусейни, мы обязательно должны в точности и без каких-либо нареканий исполнить его. Мы начали искать Султана, но

никак не могли его найти. Мир-Хусейни был очень близок с ним, не говоря уже о том, что у них были и родственные связи.

– Оставь всё, и ищи Султана, – сказал он мне тогда.

Сам он также подготовился к тому, чтобы вновь перейти канал, чтобы заняться его поисками, но я не позволил ему идти туда.

– Ты один, – сказал он. – Ты не справишься. Тебе нужна помощь.

Так как я настаивал на том, чтобы он не шёл со мной, он приставил ко мне Ибрахима Даулати. Даже после этого он опять хотел пойти с нами, но мы уже вместе настояли на своём. Мы пересекли канал. Иракцы были немного дальше берега, за валом. Через какое-то время мы, наконец, увидели Султана. Он лежал недалеко от вала, и по нему было видно, что он сильно обескровлен. Танковый снаряд разорвался рядом с ним. Одна его нога выше колена была повёрнута на 180 градусов, от другой ниже колена осталось одно висячее мясо. Мы подошли к нему. Сам он настаивал на том, чтобы мы вернулись назад и оставили его. Он говорил, что его участь уже решена, и что жить ему осталось совсем немного, а мы должны побереечь себя и не рисковать из-за него.

– Мир-Хусейни приказал нам привезти тебя, – сказал я ему, – а раз так, либо мы все пойдём, либо все останемся здесь.

Я взял Султана на плечи. Его ноги в это время держал Даулати Мукаддам. Состояние Султана не внушало больших надежд. Несмотря на весь огонь врага, который непрестанно преследовал цель убить нас, мы не обращали на него никакого внимания, и лишь слушали то, что нам говорил Мир-Хусейни через громкоговоритель.

– Вы прославили всех нас! – кричал он издали, – Пур-Исмаил! Этим поступком ты в очередной раз доказал искренность своих намерений на этой войне!

Мы доставили Султана до канала. В этот момент Мир-Хусейни приказал своим силам открыть подавляющий огонь по неприятелю, чтобы прикрыть нас. Сам он двинулся в нашу сторону. Вместе с Даулати мы погрузили раненного Султана в лодку, и я отправил их вместе, а сам остался по ту сторону канала. Тогда я уже начал чувствовать страх, да и иракцы ни на секунду не ослабляли огня. Я всё хотел тоже перепрыгнуть воду, но не смел даже поднять голову. Недалеко от себя я видел иракцев, которые подходили всё ближе. Они уже давно могли меня пристрелить, если бы того хотели, однако же, как я понял, они вознамерились взять меня в плен. Я был в полном отчаянии, не мог даже пошевелиться. Про себя я начал читать

молитву: «Господи! Я прибыл сюда, исполняя приказ того, кому я должен был подчиняться. Господи! Так не оставь же меня и ныне без помощи, если уж оказался я здесь потому, что исполнял Твоё веление, ведь Ты велел нам подчиняться амирам!».

Что конкретно происходило дальше, я понял не до конца, но по итогу Мир-Хусейни с кем-то на пару пришли ко мне на выручку, и мы вместе без особых осложнений добрались до своих позиций.

Прежде, чем я полностью пришёл в себя, прошло несколько часов. К тому времени бои уже прекратились, и наступило затишье. Иракцы закрепились по ту сторону канала.

– Ты оставайся здесь, – сказал мне Мир-Хусейни. – Я пойду назад, чтобы к нам прислали свежие силы.

Бешарати был тогда радистом Мир-Хусейни. Они пошли назад вместе. Спустя некоторое время, когда я по-прежнему пребывал в себе, ко мне подошёл один из наших.

– У вас нет, случаем, носилок? – спросил он.

– Зачем тебе? – спросил я.

– Нужны.

Когда я опять спросил его, для чего они ему нужны, то он ответил, что Мир-Хусейни убили. Он попросил меня пока никому не говорить об этом. Вот так мы потеряли своего командира и героя...».

Ветер начал дуть уже резко. Я встал. Наступило глубокое молчание – никто не говорил ни слова. Все мы предались чувству скорби. Молча, мы сели в машину, и только по радио ведущий о чём-то вещал.

Водитель высадил каждого из нас на своём месте, и я тоже спешил недалеко от своей временной тюрьмы. Я зашёл в свою комнату и закрыл за собою дверь. На этой чужой для меня земле мне предстояло быть одному.

Из комнаты я вышел только с наступлением вечера, когда на улице стало заметно темнее. В душе была тоска, которую человек может испытывать лишь будучи на чужбине. Когда на сердце стало легче, я вновь приступил к бумагам, часть которых была со мной. Следующим на очереди был рассказ Мухаммад-Хусейна Пудине. Этот человек многое сделал во время войны, да и теперь трудится самозабвенно во имя общей цели. Помню, как он выражал свои извинения за то, что не смог записать все свои воспоминания. О последнем дне он написал меньше страницы:

«Это было утром, во время операции "Кербела-5". Насколько это нам было известно, наши силы продвинулись вперёд, вплоть до участка, который

изначально и планировалось занять. Мы полностью закрепились на новой позиции, так, что были готовы отражать не только нападение пехоты, но и бронированной техники. Один батальон мы послали вперёд, а все остальные держали оборону на месте. По рации я доложил Мир-Хусейни об обстановке и достигнутом успехе операции. В это время он был где-то по правую сторону от нас. Я попросил его, чтобы он наведаль нас при первой возможности.

Прошло совсем немного времени, как он прибыл к нам на мотоцикле. Когда он своими глазами увидел, как мы сработали, то был несказанно рад. Он крепко обнял меня.

– Молодцы! Вы сделали всё, как нельзя лучше! – сказал он.

Мы начали с ним обсуждать дальнейшие действия на новом рубеже. По плану в операцию должен был вступить ещё один батальон, который пока ещё не прибыл туда. Как бы я ни пытался связаться с ними, у меня никак не получалось это сделать. Мир-Хусейни сказал, что он отправится туда лично, чтобы проверить, двигаются ли они в нашу сторону, а за это время мы должны были продолжать укрепление позиций.

Он сел на свой мотоцикл и уехал. От нас он отделился на расстояние в 200 метров, и я пошёл заниматься своим делом. Как раз в этот момент та злосчастная пуля попала ему в голову. Я об этом узнал лишь потом. Когда я только услышал об этом, то был просто шокирован.

Я до сих пор помню наше с ним последнее расставание и его искреннюю радость за нашу работу. Этого мне никогда не забыть, как и его завет о том, чтобы мы в должной степени ценили своих ребят. Светлая ему память...».

Я вернулся в комнату. Надо было собрать бумаги в третью картонную коробку. Осталось всего несколько листов, которые надо было прочитать. Первым попадается рассказ Абдоль-Али Мир-Шахраки:

«Во время выполнения военной операции Мир-Хусейни каждое утро наведывался на передовую, здоровался со всеми в отдельности и начинал заниматься укреплением линии. С его приходом у всех на душе становилось спокойнее. У него было такое свойство и умение – внушать уверенность и воодушевлять.

Было время операции "Кербела-5". Мы уже миновали все преграды и подошли к позиции, которая была отвоёвана нашими. Когда мы прибыли туда, мы сменили батальон, который находился там до этих пор, и в дело вступил 409-й батальон. Мы зачистили восточную часть рыбного канала и продвинулись ещё дальше вперёд, где мы также закрепились. По своей

старой привычке, я ждал того, что Мир-Хусейни придёт навестить нас, но он никак не приходил. Спустя какое-то время вопрос о том, почему Мир-Хусейни всё ещё не пришёл проведать нас, был на устах у всех ребят. Некоторые говорили, что это не может быть спроста, что с ним что-то случилось, потому как иначе это было бы невозможно.

Мы провели там уже несколько дней, и всё время только и ждали Мир-Хусейни. Когда мы вернулись назад, то нам сообщили о том, что он пал смертью мучеников. Чувство потери было очень сильным, как будто все потеряли отца. В тот момент мне вспоминались все те события, в которых мы принимали с ним участие, дни, проведённые в лагере Джунгли, в Заболе и Джазинаке.

В тот момент всё закончилось...».

Юсуф Кейха сам не был свидетелем гибели Мир-Хусейни, однако он рассказал о том, как узнал об этом:

«Это было утром 9-го января. К этому времени бригада имени имама Джафара Садыка сумела захватить одно из вражеских укреплений. Эта новость тут же была телеграфирована в штаб. В скором времени после этого к нам на мотоцикле прибыл Мир-Хусейни. Спешившись, он обнял по очереди каждого солдата. Быстро войдя в курс дел, он взял у меня бинокль и начал изучать обстановку. Я находился рядом с ним. В это время вражеские силы перегруппировывались и готовились для контратаки. Бронированная техника была впереди, а пехотинцы позади неё.

Мир-Хусейни быстро спустился с вала, начал отдавать приказы и организовывать людей для правильной обороны, после чего занялся сверкой о снабжении передовых частей.

Силы врага наступали. Мир-Хусейни позвал меня к себе. Он приказал мне взять несколько человек и совершить атаку с фланга. Я собрал необходимый отряд, и мы тронулись.

Когда мы продвинулись немного вперёд, в меня попал осколок. Недалеко от нас разорвался снаряд, и я даже не успел понять, что произошло, как уже лежал на земле. Двое санитаров, которые переносили раненных назад, забрали меня. В машине скорой помощи я увидел Даулати Мукаддама, посыльного Мир-Хусейни. Я спросил его о нём, но он ничего конкретного не ответил, и я почувствовал, что он что-то скрывает от меня. Спустя какое-то время я узнал, что Мир-Хусейни был убит во время той операции...».

Я беру в руки бумаги, на которых последнее повествование о Мир-

Хусейни. Написал его Есфандияр Мир. Как и меня, в тот день его не было в Шаламче:

«Мы находились на линии в Эль-Фао, когда началась операция "Кербела-5". Мы быстро преодолели расстояние и оказались в месте операции. Будучи в лагере Джунгли, я узнал, что Мир-Хусейни пал мучеником. Атмосфера в лагере была иной, не как обычно. Было такое чувство, что был день Ашура. Все плакали по Мир-Хусейни. В течение дня по несколько раз разными группами организовывались мероприятия по чтению молитвы за Мир-Хусейни. В наших рядах была сделана огромная брешь. Нам объявили, что все батальоны должны собраться в мечети. В назначенное время мы пошли туда. На той встрече Касем Сулеймани говорил о Мир-Хусейни. По моим ощущениям, плакали не только мы, но также и стены той мечети.

Это был очень странный день...».

Я собрал все бумаги. Комната стала такой же, какой она была в тот день, когда я в неё заехал. Как обычно, я лёг посреди комнаты, мечтая о том, чтобы уснуть в эту ночь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В пути я вдруг осознал, что настолько погрузился в думы, что уже и не знал, сколько часов прошло с того момента, как я вышел. Подойдя к двери дома Мир-Хусейни, я постучался. Дверь открыла юная девочка. Кто это? Зейнаб? Нет, это маловероятно. Как только она увидела меня, то тут же побежала внутрь дома, а к двери подошёл Хадж Муса. Я прошёл внутрь по его приглашению. Сев, я рассказал ему цель своего визита. Хадж Мурад-Али принёс нам чай, из-за чего мне было весьма неловко перед ним, ведь он намного старше меня. Хадж Муса начал говорить:

«Это был 9-й день января, когда мне позвонили. Мы поговорили об общем, но утром я чувствовал, что мне позвонили не ради праздных бесед, что есть какая-то важная новость, однако мой собеседник так ничего и не сказал мне. После этого звонка я сам отправился на фронт близ города Сумар. В этом районе планировалось проведение операции "Кербела-6". Операция началась, и я всё слушал переговоры по радио, чтобы хоть что-то разузнать о том, что творилось на южном фронте. Операция "Кербела-5" также шла полным ходом.

Сам я на фронте занимался тем, что наводил прицел для артиллерии. В то время, когда я был там, к нам приехал джип из 88-й дивизии. Это был вечер 16-го января. Я сел в машину, и мы поехали к гарнизону. Там меня ждал командующий дивизией. Только увидев меня, он дал мне бумагу, дающую право увольнительного отпуска.

– Я ведь только вернулся из увольнительного, – сказал я, – всего четыре дня прошло, как я здесь.

Он молчал.

– Два моих брата участвовали в операции "Кербела-5". Если с ними что-то случилось, то так и скажите, – не выдержав молчания, сказал я.

– Нет, – наконец, ответил он, – высшим руководством было принято решение о том, чтобы вы вернулись обратно. Есть вопросы, которые вы должны решить.

С самого начала операции "Рамадан" я всегда ждал каких-нибудь недобрых вестей о Мир-Касеме, однако ещё больше я переживал за другого своего брата.

– Вы ведь знаете, что я далеко не слабый духом человек, – сказал я ему. – Если мои братья погибли, то я готов принять эту новость. Просто скажите

мне правду.

– Как ты думаешь: кто из них погиб? – вдруг спросил он.

– Мир-Хасан? – спросил я в ответ.

– Нет. Не думай ни о чём плохом. Просто езжай скорее домой.

Я сразу же выехал в сторону Керманшаха. Город в то время был почти пустым. Я отправился в тюркскую мечеть, которая служила местом сбора наших солдат. Оттуда по телефону я связался с родными. Трубку поднял один из членов семьи. Он также поначалу ничего не говорил, но когда я надавил и сказал, чтобы он рассказал, в чём дело, то сообщил, что Мир-Касем погиб, и что через два дня в Кермане состоится его похороны. В то время Керманшах находился под бомбёжкой иракцев, из-за чего в городе почти ничего не функционировало. Ночь я провёл там же.

Я никак не мог заснуть. Несколько раз пролетали самолёты и что-то бомбили. Это была тяжёлая ночь, в течение которой я не смыкал своих век. С наступлением утра я тронулся в путь. Найти транспорт было не самым простым делом. В конце концов я сел на автобус, следовавший до города Кенгавер. Оттуда я должен был поехать до Хамадана, и после него до Кума. Меняя транспорт, я постепенно приближался к цели. Добравшись до Кашана, я сел на автобус до Захедана.

В Керман я прибыл ранним утром. На похоронах присутствовали родные и близкие. На маленьком клочке земли было вырыто 60 могил, первая из которых принадлежала Мир-Касему. Там я и увидел своего брата...».

Все обитатели дома уже были в сборе. Такое чувство, будто история повторяется для них, и они заново испытывают всю боль той утраты. Сестра Мир-Касема – Марзия Мир-Хусейни – начала рассказывать:

«Мы были в доме и пекли хлеб. На улице было холодно, и тепло печи приятно грело в эту стужу. По радио играли патриотические песни. С начала военной операции прошло несколько дней. Я и жена Мир-Касема помогали друг другу во всём. Несмотря на то, что в течение нескольких дней она должна была родить, работала она ничуть не меньше меня. Мы постоянно повторяли ей, чтобы она не нагружала себя и побольше отдыхала.

Так вот, когда мы пекли хлеб, нам и сообщили о том, что Мир-Касем погиб. Эта новость, словно раскалённая пуля, ударила в наши сердца. Мы просто не знали, куда себя деть, когда узнали об этом. Никто не мог выговорить и слова – все просто рыдали. У нас было такое состояние, будто бы вся планета сотряслась и все люди на ней умерли, будто весь этот мир разбили

о наши головы.

После этого все мысли были о Мир-Касеме и его ребёнке, который родится без отца. В голове без конца повторялись его слова, когда он сказал мне, что я должна быть стойкой сама и поддерживать остальных, особенно мать. О, как же страдала в то время его жена! Она всё время плакала навзрыд, вспоминая его...».

Мои глаза наполнились слезами. Я с трудом сдерживал себя. Другая сестра Мир-Хусейни в тот день была не в Систане. Она тихо начала рассказывать свою историю:

«Мы были дома, как вдруг зазвонил телефон. Трубку поднял мой муж. Я знала, что брат находится в самой гуще событий, и поэтому в сердце всегда была тревога, что с ним может что-то случиться, и от каждого неожиданного телефонного звонка тревога немного усиливалась. Вдруг я увидела, что муж мой изменился в лице. Уронив трубку, он свалился на стул. В гостях у нас был один из наших соседей, и он взял трубку и начал о чём-то говорить. – Что случилось? – спросила я его, когда он, наконец, положил трубку.

Я как ничего другого ждала ответа, но никто из них не сказал, в чём дело. Когда я начала умолять их сказать, то наш гость сказал: «Не переживай, ничего плохого не случилось. Брат твоего мужа попал в аварию. Готовься, мы едем в Заболь».

Я быстро встала, чтобы собраться, но была какой-то потерянной, даже толком не понимала, с чего мне начать. Собравшись на скорую руку, мы выехали.

В Заболь мы прибыли ранним утром. Мы отправились в дом другого брата моего мужа. Я уговаривала их рассказать, что случилось, потому как отчётливо видела в их глазах большую скорбь.

– Наверняка что-то случилось с одним из моих братьев, и поэтому вы мне ничего не говорите! – возмутилась я.

Они пытались меня успокоить, но их попытки не увенчались успехом. Я вышла оттуда и отправилась в наш дом. По тому, что я там увидела, я тут же поняла, что все мои догадки являются истиной – моя сестра и жена Мир-Касема сидели и, закрыв лица руками, горько плакали. Я не могла пошевелиться, и просто стояла, смотря на них. Между их словами я различила имя Мир-Касема, услышав которое я свалилась на землю, и после этого я уже ничего не понимала. Были только имя Мир-Касема, слёзы и тяжёлая скорбь. Моя грудь будто разрывалась от осознания того, что его больше нет с нами.

На третий день после смерти Мир-Касема родился его ребёнок. Мы так обрадовались, будто Мир-Касем вновь ожил. В своём завещании он написал, что если у него родится сын, то он будет носить имя Хусейн, а если дочь, то Зейнаб.

С самого дня своего рождения Зейнаб стала полноправным членом нашей семьи и напоминала нам о Мир-Касеме. Она была утешением от Господа для нас.

Наступил и сороковой день после смерти Мир-Касема. Брат сказал мне тогда, что он собирается отвезти его вдову в Захедан, чтобы она немного развеялась после всех этих событий. На следующий день она уже выехали в сторону Захедана. Вечером того дня они все собрались в доме. Было уже поздно, когда вдова моего брата ушла в комнату, которую подготовили специально для неё...

Утром мы все проснулись от крика матери Зейнаб. Малышка перестала дышать. Это был очень тяжёлый удар для всех нас. Во взгляде этой девочки мы видели Мир-Касема, в её плаче мы слышали его голос. Она во всём была похожа на своего отца, но, к сожалению, жизнь её была очень короткой.

Она ушла, и боль потери Мир-Касема ожила с новой силой в наших сердцах...».

Я встал. У меня был билет на полуденный рейс, и времени оставалось совсем немного. Я попрощался со всеми, и отдельно с отцом семейства – Хадж Мурад-Али. Он его исходил приятный аромат полевой пшеницы и веяло благородством духа.

Мать Мир-Хусейни стояла на улице. Опёршись на свою трость, она смотрела на меня. Я громко сказал, что пришёл проститься, и что я уезжаю. По её взгляду я понял, что она не услышала меня, ну или просто не поняла. Я склонил перед ней голову. Искривлённая осанка этой женщины свидетельствовала о том, что через неё прошла вся боль и печаль сынов этой земли, начиная от Сухраба³² и заканчивая Мир-Касемом.

Машина уже прибыла за мной, всё тот же пикап. Я сел в неё, и, взглянув на собравшихся родственников Мир-Хусейни, помахал им рукой. Мы поехали. Водитель протянул мне лист бумаги. Прочитав заголовок, я понял, что текст написал Мухиб-Али Фарси:

³² Эпический иранский герой, сын Рустама.

«Одним из главных достоинств семьи Мир-Хусейни является их бесконечное терпение и стойкость. Согласно тому, что говорили величайшие люди, терпение – это признак истинной веры. Именно вера способствовала тому, чтобы семейство Хадж Мурад-Али стало столь крепким и возвышенным.

За их жизнь они сталкивались со множеством проблем, и свидетелем некоторых из них являюсь я сам, и то, как достойно они прошли через все невзгоды, свидетельствует об истинности этих слов.

Мир-Хусейни четыре года был женат, но у него не рождались дети. Когда он уже был на фронте, в армии сказали, что им не хватает живой силы для работы в аэропорту. Мир-Хусейни предложили назначить его женой как работника в аэропорту, потому как она пребывала одна. Он согласился, и, пройдя подготовку, она устроилась туда работать.

Во время выполнения боевой операции "Аль-фаджр-4" зять Мир-Хусейни по имени Бахман Хосрови был убит, после чего его жена и ребёнок остались совсем одни. Мир-Хусейни привёл их к себе домой, чтобы им было легче жить, ведь и жена его была одна.

Когда он взял очередной увольнительный отпуск и приехал к себе домой, он решил съездить с членами семьи в Мешхед, чтобы совершить зиярат. На обратном пути, когда они ехали в Захедан, одно из колёс взорвалось, из-за чего их машина перевернулась. Хадж Мурад-Али получил серьёзную травму шеи, и его пришлось отвезти в одну из больниц Захедана, где он проходил стационарное лечение.

Примерно в это же время, когда он опять вернулся с фронта, его жена нечаянно застрелила его сестру. Пуля попала ей прямо в голову и убила на месте.

Это событие стало большим горем в семействе Мир-Хусейни, но Хадж Мурад-Али с достоинством прошёл и через него. Через какое-то время, когда жена Мир-Касема была беременна, при исполнении задания в операции "Кербела-5" его убили.

В каждом человеческом обществе имеется убеждение в счастливую и плохую, несчастную судьбу, и тем более в сельских обществах. Такая череда горестных событий по всем правилам должна была натолкнуть Хадж Мурад-Али на мысли о том, что над ним стоит злой рок, но он ни в коей мере не дал подобным предательским мыслям овладеть собою.

Ребёнок Мир-Касема родился на третий день после его кончины. Он завещал, чтобы в том случае, если у него родится сын, его назвали Хусейном, а если дочь – Зейнаб. Когда прошли траурные мероприятия, связан-

ные с наступлением сорокового дня после гибели Мир-Касема, его старший брат решил отвезти их в Захедан. Причиной тому было то, чтобы мать Зейнаб немного отошла от этого тяжёлого траура и сменила обстановку. В ту ночь почти никто не спал, потому как по телевизору показывали кино, что случалось довольно-таки редко в те времена. Мир-Аббас рассказывал, что они проснулись в полночь от сильного плача Зейнаб. Он разбудил жену и сказал ей, чтобы она разбудила её мать и дала ей молока. Они знали, что у неё крепкий сон. Через какое-то время плач прекратился, и они опять заснули. Утром они все вскочили от истошного крика, который издала вдова Мир-Хусейни, и побежали в её комнату. Девочка была вся чёрная из-за синяков. Когда мать кормила её, то уснула, и, видимо, задавила её во сне.

Я не понаслышке знаю, насколько злые языки могут влиять на мнение о человеке, тем уж более, если проступок уже не первый, но Хадж Мурад-Али всегда был для вдовы своего сына как родной отец. Он привёл её в свой дом, где она жила душа в душу с ними.

Через какое-то время к ней посватался один человек. Хадж Мурад-Али выразил своё согласие на этот брак, и, более того, отдал им всё, что принадлежало Мир-Касему. Они сыграли хорошую свадьбу.

Благородная душа этого человека не позволил ему дать место в своей душе всякого рода сомнениям и ложным убеждениям. Он всегда плыл против течения, чтобы показать всем людям, каким образом Мир-Хусейни стал таким, какой он есть.

Поистине, его благородство было результатом его собственных поступков и колоссального терпения, которое он проявил в своей жизни...».

Мы прибыли. Я сказал водителю, чтобы он подождал меня, пока я схожу за своей сумкой. Я опять зашёл в свою, уже бывшую, комнату. Всё было убрано. В картонные коробки были сложены все бумаги, кроме одного единственного листа. Это было воспоминание Есфандияра Мира. Я тут же принялся его читать:

«В те дни я всё время проводил за пулемётом. Мы чуть ли не руками и зубами рыли окопы, потому как не было необходимых инструментов. Оружие нередко клинило, и мы сразу же заменяли его другим. Изо всех сил мы держали оборону против иракцев. Бывало и такое, что мы делали вылазки для того, чтобы собрать оружие и припасы с тел погибших, потому как испытывали сильный дефицит. Мы были как будто брошенными всем миром, и единственное, что поддерживало в нас дух, была могила Мир-

Хусейни, которая располагалась недалеко от нас. Даже после смерти он оказывал на нас влияние. Когда мы сильно уставали или нас одолевала тревога и печаль, то мы поворачивались в его сторону и начинали читать молитву. Мы в душе общались с ним, и это придавало нам сил.

Однажды иракцы так близко подошли нам, что между нами оставалось всего каких-то пять или десять метров. Эта была удивительная картина. Неоднократно я наблюдал такую сцену, когда кто-то из наших прямо в разгар боя обращал лицо в сторону Мир-Хусейни и, прочитав молитву, отчаянно и с новой силой бросался в бой. Мы отстояли позиции и свели замысел врага на нет. Я сам неоднократно становился прямо под пулёмётную очередь и сам открывал огонь по врагам, крича: «Мир-Хусейни! Клянусь Богом, мы не позволим врагу преодолеть эту черту! Клянусь Богом, Мир-Хусейни!».

В те тяжёлые дни он служил для нас поддержкой. Его уход стал для каждого из нас тяжёлым испытанием, начиная от Касема Сулеймани и заканчивая рядовыми солдатами...».

Последний лист я также положил в коробку, после чего закрыл её. Время близилось к полудню. Взяв чистый лист, я начал писать на нём: «Приветствую Вас. Хочу доложить, что мною были прочитаны все воспоминания о Мир-Касеме Мир-Хусейни. Честно говоря, я даже не знаю, в силах ли я передать всё величие этой уникальной личности. По возвращении я сделаю всё, что в моих силах. Вас же я хотел отдельно поблагодарить за то, что познакомили меня с этим человеком. Память о нём навсегда останется со мной. Все прочтённые мною бумаги я вновь сложил в коробки, однако оставил для себя одну единственную фотографию, которая будет служить мне напоминанием о нём и его жизни».

Закончив писать, я положил этот лист на коробку и закрепил его, после чего снял фотографию со стены и положил её в левый карман своей рубашки. Я вышел. На улице дул горячий ветер. Судя по всему, лето вступило в свои права. Память о Мир-Хусейни сияет в моём сердце, словно драгоценный алмаз на зелёной глади Хамуна.

Ахмад Дехган

АЛМАЗ ХАМУНА

Воспоминания
Миргасем Мирхосейни

Перевод с персидского М.С. Израилев

Редактор перевода Н.Г.-А. Мамед-заде

Помни Хусейна

Pomnihuseyna

Отпечатано ООО «Медиаграф».
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9.03. Тираж 300 экз.
Заказ №47 от 24.07.2020 г.

www.media-polis.ru

г. Ростов-на-Дону
2020 г.